

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КОВАЛЕВ АРТЕМ ЕВГЕНЬЕВИЧ

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ КУРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Праведников Сергей Павлович

Курск – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК	10
1.1. Лингвистическое изучение фольклорных текстов	10
1.1.1. Лингвофольклористика как научная дисциплина	10
1.1.2. Основные понятия фольклорной лексикологии. Особенности лексического состава русского фольклора.....	15
1.1.3. Направления исследований лексического состава русского фольклора.....	22
1.2. Жанр русской народной сказки в отечественной фольклористике	26
1.3. Русская народная сказка как объект лингвистических исследований	38
1.3.1. Опыт описания языка русских народных сказок.....	38
1.3.2. Собираение и изучение курских народных сказок	49
1.4. Выводы.....	58
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА КУРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ	61
2.1. Ядро и периферия лексикона. Частеречный анализ ядра	61
2.2. Анализ высокочастотной лексики.....	66
2.2.1. Имена существительные	66
2.2.2. Глаголы	82
2.2.3. Имена прилагательные	91
2.3. Анализ отдельных групп лексики	98
2.3.1. Общий анализ лексического состава	98
2.3.2. Разговорная лексика	102
2.3.3. Просторечная лексика	106
2.3.4. Диалектизмы.....	108
2.3.5. Устаревшая лексика.....	117
2.3.6. Фольклоризмы.....	120
2.4. Выводы.....	126

ГЛАВА III. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ КУРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ	129
3.1. Кластер «Семья»	129
3.1.1. Состав кластера «Семья»	129
3.1.2. Субкластер «Кровное родство»	135
3.1.2.1. Родители и дети	136
3.1.2.2. Братья и сестры	143
3.1.3. Субкластер «Отношения свойства»	147
3.1.4. Субкластер «Близкие неродственные отношения»	153
3.2. Кластер «Животные»	158
3.2.1. Состав кластера «Животные»	158
3.2.2. Субкластер «Млекопитающие»	167
3.2.3. Субкластер «Птицы»	178
3.2.4. Субкластер «Пресмыкающиеся»	184
3.3. Выводы	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	192
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	193
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	194
ПРИЛОЖЕНИЯ	217

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению языка курских народных сказок и описанию их лексического состава. Оно осуществляется в рамках лингвофольклористики – интегративного направления, занимающегося выявлением особенностей языковой структуры в фольклорном произведении.

Значимой задачей лингвофольклористики является сохранение и изучение малоизвестных региональных фольклорных текстов, демонстрирующих уникальные, выразительные особенности фольклорного языка определенной территории. Основной задачей при этом становится описание отраженной в фольклоре информации о культуре народа, его быте, социальном строе, об особенностях философии, мировоззрения, мировосприятия. Главным источником информации в таких исследованиях становится лексика.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, современными условиями практически полной утраты фольклорного творчества и возникающей в связи с этим необходимостью сохранения фактов языка фольклора и их изучения.

Во-вторых (и это главное), в условиях современной глобализации, приводящей к стиранию границ и утрате индивидуальных черт народной культуры, значимое место в гуманитарной науке отводится культурологическим исследованиям. Лингвофольклористика, направленная на описание народного духа, отраженного в фольклорной языковой картине мира, играет в этом немаловажную роль. Она дает ценный материал для изучения культурного кода народа, способствует пониманию и сохранению его истории.

Таким образом, говоря об изучении языка фольклора мы, с одной стороны, сталкиваемся с проблемой исчезновения языкового материала и необходимостью его сохранения, а с другой – наблюдаем возросший к нему интерес в современной научной парадигме.

Степень разработанности темы и теоретическая база исследования. За последнюю четверть века тема языка русской народной сказки разрабатывалась в исследованиях лингвистов разных регионов страны. Вопросы лексического

состава русских народных сказок освещались в работах Е.И. Алещенко (2006, 2007, 2008), О.В. Волощенко (2006), О.Г. Горбачевой (2008), Е.Н. Девицкой (2014), В.В. Карповой (2018), А.А. Кретьева (2015, 2016), Т.И. Мальцевой (2000, 2017, 2020), И.Е. Пенской (2008), М.В. Петрухиной (2006), С.П. Праведникова (2010, 2012, 2016), В.А. Черваневой (2003, 2005, 2007), И.П. Черноусовой (2012, 2013, 2023), Л.В. Эповой (2007) и других исследователей.

В определении содержания лингвофольклористических исследований и в частности исследований в области фольклорной лексикологии диссертация опирается на труды И.А. Оссовецкого (1952, 1975), П.Г. Богатырева (1973), А.П. Евгеньевой (1963), Е.Б. Артеменко (1977), А.Т. Хроленко (1974, 2010, 2017) З.К. Тарланова (1996), Н.И. Моргуновой (1999), И.С. Климас (2005) и др.

Значимыми для диссертации являются идеи, сформулированные в литературоведческих исследованиях, посвященных изучению сказочного жанра. Это работы А.Н. Веселовского (1989), Ф.И. Буслаева (1861), С.Ф. Ольденбурга (1916), М.К. Азадовского (1931), Ю.М. Соколова (1938), А.И. Никифорова (1928, 1936), В.Я. Проппа (1928, 1946, 1984), Э.В. Померанцевой (1963), Н.В. Новикова (1974), Ю.И. Юдина (2006) и других ученых.

Объектом исследования стали тексты народных сказок, записанные на территории курского региона в XIX и XX вв., **предметом исследования** – их лексический состав.

Цель исследования – дать разноаспектное описание лексического состава курской народной сказки.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

– уточнить основные понятия, методы и принципы фольклорной лексикологии; рассмотреть направления работы по описанию лексического состава фольклорных текстов;

– проанализировать и обобщить опыт изучения языка русских народных сказок, установить основные направления исследований;

– выделить ядро и периферию лексикона курской сказки, описать состав ядра;

- выявить посредством доминантного анализа особенности предметного, процессуального и признакового мира курских сказок;
- проанализировать сказочный мегатекст на наличие единиц различных групп лексики, рассмотреть их состав и особенности функционирования;
- описать территориальную специфику языка курских сказок;
- провести кластерный анализ наиболее значимых элементов языковой картины мира курских сказок.

В исследовании применялись следующие **методы**:

1) общенаучные: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, аналогия, классификация; активно использовались количественные методы;

2) лингвистические: описательный метод, метод контекстного анализа, дистрибутивного анализа, элементы сопоставительного метода.

Также применялись оригинальные **методики**, разработанные курскими лингвофольклористами: методика кластерного и доминантного анализа, элементы методики сжатия конкорданса.

Материалом исследования послужили четыре лексикографических комплекса, составленных на основе текстов 76 курских сказок четырех собраний разных лет: сказок, записанных Ф. Белкиным (1863 г.) – 14 текстов; сказок, изданных А.Н. Афанасьевым (1855–1863 гг.) – 15 текстов; сказок, собранных при участии студентов и преподавателей Курского государственного педагогического института в 1940-х гг. и в 1980 г. – 24 и 23 текста соответственно. В ходе исследования на основе мегатекста лексикографических комплексов был составлен единый словарь, в который вошло 4 815 лексем в более чем 44 000 словоупотреблений.

Научная новизна исследования состоит в комплексном описании лексикона курской народной сказки, в изучении региональных малоизученных фольклорных текстов, во введении в научный оборот нового фактического материала.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем представлены основные этапы собирания и изучения сказочных текстов в отечественной науке, охарактеризованы основные достижения в области изучения языка русской народной сказки и курской сказки в частности. В работе описано содержание фольклорной лексикологии, названы основные понятия, охарактеризованы подходы к изучению фольклорной лексики, представлены достижения в области фольклорной лексикографии на материале сказок, в области лингвокультурологических исследований сказочных языковых единиц. Диссертация способствует углублению изучения фольклорной языковой картины мира курских (и русских) сказок, выявлению ее национальных особенностей.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться при изучении курсов диалектологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвофольклористики, а также других курсов, связанных с изучением языка русского фольклора; при составлении различных лексикографических материалов, например, диалектных словарей, лингвокультурологических словарей концептов.

Основные результаты исследования отражены в следующих **выносимых на защиту положениях**:

1. Изучение региональных фольклорных текстов является значимым направлением современной лингвофольклористики. Предшествующий в науке этап фиксации фольклорных произведений, развитие методов исследования языка фольклора, развитие направлений фольклорной лексикологии, лексикографии, диалектологии, появление новых способов хранения и обработки объемных мегатекстов – все это способствовало продвижению исследований в данной области. Однако сегодня в теме изучения региональных фольклорных текстов по-прежнему остается большой пласт неизученного фактического материала, к которому относятся в том числе и курские народные сказки.

2. Лексикон курской народной сказки характеризуется структурной неоднородностью в силу сложной природы языка фольклора. В нем в разном объеме фиксируются единицы различных групп лексики: общеупотребительная,

разговорная, просторечная, устаревшая лексика, группы фольклоризмов, диалектизмов, темных слов.

3. Курские народные сказки обладают необычным количественным соотношением лексических единиц, представляющих предметный, признаковый и процессуальный мир: признаковое пространство, являющееся значимым для других фольклорных жанров, в курских сказках представлено ограниченным набором лексем; ядро лексикона формируют наименования из сферы предметного и процессуального мира.

4. В центре предметного мира курских сказок находится лексика системы родства. Термины родства, свойства и близких неродственных отношений наделяются ярко выраженными культурными смыслами, стереотипами; передают представления народа о таких ключевых понятиях, как семья, любовь, добро, забота о ближнем; демонстрируют особенности социального строя общества. Основу лексики системы родства в курских сказках составляют обозначения членов нуклеарной семьи.

5. Значимую часть фольклорной языковой картины мира курских сказок составляет зоонимическая лексика. В текстах животные описываются с двух сторон: с одной стороны, это обычные дикие и домашние животные, окружавшие человека на протяжении всей его жизни, а потому нашедшие отражение в фольклорных произведениях; с другой стороны, намного чаще животные – это волшебные существа, наделенные необычными свойствами, признаками, выполняющие специфичные, необычные для себя функции, являющиеся символами таких ключевых категорий, как жизнь и смерть, добро и зло и др.

6. Лексика курских сказок обладает отличительными особенностями, обусловленными жанровой спецификой текстов. Так, на лексический состав оказывают влияние сюжеты сказок, различные композиционные особенности, свойственные сказкам, сказочные формулы, типичные образы и архетипы, устоявшиеся жанровые эпитеты, сравнения и мн. др.

Апробация работы. Результаты и материалы исследования были представлены на конференциях регионального уровня: VII Зимняя научная школа

«Лингвофольклористика» (г. Курск, 2022 г.), «Ономастическое пространство как ценностное ядро национальной ментальности и самоидентификации (к 1000-летию основания г. Курска)» (г. Курск, 2024 г.); на международных конференциях: VIII Зимняя научная школа «Лингвофольклористика» (г. Курск, 2024 г.), IX Зимняя научная школа «Лингвофольклористика» (г. Курск, 2025 г.); «Русистика в системе современного научного знания: XLII Распоповские чтения» (г. Воронеж, 2025 г.); XII Международная научная конференция «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира» (г. Северодвинск, 2025 г.).

Результаты исследования отражены в девяти публикациях, среди которых статьи в журналах из перечня рецензируемых научных изданий: «Теория языка и межкультурная коммуникация» (г. Курск), «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» (г. Петрозаводск).

Также в рамках исследования издана монография «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Курские сказки 30-х гг. XX в.» (г. Курск, 2024).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка источников, Списка использованных словарей, Библиографического списка и четырех Приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

1.1. Лингвистическое изучение фольклорных текстов

1.1.1. Лингвофольклористика как научная дисциплина

Филологическое изучение языка русского фольклора началось в 40-е годы XIX столетия, когда развернулась деятельность по собиранию устно-поэтических произведений [Хроленко 2010: 7]. У истоков исследований в данной области стоят такие ученые, как А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, И.П. Сахаров, А.Н. Веселовский, М.А. Колосов и др. В своих работах они многократно обращались к фольклорному языку, приводя в качестве примеров и характеризуя большое количество фактов, почерпнутых из текстов устно-поэтических произведений. «Чуждые современной дробности науки, они видели этот язык как нечто целое во всем богатстве связей с другими эстетическими и коммуникативными системами» [Хроленко 2017: 25].

В большинстве работ тех лет язык фольклора рассматривался не как самостоятельный объект изучения, а как источник и средство получения материала для исследований по диалектологии. Так, например, М.А. Колосов, говоря о значимости фольклорного слова, отмечал: «...Собственным опытом убедился, каким важным пособием для выводов по языку могла бы послужить мне сказка <...>. Сказка давала бы мне возможность слушать в течение продолжительного времени непрерывную речь крестьянина» [Колосов 1876: 5].

И.А. Оссовецкий писал: «По народным говорам собран огромный фактический материал, однако и записи и специальные монографии имеют в виду в основном бытовую диалектную речь, а не язык устной поэзии, который почти не привлекал к себе специального внимания ни языковедов, ни фольклористов» [Оссовецкий 1952: 93]. «Даже те исследователи, которые строили свои работы в основном на фольклорном материале, и, казалось бы, должны были учитывать его специфику, не выделяли язык фольклора как особую экспрессивно-эмоциональную форму описываемого ими диалекта» [Там же: 94].

Внимания в этой связи заслуживает работа М.Е. Соколова «О языке сказок, песен и областных словарях» [Соколов 1908], в которой проводится черта между диалектами и фольклорными записями. Автор указывает на то, что в фольклорных текстах следует искать признаки тех или иных диалектов, однако «записи сказок и песен, как бы они ни были многочисленны и точны, не могут заменить нам словарей областных говоров» [Там же: 129].

По мнению И.А. Оссовецкого, до второй половины XX в. «изучение фольклора в русской науке шло такими путями, которые исключали возможность изучения его языка как самостоятельной темы» [Оссовецкий 1952: 95]. Фольклорный материал рассматривался как поле для этнографических или литературоведческих исследований, как «механическая сумма сюжетов и мотивов», которая сравнивалась с фольклором других народов с целью обнаружения параллелей. «В подобных работах произведения устной поэзии теряли всякий национальный колорит, все свое своеобразие и распadaлись на ряд механически соединенных кусков» [Там же].

В 40–50-е гг. XX в. сложился новый подход к исследованию языка фольклора. Он связан с именами И.А. Оссовецкого [Оссовецкий 1952, 1975], П.Г. Богатырёва [Богатырев 1973] и А.П. Евгеньевой [Евгеньева 1963].

И.А. Оссовецкий понимал язык фольклора как «метасистему, включающую в себя подсистемы отдельных его жанров, в которых она конкретно реализуется» [Оссовецкий 1975: 67]. Помимо жанровой дифференциации И.А. Оссовецкий учитывал и территориальные различия: «Система языка фольклора варьируется также и в зависимости от географического фактора и прежде всего потому, что в разных местностях бытуют разные жанры фольклора» [Там же]. Язык фольклора, по мнению исследователя, «находится в разных отношениях и к конкретным говорам, и к диалектному языку, и к языку общенациональному» [Там же].

А.П. Евгеньева посвятила проблеме языка фольклора монографию «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.» [Евгеньева 1963]. Она выделяла два плана языка устного народного творчества: с одной стороны,

грамматический строй и лексический состав; с другой – выразительную, художественную сторону языка, его стилистику [Евгеньева 1963: 7].

Говоря о природе фольклорного языка, А.П. Евгеньева отмечала: «...Язык устной поэзии <...> нельзя отождествлять с тем, что определяется термином “диалект”, “говор”» [Там же: 16]. Диалект лишь включает в себя литературную речь говора, «находящую выражение в устном творчестве, которое живет в области распространения этого говора: в прозе (сказке, бывальщине) – более свободную, менее выработанную, в поэзии – более совершенную и связанную традицией» [Там же: 17].

По мнению П.Г. Богатырева, «в основе языка литературы лежит литературный язык, в основе языка фольклора лежит диалект. Язык литературы – это литературный язык в его эстетической функции, язык фольклора – это диалект в его эстетической функции» [Богатырев 1973: 106]. Лингвистический запас фольклорных произведений, пишет П.Г. Богатырев, «во многом значительно больше, чем лингвистический запас разговорного языка, и творцы и исполнители фольклора свободнее пользуются лингвистическим материалом по сравнению с языком разговорным» [Там же: 108].

В работах А.П. Евгеньевой, П.Г. Богатырёва и И.А. Оссовецкого впервые была предпринята попытка определения языка фольклора. «Правда, это определение у них не было однозначным, что объясняется и сложностью, многоаспектностью самого предмета, и пионерским характером указанных работ» [Хроленко 2010: 10]. В результате к тому моменту были намечены следующие направления исследований: выяснение природы языка фольклора через его соотношение с диалектами; изучение отдельных элементов структуры народно-поэтической речи; функционально-стилистическое использование фактов языка в системе народной поэтики [Там же: 11].

В 1974 г. в свет вышли две научные статьи А.Т. Хроленко, в которых впервые был предложен и обоснован термин *лингвофольклористика* [Хроленко 1974₁, 1974₂]. В будущем вопрос статуса лингвофольклористики как самостоятельной научной дисциплины поднимался в монографии «Введение в

лингвофольклористику» [Хроленко 2010], а также в отдельных научных статьях (напр.: [Хроленко 2017; Бобунова, Хроленко 2021]).

«Если фольклористика – это отрасль литературоведения и музыковедения, раздел этнографии, искусствоведческая научная дисциплина, то лингвофольклористика – это филологическая научная дисциплина, объектом которой является фольклорный текст, а предметом – смыслы, воплощенные в языковые и параязыковые структуры этого текста, а также все явные и неявные его закономерности, свойства составляющих его единиц» [Хроленко 2017: 26]. Как отмечает А.Т. Хроленко, необходимость выделения специального, «особого раздела языкознания» была обусловлена не только целью получения нового знания о фольклорном слове, но и стремлением найти интегрированный, методологический и методический подход к устно-поэтической речи [Хроленко 2010: 12].

Возросший научный интерес к фольклорному языку, осознание необходимости его описания, а также выделение лингвофольклористики в самостоятельную дисциплину как результат такой необходимости, способствовали формированию в конце XX в. трех вузовских центров лингвофольклористических исследований – воронежского (под руководством Е.Б. Артеменко), петрозаводского (под руководством З.К. Тарланова) и курского (под руководством А.Т. Хроленко).

Становление воронежской школы лингвофольклористики связано с работами Е.Б. Артеменко. Следует выделить кандидатскую диссертацию, написанную под руководством П.Г. Богатырева, посвященную описанию синтаксических функций прилагательных в текстах народных лирических песен [Доброва, Черванева 2009: 13], а также докторскую диссертацию и ее монографический вариант «Синтаксический строй русской народной лирической песни» [Артеменко 1977]. Данные работы определили основное направление будущих исследований воронежской школы – изучение народно-поэтического синтаксиса, а в дальнейшем, как следствие, более высокого уровня фольклорно-языкового строя – уровня текстообразования.

Эти темы нашли отражение в диссертационных исследованиях учеников Е.Б. Артеменко. В них рассматривались паратактические конструкции, предикативные единицы, обстоятельства времени в лирических песнях, конструкции с семантико-грамматическим опосредованием в былинах, диалоги и конструкции репрезентации персонажей в русских народных сказках, прямая речь и высказывания в народной лирике и др. [Доброва, Черванева 2009: 14–15].

Активное изучение фольклорного языка в Петрозаводске началось в 1970-ых гг. [Петров 2011: 111]. Теоретическое обоснование позиции петрозаводской школы дал З.К. Тарланов, разработавший методику описания языка фольклора с учетом его жанрово-стилистических особенностей [Там же]. По мнению ученого, «фольклорный язык занимает особое место в этнической языковой системе, отличаясь и от разговорных форм речи, и от диалектов, и от языка художественной литературы» [Котов 2011: 411]. Согласно положению З.К. Тарланова, выдвинутому в монографии «Русские пословицы: Синтаксис и поэтика» (1999), фольклорный язык – это «не средоточие архаики, как ранее традиционно считалось в филологической науке, а форма живого народного языка, но только с замедленной скоростью изменения и обновления» [Там же].

Исследователи петрозаводской школы, как и их воронежские коллеги, занялись изучением синтаксиса фольклорных текстов, а также обратились к проблеме жанровой дифференциации русского фольклора и жанрово обусловленных функций языковых единиц. В качестве основной цели описания жанровой дифференциации З.К. Тарланов выдвинул идею создания типологического компендиума языка фольклора, в котором языковые факты «характеризовали бы, с одной стороны, внутрижанровый модус использования языка, а с другой – модус языка фольклора, в отличие от других типов этнического языка, в том числе и языка художественной литературы» [Тарланов 1996: 3].

История курской школы лингвофольклористики началась в 1990 г. [Хроленко 2010: 14]. Под руководством А.Т. Хроленко курские филологи занялись изучением лексического состава фольклорных текстов и описанием

семантической стороны фольклорного слова. Данной теме были посвящены многие работы А.Т. Хроленко (напр.: [Хроленко 1979, 1989, 1991]), однако основные положения и перспективы направления были отражены в монографии «Семантика фольклорного слова» [Хроленко 1992₁]. В ней на материале народных лирических песен формулировались, описывались и демонстрировались семантические отличия лексики фольклорного языка от нефольклорного.

Со временем в работах курских лингвофольклористов обозначились четыре основных направления исследований, целью которых стало описание лексического уровня фольклорных текстов: фольклорная лексикология, фольклорная лексикография, фольклорная диалектология и кросс-культурная лингвофольклористика.

Подводя итоги, отметим, что отдельные вопросы лингвофольклористики освещались и в зарубежной литературе. Например, в работах польских ученых по этнолингвистике [Bartmiński 1973; Niebrzegowska-Barutminska 2007], в исследованиях американского фольклориста и слависта Джеймса Бейли [Bailey 1992] и др.

1.1.2. Основные понятия фольклорной лексикологии. Особенности лексического состава русского фольклора

Изучение лексического уровня фольклорных произведений является одним из основных направлений современной лингвофольклористики. Ключевым в данном вопросе является понятие фольклорной лексики, определение ее состава и границ, описание отличий фольклорной лексической системы от лексической системы литературного языка. Также значимой задачей становится разработка специальных методов и принципов, направленных на описание устно-поэтической лексики.

Большой теоретический и практический вклад в разработку вопросов фольклорной лексикологии внесла И.С. Климас. Ее монография «Объект фольклорной лексикологии» [Климас 2001] и докторская диссертация «Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика

лексикологических категорий» [Климас 2005₂] были посвящены разработке и описанию понятийного аппарата лексикологических исследований русского фольклора.

Опираясь на размышления А.Т. Хроленко, разграничившего термины *фразеология фольклора* и *фольклорная фразеология* [Хроленко 1981: 15–16], И.С. Климас разделяет термины *лексика русского фольклора* и *фольклорная лексика* [Климас 2005₂: 22]. По мнению исследователя, под *лексикой* (словарным составом, словарем, лексическим фондом, лексиконом) русского фольклора понимается вся «совокупность лексических единиц, фиксируемых в произведениях устного народного творчества» [Там же]. *Фольклорная лексика* – понятие более узкое. Это те лексические единицы, которые не встречаются за границами фольклорных произведений и не используются в речи; они являются средствами художественно-языковой действительности. В фольклорном языке фольклорная лексика выполняет стилеобразующую функцию, а за его пределами она переходит в разряд стилистически маркированной.

В основе членения лексикона русского фольклора, пишет И.С. Климас, лежит принцип жанровой дифференциации. Рассмотрение лексики должно осуществляться через призму жанра, а не стиля, поскольку стиль народной поэзии един. Именно жанр определяет лексический состав текстов, влияет на отбор самых частотных лексем и на языковую реализацию конкретных фольклорных концептов [Там же: 129]. Иногда на выбор того или иного слова в устно-поэтическом тексте влияет необходимость соблюдения заданного жанром ритма, рифмовки, что также расширяет границы лексикона, пополняет его единицами с определенными ритмомелодическими характеристиками, но нередко с непонятной семантикой – так называемыми «темными словами» [Климас 2001: 13].

Говоря о лексике фольклорных произведений, А.Т. Хроленко отмечает: «Описание словарной стороны языка фольклора должно идти двумя основными и взаимосвязанными путями: регистрация ее инвентаря (слов, конфигураций) – внешний аспект – и исследование специфики фольклорного слова в его

системных связях с другими словами в тексте – внутренний аспект» [Хроленко 2010: 25]. По мнению А.Т. Хроленко специфику фольклорного слова составляет его семантическая структура, которая обусловлена рядом факторов: «своеобычностью» фольклорного мира, устным характером фольклорных произведений, связью фольклорного слова с жестами, напевами, обстановкой и т.д., способностью фольклорного слова накапливать и объединять смысловые и материальные элементы различных временных и региональных пластов и др. [Хроленко 1992₁: 15–21].

Важным аспектом исследований в области фольклорной лексикологии является определение ядра и периферии лексикона и вопрос их соотношения. Ядро лексикона образуют слова, «которые отличаются относительно высокой текстовой и денотативной частотностью» [Климас 2000: 4]. «...Ядерная лексика не только составляет большую часть текста, но и несет основную смысловую нагрузку. Ядро лексической системы включает наиболее частотную и информативную лексику» [Попова, Стернин, Беляева 1989: 44]. В него входят слова, принадлежащие к основному словарному фонду. Периферийные зоны лексикона «подвержены большей интенсивности изменения, в то время как элементы основного фонда сохраняют устойчивость на протяжении длительного периода времени» [Золотова 2005: 11]. «В диахронном плане взаимодействие центра и периферии регулируется центростремительными силами, обновляющими ядро за счет периферии, и центробежными силами, пополняющими периферию» [Климас 2000: 4].

Критерий частотности становится ведущим при определении и исследовании ядра словаря фольклора, а данные этих исследований являются особенно значимыми, поскольку наиболее употребительные лексемы дают представление о приоритетах языковой картины мира, отраженной в сознании носителя фольклора.

В основе лексикологических исследований фольклора лежит идея сложности и неоднородности его лексического состава. Данная особенность не раз подчеркивалась учеными. Так, по мнению И.А. Оссовецкого, язык фольклора

– это «сложное образование системного характера, определенный континуум, где диалектически сплавлены его образующие, то есть и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответственных диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема русского языка...» [Оссовецкий 1975: 69].

Неоднородный характер лексики фольклора сегодня подчеркивается и лингвофольклористами. А.Т. Хроленко отмечает: «...Лексический состав русского фольклора в большей своей части совпадает с литературной лексикой. Определенную часть устно-поэтической лексики составляют диалектизмы, историзмы, архаизмы, заимствованные слова, обрядовые термины и специфически фольклорные наименования» [Хроленко 1976: 8–9]. Н.И. Моргунова делит лексику фольклора на общеупотребительные, диалектные, фольклорные, окказиональные и «темные» слова [Моргунова 1999]. И.С. Климас учитывает общеупотребительную лексику, диалектизмы, фольклоризмы, архаизмы, просторечия, окказиональные и «темные» слова [Климас 2005₂: 133].

Определение границ и состава выделенных групп лексики является одним из основных вопросов фольклорной лексикологии. В особенности это касается *фольклоризмов* и *диалектной лексики*. В качестве основных критериев их распределения рассматривается наличие или отсутствие слов в диалектных словарях и в словарях литературного языка, наличие или отсутствие помет, сфера употребления, а также частотность.

Так, Н.И. Моргунова выделяет группу «фольклорных» слов, критерием отнесенности к которым указывает отсутствие слова в словарях или наличие с соответствующей пометой (*фолькл.*, *устн.-поэт.*, *нар.-поэт.*). Также к фольклорным словам, по ее мнению, могут быть отнесены сложные образования с корнями *бел-*, *полу-*, *семи-*, *горе-*, *мл-*, *нов-*, *чуж-* и др. и уменьшительно-ласкательные формы [Моргунова 1999: 59].

Говоря о фольклорных словах, И.С. Климас разводит термины *фольклоризм* и *фольклорная лексическая единица*. *Фольклоризмы*, по мнению исследователя, «элементы, которые фиксируются нормативными словарями с определенными

пометами» [Климас 2005₂: 23]. К ним относят слова, отдельные значения, устойчивые выражения, снабженные пометой *народно-поэт.* в нормативных словарях и пометой *фольк.* в диалектных словарях. Также иногда принадлежность слова к данному пласту лексики может быть выражена описательно, без помет [Там же: 153]. *Фольклорные лексические единицы* – это слова, «использующиеся только в произведениях устного народного творчества, но не известные широким носителям языка, не востребованные в речевой практике» [Климас 2005₂: 23]. К ним, как правило, относят темные слова, требующие комментария специалистов. Они находятся в периферийной зоне словаря, а их возникновение часто обусловлено порчей текста, неточностями записи, идиолектными особенностями и другими факторами [Климас 2007].

Н.В. Соловьева также разводит термины *фольклорная лексическая единица* и *фольклоризм*, отмечая, что содержание первого термина значительно шире. Фольклорными могут быть названы «все единицы <...>, использующиеся в произведениях устного народного творчества, но не востребованные в речевой практике» [Соловьева 2016]. Фольклоризмы же зафиксированы в нормативных словарях с пометами *фольк.* и *народно-поэт.*

Похожее разделение предлагает В.П. Москвин. Исследователь дифференцирует фольклорные и народно-поэтические единицы. По его мнению, *народно-поэтические эпитеты* – это «эпитеты фольклорного происхождения, освоенные литературным языком (*красна девица, гусли звончатые*)», тогда как фольклорные эпитеты, свойственные устному народному творчеству, «стоят за пределами литературного языка и его носителями не употребляются» (*рожь ужинистая, чужа-дальня сторона*) [Москвин 2001: 31].

Отдельного внимания при описании лексики фольклора заслуживает проблема соотношения фольклорной и диалектной речи. Основополагающим в данном вопросе становится определение диалектного или наддиалектного характера фольклорного языка. Наиболее распространенным является мнение, что язык фольклора генетически диалектен. Мы разделяем данную точку зрения. Для курских лингвофольклористов язык русского фольклора – это «функционально-

стилевая разновидность диалекта, генетически однородная с диалектно-бытовой речью и отличающаяся от последней своей функцией и жанровой дифференциацией» [Бобунова, Праведников, Хроленко 2003: 23].

Размышляя о причинах расхождения во взглядах на природу фольклорного языка, курские исследователи выдвигают *принцип органической двухслойности лексики фольклора*: «Есть основания утверждать, что язык устной народной поэзии как минимум двухслоен. Один слой, количественно ограниченный и интуитивно понятный всем носителям устного народного творчества, – это совокупность так называемых “опорных”, “ключевых” слов, устойчивых сочетаний и структурных моделей, из которых строится текст. Второй слой – это все остальные слова, используемые в фольклорном тексте» [Там же: 56]. Внешне единый первый слой наталкивает на размышления о наддиалектной природе фольклорного языка, тогда как второй слой дифференцирован и свидетельствует о его диалектности.

Рассмотрение элементов диалектной речи является неотъемлемым этапом изучения лексикона фольклора. На формирование словаря фольклора оказывает воздействие сложность диалектных систем, обусловленная устной формой бытования, социальной и возрастной дифференциацией носителей говоров, а также рядом других факторов, таких как взаимодействие диалектных систем, влияние литературного языка и соседних языков и др. [Климас 2005₂: 38]. Слово как единица, объединяющая все языковые уровни, аккумулирует в себе диалектные фонетические, словообразовательные, фразеологические особенности, «что является залогом иных, нежели в узусе, правил формирования и функционирования лексической системы» [Там же].

Для обозначения территориально ограниченных слов используют термины *диалектизм*, *диалектное слово* и *областное слово*. Данные термины, по мнению М.Х. Партенадзе, обозначают «суть качественно различные языковые единицы, относящиеся к разным микросистемам в составе единой макросистемы – общенационального языка» [Партенадзе 1978: 111]. Распространенной является точка зрения, согласно которой диалектизмы с некоторыми ограничениями

входят в состав литературной лексики и отражены в словарях, а диалектные и областные слова стоят вне ее пределов [Оссовецкий 1971; Партенадзе 1978].

Диалектное слово – «словарная единица, зафиксированная в художественном произведении, но не закрепленная в словаре литературного языка, даже с ограничительной пометой» [Климас 2001: 9]. Оно, включаясь в словарь литературного языка, превращается в диалектизм и вступает в новые парадигматические и синтагматические отношения со словами литературного языка [Климас 2001: 9]. К *диалектизмам* относят «словарные единицы и отдельные значения с пометой “обл.” в словарях литературного языка или включенные в областные, региональные, сводные словари русских народных говоров» [Климас 2005₂: 142]. *Областными* следует считать слова того или иного диалекта, не отраженные в литературных произведениях [Партенадзе 1978: 113].

Лексикографическое представление фольклоризмов, отмечают исследователи, является сложным вопросом. «В словарях разного типа непоследовательна система помет, определяющих слово как фольклоризм» [Климас 2005₂: 30]. Состав слов с пометой *фолькл.* или *народ-поэт.* не во всех словарях одинаков. Кроме того, в них могут фиксироваться не все или иные значения, нежели в устно-поэтической речи [Там же: 30–33].

Разделение фольклоризмов и диалектизмов также непоследовательно. Оно может носить условный характер или вовсе не проводиться. Например, в СРНГ зафиксированы единицы фольклорной лексики, которые, согласно подсчетам исследователей, составляют довольно многочисленную группу – 3237 единиц [Мызников 2018: 342]. «При этом в ряде случаев, особенно на страницах первых томов словаря, несмотря на явно фольклорный характер материалов, отсутствует помета, относящая эти данные к устному народному творчеству...» [Там же]. Подобные сложности вызывает также разграничение фольклорного и разговорного, фольклорного и архаического. Этим объясняется использование в словарях комбинированных помет типа *народно-поэт.* и *обл.* (например, МАС).

1.1.3. Направления исследований лексического состава русского фольклора

Согласно библиографическим указателям, активное изучение лексики текстов устного народного творчества началось во второй половине XX в. В работах исследователей того времени на материале разных жанров описывались диалектная и просторечная лексика (И.К. Зайцева 1973), антропонимы (М.П. Морозова 1977), топонимы (Л.В. Доровских 1977), термины родства (И.К. Зайцева 1977), синонимы (В.И. Совбанова 1974) и др. [Русский фольклор 1984; Русский фольклор 1987].

Сегодня фольклорная лексикология является неотъемлемой частью лингвофольклористики. Она выступает основой для направлений фольклорной лексикографии и фольклорной диалектологии, а также для лингвокультурологических работ, посвященных изучению фольклорной концептосферы. Нередко фольклорная лексикология становится темой кандидатских и докторских диссертационных исследований. Так, например, были описаны заговоры [Гультяева 2000], пословицы [Селиверстова 2010], былины [Холтобина 2015], частушки [Медведева 2019].

Наиболее активную разработку фольклорная лексикология получила в трудах курских лингвофольклористов. Ведущим исследователем в данном направлении стала И.С. Климас. В ее многочисленных научных статьях и монографиях разрабатывалась проблема выделения ядра фольклорного лексикона [Климас 2000], описывались фольклорные лексикологические категории [Климас 2004₂], рассматривались фольклоризмы [Климас 2005₁], окказиональные и темные слова [Климас 2007], просторечия [Климас 2010] и многие другие частные вопросы лексикологии.

Значимой работой, отражающей результаты исследований в области фольклорной лексикологии, стала докторская диссертация И.С. Климас, в которой на материале былин и лирических песен был описан состав основных групп лексики (диалектизмов, архаизмов, просторечной лексики и др.), охарактеризована ядерная часть лексикона, представлен частеречный анализ, а

также описаны лексикологические категории (омонимы, паронимы, синонимы, антонимы) [Климас 2005₂].

Также в диссертациях курских лингвофольклористов рассматривались орнитонимы (Л.Ю. Гусев) и этнонимы (Е.С. Березкина) в разных фольклорных жанрах, антропонимы в лирической песне (Р.В. Головина). Исследовался лексикон русской лирической песни (Н.И. Моргунова), в том числе в иноэтническом окружении (С.В. Супряга), свадебной лирики (Н.Э. Шишкова), исторической песни (И.А. Степанова), волшебной сказки (М.В. Петрухина) [Хроленко 2010: 15].

Направление фольклорной лексикографии оформилось в отечественной науке на рубеже XX и XXI вв. Первые работы в данной области принадлежат курским лингвофольклористам. Ими была предложена и реализована идея создания «Словаря языка русского фольклора» [Бобунова, Хроленко 2006₁, 2006₂]. Данный словарь стал первым опытом подобной лексикографической работы в мировой и отечественной науке. Материалом для него послужила лексика текстов «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга.

«Несмотря на трудности лексикографического описания фольклорного слова из-за его своеобразной семантики, исследователи разных регионов России не оставляют попыток найти свой подход к словарной интерпретации народно-песенной речи и апробируют разные лексикографические формы» [Бобунова 2023₂: 171]. Сегодня создаются словари и лексикографические материалы, базирующиеся на текстах русских народных лирических песен [Бобунова 2023₁], сказок [Токарев 2019], загадок, пословиц, поговорок [Ковшова 2019], частушек [Яцкевич 2017] и др. Многие из них носят лингвокультурологическую направленность.

Значимым достижением курских филологов стала теоретическая и практическая работа по составлению конкордансов языка русского фольклора разных регионов (напр.: [Бобунова, Хроленко 2007, 2008]). Позднее к данной работе присоединились воронежские лингвофольклористы. Им принадлежит идея

создания лемматизированных конкордансов региональных фольклорных текстов с целью изучения идиолектов сказителей [Кретов 2016].

Также курскими исследователями была выдвинута идея создания лексикографического комплекса, разработана и обоснована его структура, определены цели и принципы составления, среди которых, прежде всего, учет жанровой и территориальной специфики материала [Бобунова 2016]. Под лексикографическим комплексом курскими учеными понимается «совокупность взаимосвязанных словарных материалов, обеспечивающих расширение и углубление лексикографического представления текстов различного характера» [Бобунова 2023₁: 3]. Каждый лексикографический комплекс включает четыре обязательных компонента – фольклорный мегатекст, алфавитно-частотный словарь, частотный словарь и конкорданс. Под мегатекстом понимается «целостный упорядоченный корпус конкретных паспортизированных текстов, связанных жанровой и пространственно-временной характеристикой» [Там же: 4]. Словарная статья конкорданса состоит из заголовочной единицы с расположенным рядом указанием количества словоупотреблений. Далее следуют контексты, снабженные паспортизацией – указанием номера текста.

Значимым для описания лексического состава фольклорных текстов является направление фольклорной диалектологии, ставящее перед собой целью выявление территориальной дифференциации лексикона фольклора и изучение его этнокультурной специфики.

Впервые взгляд курских филологов на проблему территориальной неоднородности языка фольклора был представлен в докладе А.Т. Хроленко «Изучение региональных особенностей языка русского фольклора» (1985). В 2003 г. в свет вышла коллективная монография «Проблемы фольклорной диалектологии» [Бобунова, Праведников, Хроленко 2003], в которой разрабатывались теоретические вопросы фольклорной диалектологии и предлагался комплекс методик выявления и описания «фольклорных диалектов». По мнению авторов, наличие фольклорных диалектов «не только теоретически возможно, но и практически неизбежно» [Там же: 60]. Такая «неизбежность»

выводится из положения, что «любое фольклорное произведение исполняется на том или ином диалекте, который используется певцами и сказителями в повседневной жизни, а диалекты эти отличаются друг от друга по целому ряду фонетических, лексических и грамматических показателей» [Праведников 2009₂: 70].

Вопросу выделения «фольклорных диалектов» и определению их содержания были посвящены отдельные научные статьи [Хроленко 1992₂; Бобунова, Праведников 2001; Праведников 2009₂]. Необходимость введения нового термина обусловлена тем, что фольклор «заметно варьируется в рамках традиционных “диалектных” зон, нередко образуя специфические ареалы, не вписывающиеся в этнические границы или не покрывающие всю этническую территорию» [Чистов 1986: 41]. Основным критерием выделения фольклорных диалектов, по мнению курских исследователей, выступает фольклорная лексема [Бобунова, Праведников, Хроленко 2003: 51].

В дальнейшем разработка вопросов фольклорной диалектологии осуществлялась в трудах С.П. Праведникова. Результаты его исследований были отражены в монографии «Основы фольклорной диалектологии» [Праведников 2010₃], а также в докторской диссертации «Территориальная дифференциация языка русского фольклора» [Праведников 2011]. В них были «впервые разработаны основы фольклорной диалектологии как научного направления» [Праведников 2011: 10].

Еще одним направлением изучения лексического уровня текстов русского фольклора стало описание концептов и концептосфер. Оно характеризуется наибольшей степенью разработки, что объясняется актуальностью и значимостью лингвокультурологических исследований на современном этапе развития науки. «...Базовые константы народной культуры тесно связаны с устным народным творчеством. Описание концептосферы русского языка невозможно без обращения к фольклору, поскольку именно в этом лингвокультурном пласте можно выявить источники и пути становления ментальных характеристик русского народа» [Ручина, Горшкова 2003: 124].

Обращение к анализу языка фольклора с позиций влияния на него народного менталитета и вопрос репрезентации языковыми средствами фольклорной концептосферы стали значимым этапом научной деятельности воронежской школы лингвофольклористики. Е.Б. Артеменко посвятила данной теме ряд научных статей, в которых в рамках когнитивного подхода рассматривалась связь фольклорного языка с народным мышлением и менталитетом [Артеменко 2001, 2003, 2004]. Когнитивный подход к изучению фольклорного языка лег в основу диссертационных исследований воронежских лингвофольклористов [Доброва 1998; Черванева 2003₁; Волощенко 2006₃].

Курские лингвофольклористы также обратились к изучению фольклорных концептов и концептосфер. Ими предложена методика сжатия конкорданса [Хроленко 2013: 233], результатом которой является составление концептограмм – словарных статей, отражающих все существенные связи определённого концепта и их количественные показатели [Там же]. По мнению А.Т. Хроленко, поскольку у концепта нет чёткой структуры, жёсткой последовательности и взаиморасположения слоёв, концептограмма должна стать средством и итогом установления границ концепта. «Составление концептограмм – концептография – своим результатом имеет концептуарий, т.е. совокупность концептограмм, представляющих тот или иной фрагмент языковой картины мира. Концептограммы одного и того же концепта, составленные на основе разных мегатекстов, дают возможность сопоставительного анализа, мысленного наложения одной концептограммы на другую с целью выявления сходных и различных элементов. В этом суть методики “аппликации концептограмм”» [Хроленко 2013: 234].

1.2. Жанр русской народной сказки в отечественной фольклористике

Русская народная сказка стала объектом научного описания в середине XIX в. Изучению ее жанровых особенностей посвящены работы Ф.И. Буслаева [Буслаев 1861], А.Н. Веселовского [Веселовский 1989], М.К. Азадовского [Азадовский 1931], Ю.М. Соколова [Соколов 2007], В.Я. Проппа [Пропп 1969,

1986, 1998], Е.М. Мелетинского [Мелетинский 2005], Э.В. Померанцевой [Померанцева 1963, 1965], Н.В. Новикова [Новиков 1974] и др.

Установить точно, когда русская сказка оформилась как жанр, когда она «начала жить как сказка, а не как верование или предание», – невозможно [Померанцева 1963: 25]. Исследователи считают, что расцвет сказки последовал за периодом расцвета героического эпоса, произошедшего в XII в. [Давлетов 1966: 128–129]. К этому периоду относятся самые ранние сведения о русских сказках [Кравцов, Лазутин 1977: 97]. Однако, как отмечает К.С. Давлетов, сказочные мотивы оказываются даже более архаичными, чем героический эпос. Объясняется это тем, что эпос возник «путем прямого идейного противопоставления его мифу», тогда как сказка выросла из мифа «эволюционно» и представляет собой в своем расцвете «полное внутреннее его исключение» [Давлетов 1966: 130–134].

Первые публикации русских народных сказок фиксируются в XVIII в. «Лишь с этого времени можно начинать текстологическое их изучение, не прибегая к реконструкции сюжетов и образов и заключениям по аналогии, без чего невозможно говорить о русской сказке более ранних периодов» [Померанцева 1963: 30]. Отсутствие более ранних публикаций сказок было обусловлено церковной направленностью книжности, её принадлежностью господствующим классам и их неприятием светских и тем более устных жанров.

В первой половине XIX в. русские сказки жили полной жизнью и бытовали в самых разных слоях населения России, но рассказывались преимущественно крестьянами. Положение же сказок в науке было неоднозначным. Несмотря на то, что в это время стал формироваться взгляд на произведения фольклора как на предмет научного анализа, русские народные сказки почти не исследовались, поскольку в фольклористике сохранялось сформировавшееся в XVIII в. отношение к ним как к жанру литературы развлекательного характера. Они издавались как художественные тексты для «легкого» чтения, а не как предмет для исследования [Иванова 1996: 8].

Неоднозначным был и вопрос жанровой отнесенности. В работах исследователей тех лет сказки объединялись с былинами: «Русские сказки бывают двух родов: одни богатырские повести, а другие собственно так называемые сказки. Богатырские повести заключают в себе подвиги древних русских витязей, как действительно живших, так и вымышленных» [Цертелев 1820: 3]. Наиболее значимой в этом вопросе видится полемика между К.С. Аксаковым и Д.О. Шеппингом [Аксаков 1889; Шеппинг 1853], в результате которой были выявлены различия между былинами и сказками. Говоря о необходимости разделения жанров, К.С. Аксаков пишет: «Между сказками и песнями, по нашему мнению, лежит резкая черта <...>. Это различие установил сам народ, и нам всего лучше прямо принять то разделение, которое он сделал в своей литературе. Сказка – складка (вымысел), а песня – быль, говорит народ...» [Аксаков 1889].

В 50–60-х гг. XIX в. вышло первое научное издание русских народных сказок, подготовленное А.Н. Афанасьевым. Сборник «впервые показал русскому народу его же достояние – народную сказку – во всем ее блеске, красоте, богатстве и разнообразии» и «сразу стал одной из любимейших книг русских читателей» [Померанцева 1965: 78]. Собрание состояло из восьми выпусков (1855–1863 гг.) и включало записи сказок, предоставленные А.Н. Афанасьеву другими собирателями фольклора, среди которых отдельно стоит отметить В.И. Даля. Ядро собрания составили волшебные сказки, хотя в нем также представлены и другие типы. Публикация собрания А.Н. Афанасьева ознаменовала начало научного подхода к сказкам как фольклорному жанру.

Одним из первых к сказке обратился А.Н. Веселовский. В незавершенной работе «Поэтика сюжетов» он развел понятия сюжета и мотива и указал на связь происхождения сказки с мифом: «...Те же схемы и типы [сюжетов] служили и для творчества мифологического, когда внимание простиралось на явления внечеловеческой, но очеловеченной природы. Сходство очертаний между сказкой и мифом объясняется не их генетической связью, причем сказка являлась бы

обескровленным мифом, а в единстве материалов и приемов и схем, только иначе приуроченных» [Веселовский 1989: 302].

К народным сказкам обращался Ф.И. Буслаев. Он писал: «Как обломок доисторической старины, сказка содержит в себе древнейшие мифы, общие всем языкам индоевропейским; но эти мифы потеряли уже смысл в позднейших поколениях, обновленных различными историческими влияниями...». Сказка «предлагает материал для исследования того, как каждый из родственных народов усвоил себе общее мифическое достояние» [Буслаев 1861: 310]. По мнению Ф.И. Буслаева, сказка «пошла от былины, то есть, она не что иное, как разрозненный и подновленный эпизод народного эпоса» [Там же].

Период конца XIX – начала XX в. стал временем открытия региональных фольклорных традиций. Многие собиратели фольклора и исследователи обратились к сказочному материалу отдельных регионов страны. Вслед за А.Н. Афанасьевым в эти годы были подготовлены и опубликованы такие собрания, как «Сказки и предания Самарского края» Д.Н. Садовникова (1884), «Северные сказки» Н.Е. Ончукова (1908), куда вошли тексты, записанные в Архангельской и Олонецкой губерниях, «Семь сказок и одна легенда Псковской губернии» Н.Г. Козырева (1912), «Великорусские сказки Пермской губернии» и «Великорусские сказки Вятской губернии» Д.К. Зеленина (1914, 1915), «Сказки и песни Белозерского края» Б.М. и Ю.М. Соколовых (1915), зафиксированные в Новгородской губернии и др.

«Вместе с тем эта эпоха является временем приложения к собиранию строго научного метода» [Соколов 2007: 341]. Собиратели фольклора боролись с проявлением субъективизма в подборе записываемого материала и в самой записи. «Стремление к собиранию, точности и полноте наряду с применением принципа обследования одного края становятся обязательным лозунгом для них» [Там же].

Так, значимые идеи для собирания и изучения русских народных сказок были выдвинуты С.Ф. Ольденбургом. В начале XX в. в России получило распространение учение «финской школы». Ученые этого направления

занимались сказочным эпосом в историко-географическом аспекте, интересуясь преимущественно сходством мотивов сказок и легенд, независимо от их идейного содержания, исторической и национальной специфики. С.Ф. Ольденбург выступил за рассмотрение сказки как целостного социально-художественного организма и предложил исследовать не столько сюжетные особенности текстов, сколько живую речь и идиолекты сказителей. В своей статье [Ольденбург 1916] он охарактеризовал сборники русских народных сказок начала XX в. и отметил, что проблемой изучения данного жанра являлось качество фактического материала, который составляли «записи совершенно не научные, без точных указаний места и времени записи и почти всегда без каких-либо сведений о сказителях» [Там же: 296–297]. Таким образом, данный материал мог иметь «лишь совершенно условное значение». По мнению автора, сказочные тексты должны с точностью записываться человеком, «хорошо знающим местный говор» [Там же: 308]. Только в таком случае они будут иметь исследовательскую ценность. Еще одной проблемой, поднятой в работе, стало отсутствие записей сказок отдельных народов и регионов [Там же: 297].

В 1911 г. по инициативе А.А. Шахматова и С.Ф. Ольденбурга при Отделении этнографии РГО сформировалась Сказочная комиссия. Идея ее создания была обусловлена накоплением большого количества сказок, собранных после выхода сборника А.Н. Афанасьева, а первой задачей стало издание уже имеющегося в Научном архиве Общества сказочного материала.

Русская фольклористика дореволюционного периода сделала немало для накопления и сохранения фактического материала, для разработки теории сказочного жанра и его классификации, для описания его истории и обособления от других фольклорных жанров. Однако несмотря на возрастающий интерес и появление новых собраний, в научной литературе тех лет сказочный жанр изучался сравнительно неактивно и уступал в степени разработки, например, песенному эпосу. Как отмечает Т.Г. Иванова, отчасти это объясняется тем, что «в сказке нет того могучего исторического заряда, который присущ песенному эпосу» [Иванова 1990: 22]. Характеризуя те годы, Е.А. Костюхин пишет:

«...XIX в. не создал ни одной школы в деле изучения сказок. Перед нами некая совокупность работ, которые мы выстраиваем в определенный ряд, подчиняя так или иначе сконструированной логике научного развития <...>. Все сказковедческие исследования стоят особняком; нет учителей и учеников, потому что не складывается методика исследования» [Костюхин 2007: 34].

Обратную ситуацию демонстрирует послереволюционный период. Конец 1920-х и начало 1930-х годов отмечены спорами о сущности фольклора, задачах его изучения в формирующейся социалистической культуре. На этот период пришелся расцвет отечественного сказковедения [Костюхин 2007: 34]. Собиратели фольклора снабжали свои собрания вступительными статьями, посвященными вопросам социальной роли сказок. Остро стоял вопрос о положительной или отрицательной роли жанра в воспитании.

Собирание фольклорных произведений в послереволюционные годы приняло организованную форму. В 20-е гг. было записано более двух тысяч народных сказок [Померанцева 1965: 152], а к концу 30-х гг. в свет вышло свыше пятидесяти сказочных сборников [Там же: 161]. В советское время «благодаря утверждавшимся взглядам на фольклор, как на творчество живое, развивающееся, способное откликаться на современность и отражать вкусы, социальную и идейную направленность носителей фольклора» [Астахова 1966: 34], усиливается интерес к личностям исполнителей. Многие собрания сказок тех лет посвящены отдельным крупным сказочникам: «Сказки Куприянихи» А.М. Новиковой и И.А. Оссовецкого (1937), «Сказки М.М. Коргуева», записанные А.Н. Нечаевым (1939), «Сказки Магая (Е.И. Сороковикова)» в записях М. Азадовского и Л. Элиасова (1940), «Сказки Ф.П. Господарева», собранные Н.В. Новиковым (1941), «Сказки А.Н. Корольковой», записанные В.А. Тонковым (1941) и др.

Данная тема нашла отражение и в научной литературе. Описанию проблемы индивидуального творчества и личности сказочника посвящена, например, вступительная статья М.К. Азадовского к двухтомнику «Русская сказка. Избранные мастера» [Азадовский 1931]. В ней автор анализирует, как «личные

свойства сказителя» и его воля влияют на сюжетную и моральную стороны сказок.

Эту же проблему поднимает Ю.М. Соколов. Помимо издания собрания «Сказки и песни Белозерского края» (1915), а также некоторых других сборников, его вклад в отечественное сказковедение представлен работой «Русский фольклор» (1938) [Соколов 2007]. В ней подробно отражены достижения в области собирания сказок тех лет и освещена тема влияния личности сказочника на материал: представлены такие сказители, как А.К. Новопольцев, А.К. Барышникова, М.И. Медведева и др., охарактеризованы их стиль, манера исполнения и другие отличительные черты. Кроме того, в работе выделены и описаны волшебные и бытовые сказки, сказки о животных, а также сказки-анекдоты, рассмотрены их отличия в форме, содержании и стилистике, описаны характерные персонажи.

Значимым достижением в описании сказок тех лет стал перевод указателя сюжетов А. Аарне, выполненный Н.П. Андреевым [Андреев 1929]. В каталоге А. Аарне оказалось около 540 сказочных типов, которые получили свой номер, название и краткий, схематический пересказ. Однако, как отмечает В.Я. Пропп, «количество найденных сюжетов оказалось поразительно малым» [Пропп 2000: 53]. А. Аарне предусмотрел более 2400 номеров, но многие из них оставил пустыми. Эти пробелы, по его мнению, заполнились бы новыми типами сюжетов в будущем. Н.П. Андреев дополнил указатель вышедшими на тот момент сборниками русских сказок, во многих случаях он «изменял формулировку содержания типов [сюжетов], довольно часто вносил новые вариации или совершенно новые типы» [Андреев 1929: 11].

Большой вклад в изучение русских сказок внес А.И. Никифоров. По мнению В.Я. Проппа [Пропп 2000: 24], ему принадлежит наиболее полное определение жанра – «устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся социальным композиционно-стилистическим построением» [Никифоров 2008₅: 20].

В статье «Сказка, ее бытование и носители» (1928) А.И. Никифоровым описаны «существенные» отличительные признаки жанра, к которым он относит целеустановку на развлечение слушателей, необычное в бытовом смысле содержание и особую форму построения [Там же: 20–21]. Также автором предпринята попытка классификации сказочного материала [Там же: 29–31]. Этой же проблеме посвящена работа «Жанры русской сказки» (1936), в которой были выделены и описаны производственно-трудовые, развлекательные, социально-боевые, религиозно-обрядовые сказки и их разновидности [Никифоров 2008₁]. В отдельных статьях исследователя подробно рассматривались докучные, сатирические и детские драматические сказки (напр.: [Никифоров 2008₃, 2008₄]).

Особый интерес представляет статья «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки» [Никифоров 2008₂]. В ней обозначены законы построения сказочных сюжетов (закон повторения, композиционного стержня, категориальной или грамматической формовки действия); выделены и описаны функции сказочных героев, которые, по мнению автора, для них постоянны; предложена классификация волшебных сказок.

Примерно в то же время (1928 г.) вышла работа В.Я. Проппа «Морфология сказки» [Пропп 1969]. Как и А.И. Никифоров, В.Я. Пропп занялся рассмотрением функций сказочных героев. В его понимании, функции формируют композиционный стержень сказок и способны дать точное представление об их структурных закономерностях. В отличие от А.И. Никифорова, В.Я. Пропп полагал, что «для изучения сказки важен вопрос, что делают сказочные персонажи, а вопрос, кто делает и как делает, – это вопросы уже только привходящего изучения» [Там же: 24]. Ю.М. Соколов в будущем напишет: «В этих словах, несомненно, сказывается формалистический подход к сказке; для полного изучения, конечно, все эти вопросы очень важны. Но для изучения строения сказки – действия, поступки или, как выражается автор, “функции действующих лиц” как наиболее устойчивые компоненты сказки имеют, безусловно, большее значение» [Соколов 2007: 377].

Анализируя функции героев волшебных сказок А.Н. Афанасьева, В.Я. Пропп выдвигает следующие положения: 1) функции действующих лиц остаются постоянными, устойчивыми элементами волшебных сказок и не зависят от того, кто их выполняет; 2) количество таких функций ограничено; 3) последовательность функций всегда одинакова; 4) все волшебные сказки однотипны по своему строению [Пропп 1969: 25–26]. Всего в работе выделено и охарактеризовано 31 функция.

В 1946 г. В.Я. Пропп опубликовал книгу «Исторические корни волшебной сказки» [Пропп 1986], в которой предпринял попытку объяснения возникновения мотивов волшебной сказки и отдельных функций героев. «...Исходной предпосылкой В.Я. Проппа является положение о том, что сказка сохранила следы исчезнувших форм социальной жизни, которые и подлежат изучению. Частным моментом подобного изучения является сопоставление сказки с обрядами, обычаями и мифами, как разными проявлениями религии с целью определения, какие мотивы восходят к тому или иному обряду и в каком отношении они с ним находятся» [Еремина 1986: 9].

Исследования А.И. Никифорова и В.Я. Проппа положили начало структуралистическому подходу к изучению сказок. Впоследствии их идеи развивались в трудах других советских фольклористов. Такова, например, монография Е.М. Мелетинского [Мелетинский 2005], посвященная рассмотрению генезиса образов героев волшебных сказок, их исторических корней, берущих начало в мифологии. По мнению исследователя, «в народной волшебной сказке – два основных типа героя. Один из них – эпический, его делают героем “благородное” происхождение, юношеские подвиги и красота <...>. Другой – “низкий”, “не подающий надежд”. Он <...> неожиданно совершает героические подвиги либо получает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели» [Там же: 179–180].

Говоря о развитии идей В.Я. Проппа, следует упомянуть исследование «Проблемы структурного описания волшебной сказки» [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001], в котором были составлены и рассмотрены семантические и

композиционные схемы сюжетов с выделением сказочных оппозиций (свой / чужой, тайное / явное, ложное / истинное и др.), с учетом «высоких» и «низких» героев и их характеристик и функций.

Э.В. Померанцева посвятила сказочному жанру работы «Русская народная сказка» [Померанцева 1963] и «Судьбы русской сказки» [Померанцева 1965]. Первая работа содержит описание волшебных, авантюрных, сатирических сказок и сказок о животных, а также поднимает тему личности сказителя в отечественной фольклористике. Однако больший интерес представляет вторая работа, посвященная полной истории русских сказок. В книге подробно описаны основные исторические периоды развития жанра, отмечены расцвет и упадок отдельных видов сказок, изменения их сюжетов, вызванные эпохой; также охарактеризован современный автору этап фольклористики и его достижения в области сказковедения.

Исследование Н.В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки» [Новиков 1974] посвящено сопоставлению русских, белорусских и украинских сказок. Автором выделены и рассмотрены четыре типа героев: герои-богатыри и иронические удачники, помощники героя и противники [Там же: 26]. Исследование позволяет выяснить «что преобладает в том или ином образе – общие межнациональные или специфически национальные черты» [Там же: 4].

В 1969 г. вышло второе издание книги В.Я. Проппа «Морфология сказки». «Она приобрела мировую известность, стимулировала развитие серьезного структурного анализа фольклорных произведений в нашей стране и за рубежом» [Азбелев, Мельц 1984: 17].

В 80-е гг. ведущие позиции в развитии фольклористической мысли продолжало удерживать сказковедение [Иванова 1993: 26]. Количество собраний произведений русского эпоса, вышедших в 1981–1985 годы, намного уступает публикациям сказочных сборников [Там же: 13], среди которых, например, «Русские народные сказки Пудожского края», А.П. Разумовой и Т.И. Сенькиной (1982), «Фольклор Западной Сибири» Т.Г. Леоновой (1982), «Русские сказки

Забайкалья» В.П. Зиновьева (1983), «Русские сказки Восточной Сибири» Е.И. Шастиной (1985) и др.

Изучением русских народных сказок в эти годы занимался Ю.И. Юдин. Он сосредоточил свое внимание преимущественно на бытовых сказках. Наиболее полно данная тема была раскрыта в обширном исследовании «Русская народная бытовая сказка» [Юдин 2006₁]. В нем рассматриваются тематические и композиционные особенности бытовых сказок, их сюжеты и герои; приводится типология сказок, описываются пути их возникновения, а также демонстрируются их связи с народной культурой. Особый интерес представляет статья «Сказка и история» [Юдин 2006₂], посвященная поиску мифологических корней и мифологического подтекста в текстах сказок разных типов.

В литературе этого периода выделяется книга В.Я. Проппа «Русская сказка» [Пропп 2000], возникшая на основе спецкурса, который он читал в начале 1960-х годов в Ленинградском университете. В ней рассматривается история жанра, описываются современные автору этапы собирания и изучения сказок, а также поднимается проблема их классификации, сопровождаемая описанием основных разрядов.

Стоит отметить, что проблема систематизации сказочного материала всегда занимала особое место в трудах фольклористов. В.Я. Пропп объясняет отсутствие единой научной классификации сказок тем, что не был обнаружен «решающий признак», который мог бы быть положен в основу деления [Там же: 49]. По мнению исследователя, лучшая попытка охватить и систематизировать весь сказочный материал в отечественной фольклористике принадлежала А.Н. Афанасьеву во втором издании сказок [Афанасьев 1984]. Он не давал явной классификации, не называл разделов, однако было заметно, что сама структура сборника и порядок сказок имеют определенную логику и системность. Распределяя сказки собрания А.Н. Афанасьева по группам, В.Я. Пропп отмечает, что если исключить из него исторические сказания и былички, а также принять во внимание некоторые близкие к сказкам жанры, то получится «очень стройная классификация», включающая основные разряды: сказки о животных, волшебные

и новеллистические сказки [Пропп 2000: 50–51]. Сегодня эти разряды являются общепринятыми и наиболее часто встречаются в научной литературе.

Однако в науке не раз предпринимались попытки уточнения данной классификации и использовались разные подходы к систематизации материала. Сам В.Я. Пропп в дополнение к трем основным разрядам рассматривал кумулятивные и докучные сказки, сказки о растениях и животных, примыкающие к сказкам о животных, а также небылицы и анекдоты [Пропп 1998: 29–32]. Ю.М. Соколов выделял сказки-анекдоты, сказки-легенды, сказки-предания и сказки-былички [Соколов 2007: 394–395]. Э.В. Померанцева разделяла бытовые сказки на сатирические, носящие воспитательный характер, и авантюрные, рассказывающие о приключениях хитроумных героев [Померанцева 1963: 87, 94]. Ю.И. Юдин рассматривал сказки о неживой природе, кумулятивные, докучные, мифологические, легендарные сказки, а также сказки-небылицы [Юдин 1977].

Проблема «более глубокой группировки сказочного материала» поднималась также в работах А.И. Никифорова. Ученому принадлежит идея деления сказок на две обширные группы – натуральные (естественные) и пародийные жанры. К натуральным он отнес сказку-приказку, легендарную, волшебную, бытовую и детскую сказку. В группу пародийных вошли сказка-небылица, докучная сказка, а также прочие пародии на сказочную форму или содержание [Никифоров 2008₅: 29–31].

Анализ библиографического материала последнего десятилетия XX в. – начала XXI в. показывает, что сегодня предметом внимания фольклористики, как и в предшествующие периоды, остается сказка [Иванова 2001: 17]. Появляются работы, посвященные характеристике сказочных жанров, описанию поэтики сказок и их сюжетов. Актуальными остаются региональные исследования и исследования, посвященные личностям отдельных исполнителей [Там же].

1.3. Русская народная сказка как объект лингвистических исследований

1.3.1. Опыт описания языка русских народных сказок

Несмотря на то, что первые собрания русских народных сказок вошли в научный оборот в середине XIX в., речи о лингвистических исследованиях в этот период отечественной науки практически не шло. В списках трудов конца века [Русский фольклор 1990] обнаруживаем лишь единичные примеры. Такова, например, работа Е. Будде «Образцы народного говора Скопинского уезда, Рязанской губернии» [Будде 1894], в которой тексты семи местных сказок используются исключительно в качестве материала для демонстрации фонетических особенностей диалектной речи носителей. Автор характеризует звуки и приводит элементы транскрипции для отдельных слов, тогда как прочие компоненты фольклорного текста остаются вне круга его интересов.

В работе П.К. Шейна [Шейн 1899] рассматриваются сказки и предания Самарского края, собранные Д.Н. Садовниковым. Автором представлено обширное исследование по диалектологии, включающее описание фонетических, словообразовательных и морфологических особенностей, акцентологических норм, а также «выражений и оригинальных оборотов». Последний раздел представляет особый интерес. В нем перечислены лексические особенности текстов – фразеологические единицы, заимствованная лексика, антропонимы, а также примеры народной этимологии, игры слов и др. Данная работа примечательна тем, что в ней приводится словарь диалектной лексики с контекстами и толкованиями заголовочных единиц.

Фольклорные указатели и научные обзоры первой половины XX в. показывают, что в малочисленных работах по описанию языка фольклора большое внимание уделялось былинам и особенно лирическим песням, поскольку «специфика языка фольклора проявляется в этих жанрах очень отчетливо» [Оссовецкий 1952: 98]. Язык сказок практически не освещался.

В начале XX в. появились первые работы, посвященные изучению синтаксического строя народных сказок. Например, отдельные отрывки из

текстов сказок собрания А.Н. Афанасьева использовались в качестве иллюстративного материала в монографии Д.Н. Овсянико-Куликовского «Синтаксис русского языка» [Овсянико-Куликовский 1902: 91, 208, 222–223].

К середине XX в. интерес к языковому материалу русских народных сказок возрос. Стали появляться первые диссертационные исследования по данной теме. Так, работа Е.А. Гузуновой «Особенности синтаксиса русских народных сказок, записанных А.А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии» [Гузунова 1952] посвящена анализу бессоюзных сложных предложений, предложений с однородными сказуемыми, а также предложений с прямой речью. В диссертационном исследовании Н.С. Петрикиной разбираются функции «первообразных» предлогов, выявляются смысловые соотношения предлогов, рассматриваются вопросы синонимии в области предложных конструкций, демонстрируется соотносительность предложных сочетаний в говорах и в литературном языке. Работа построена на материалах сборника Н.Е. Ончукова «Северные сказки» [Отделение литературы и языка (134) 1953].

Активное изучение языка русских народных сказок началось с 70-х гг. XX в., что во многом связано с выделением лингвофольклористики в качестве самостоятельной научной дисциплины и формированием отечественных центров изучения фольклорного языка. В указателях тех лет заметно увеличивается количество научных публикаций, посвященных лингвистическому анализу народных сказок [Русский фольклор 1984: 300–301; Русский фольклор 1987: 148–150; Русский фольклор 1993: 231–233]. Наряду с многочисленными работами по характеристике синтаксического строя сказок появляются первые исследования, направленные на описание их лексического состава. Центром изучения языка русских народных сказок в те годы стал Петрозаводск.

В последние десятилетия изучение языка русских народных сказок получило новый импульс благодаря формированию и работе центров лингвофольклористики, благодаря годам накопления фактического материала, упрощению хранения и обработки больших массивов текстов, созданию новых

квантитативных методов анализа и развитию диалектологических и лексикографических принципов описания языкового фольклорного материала.

Среди курских филологов тема изучения языка русских народных сказок поднималась в работах И.С. Климас. Статья «“Милее всего внучек Иванушка!” (концепт “ВНУК” в сказочном фольклоре)» [Климас 2015] посвящена рассмотрению реализации концепта в текстах ряда авторитетных собраний русских сказок. В статье «Компаративные и контрастивные характеристики возраста в сказках» [Климас 2021₁] на материале сказок в записях И.А. Худякова были рассмотрены лексемы и их формы (компаративы и суперлативы), использующиеся для обозначения возраста одних сказочных героев в соотношении с возрастом других. Также в статьях И.С. Климас рассматривалась диалектная лексика [Климас 2021₂].

Работы С.П. Праведникова посвящены описанию функционирования отдельных сказочных лексем [Праведников 2010₄, 2012₃, 2016]. В них приводится подробный семантический анализ слов, описываются и сопоставляются особенности их сочетаемости и функционирования в фольклорных текстах разных регионов.

В статье Т.И. Гулянковой были выделены и охарактеризованы функционально-семантические группы вставочных конструкций в текстах сказок И.А. Худякова и Н.Е. Ончукова [Гулянкова 1994].

Исследования лексики русской народной сказки осуществлялись также в работах учеников основателя курской школы А.Т. Хроленко. В диссертационном исследовании М.В. Петрухиной «Кластер “человек телесный” в лексиконе русской волшебной сказки» [Петрухина 2006] были выявлены лексические единицы, представляющие названия частей тела человека, охарактеризованы особенности их семантики, описаны показатели частотности и особенности сочетаемости в сравнении с аналогичной лексикой былинного и песенного жанров русского фольклора.

Е.Н. Девицкая посвятила диссертацию «Цветовая характеристика мира в лексике русских и немецких народных сказок» [Девицкая 2014] изучению

«этнокультурных особенностей концептуализации и вербализации феномена цвета в немецкой и русской фольклорно-сказочной традиции» [Там же: 5]. Была описана частотность цветоименований, охарактеризованы их культурные смыслы и особенности семантики. В ходе исследования были составлены фрагменты контрастивного словаря, «позволяющего сопоставить возможные этнические отличия в репрезентации концепта» [Там же: 12].

Со временем работы курских филологов по данной теме приобрели региональный характер.

Наиболее активным изучением языка русских народных сказок занялись воронежские лингвофольклористы. Исследования в этой области осуществлялись ими через призму заложенного Е.Б. Артеменко направления фольклорного текстообразования. В большинстве работ рассматривалась композиционно-речевая организация сказок с учетом их лексических особенностей.

Сама Е.Б. Артеменко посвятила русским народным сказкам статью, в которой были выделены и охарактеризованы отраженные в фольклорных текстах элементы и конструкции разговорной речи [Артеменко 1994]. Исследование примечательно учетом особенностей идиолекта сказителя, т.к. в нем используются материалы магнитофонных записей, сохранивших речь А.Н. Корольковой. Только так, по мнению автора, возможно изучение языкового строя сказочного текста в сопоставлении с разговорными основами диалектной речи [Там же: 23].

В работах Т.И. Мальцевой описываются конструкции ввода различных персонажей в текст волшебной сказки. Автор ставит перед собой цель: «выявить, каким образом сказочник, имея в арсенале достаточно небольшой набор языковых формул, создает множество отличных друг от друга вариантов волшебной сказки как одного сюжетного типа, так и разных» [Мальцева 2020₂: 302].

В диссертационном исследовании «Конструкции, репрезентирующие персонажей русской волшебной сказки» [Мальцева 2002] впервые выявлены, типологизированы и проанализированы с точки зрения семантики и лексико-

синтаксической организации конструкции, сопровождающие в сказочном тексте четырех основных персонажей – героя, дарителя, помощника, вредителя.

В статьях Т.И. Мальцевой описаны способы ввода действующих лиц через инициальные формулы [Мальцева 2000], рассмотрены формулы ввода антагониста в сравнении с формулами, используемыми в былинах [Мальцева 2017]; на основе анализа ста шестидесяти восьми сказок, собранных А.Н. Афанасьевым, выведены формулы встречи героя с дарителем, проанализированы варианты их комбинаций и их лексический состав [Мальцева 2020₂].

Отдельного внимания в рамках данного исследования заслуживает статья «Особенности использования языковых средств воронежскими сказочницами А.К. Барышниковой и А.Н. Корольковой» [Мальцева 2020₁], в которой предпринимается попытка сравнения идиолектов двух рассказчиц посредством выявления структурных различий в сказочных формулах. В результате анализа выявлены и сопоставлены лексические закономерности формул, описаны наиболее частотные лексемы и словосочетания в их составе.

И.П. Черноусова сосредоточила свое внимание на изучении сказочного диалога [Черноусова 1994]. В ее работах рассматривались понятия формульного диалога и диалоговой модели, а также впервые предпринимались попытки изучения процесса варьирования сказочной диалоговой модели.

В дальнейшем фокус внимания И.П. Черноусовой сместился на описание фольклорных концептов и концептосфер [Черноусова 2012₂, 2013, 2023]. В понимании исследователя, концептосфера представляет собой «упорядоченную совокупность фольклорных концептов (систему традиционных культурно-этнических смыслов), из которых складывается миропонимание носителя фольклорной культуры и языка устно-поэтических произведений» [Черноусова 2015: 18].

Так, в статье «Репрезентация сказочной концептосферы в диалоговой модели» [Черноусова 2012₁] диалог рассматривается уже не с позиции структурной организации, а как источник «типизированных культурных

(фольклорных) смыслов». В работе выявлены семнадцать отраженных в диалогах сказочных концептов, проанализированы их функции и продемонстрированы примеры реализации.

Докторская диссертация И.П. Черноусовой посвящена изучению фольклорной концептосферы, отраженной в диалоговых моделях народных сказок и былин [Черноусова 2015]. На материале более пяти тысяч сказочных и трех тысяч былинных диалогов были выделены и охарактеризованы девять общих с былинами сказочных концептов (запрет, знакомство, служба, благословение, красота, испытание, награждение, печаль, сватовство) и семь уникальных сказочных (помощь, сон, запродажа, завет, заговор, бегство, погоня).

В.А. Черванева избрала темой своих исследований количественную семантику языковых единиц в сказочных текстах. Ее диссертационная работа направлена на «выявление количественной структуры концептов пространства и времени в сказке через систему средств их вербальной репрезентации» [Черванева 2003₁: 3].

Рассмотрение обозначенных концептов происходило посредством их членения на субконцепты. Под субконцептом понимается «концептуальное образование, входящее составной частью в содержание более широкого по объему концепта» [Там же: 20]. Так, например, в пределах концепта «Пространство» были выделены субконцепты «Дистанция», «Площадь», «Размер», «Объем веществ», «Вес предметов», «Сила персонажей». В субконцептах, в свою очередь, вычленились более узкие смысловые компоненты, которые связывали исследование с областью когнитивной лингвистики. Например, субконцепт «Размер» вообрал ряд таких когнитивных параметров, как размер (высота, длина, полнота), количественная оценка (большой или малый размер), аксиологическое значение (положительная или отрицательная оценка) и др.

Данная тема получила продолжение в работе «Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира», написанной в соавторстве с Е.Б. Артеменко [Черванева, Артеменко 2004]. В ней были отражены результаты изучения

пространственно-временной организации текстов двух эпических жанров русского фольклора – волшебной сказки и былины.

В многочисленных научных статьях В.А. Черваневой рассматриваются также различные сказочные концепты и субконцепты, способные обладать количественными характеристиками, и их объективация вербальными средствами: сказочное время [Черванева 2005], скорость [Черванева 2009] и дистанция [Черванева 2003₂], возраст персонажа [Черванева 2007] и др.

О.В. Волощенко исследовала особенности употребления композиционно-речевых форм (КРФ) и глаголов ментальной деятельности. Результаты данной работы были отражены в кандидатской диссертации [Волощенко 2006₃]. В ней была составлена подробная типология КРФ, перечислены их подтипы, специфические сказочные функции, семиотические смыслы и признаки их выражения, а также охарактеризованы особенности представления КРФ в тексте. Кроме того, составлена классификация глаголов со значением ментальной деятельности и описана их семантика.

С точки зрения изучения лексики сказки особенно интересен ряд работ, в которых осуществляется анализ лексической реализации портретов сказочных героев. Таковы, например, статьи «Об обусловленности портретных характеристик персонажей сказочной картиной мира» [Волощенко 2006₁] и «Языковые и речевые особенности фольклорной объективации» [Волощенко 2006₂]. Автор выделяет основные характеристики героев (возраст, сила, внешность и т.п.), и демонстрирует способы их вербализации в тексте, описывая наиболее распространенные лексемы и формулы.

Тема описания языкового материала русских народных сказок нашла отражение в работах А.А. Кретьова и его учеников. В обширной статье «Составные номинации в русских народных сказках» [Кретьов 2015] представлен разносторонний анализ 5769 употреблений композитов, зафиксированных в текстах собрания А.Н. Афанасьева. Автором осуществлена классификация композитов по количеству элементов (четырёхчленные, трёхчленные и двухчленные), разработаны и описаны их структурные модели; охарактеризована

фонетическая оформленность композитов, их ритмика с точки зрения силлабо-тонического стихосложения, морфемный состав; определена частеречная принадлежность, описаны грамматические категории; выявлены общие семантические особенности композитов, а также типы семантической связи между их структурными компонентами.

Под руководством А.А. Кретьова Н.В. Стекольниковой подготовлена кандидатская диссертация «Лексические парадигмы в текстах рекурсивной структуры (на материале русских сказок)» [Стекольниковая 2008], посвященная описанию метода доказательства тождества вариантов рекурсивных сказок посредством лингвистического анализа лексики. Под рекурсивными сказками (термин предложен А.А. Кретьовым) понимаются тексты кумулятивной структуры.

Значимое место в исследованиях А.А. Кретьова и его учеников отведено лексикографическому описанию сказочных текстов. Первым опытом в данном направлении стал лемматизированный конкорданс русских народных сказок Воронежской области (Кретьов, 1997) с указанием частоты лемм и каждой из словоформ [Кретьов 2016: 66]. Лемматизированный конкорданс объединяет функции словника, грамматического и частотного словаря, а также словаря сочетаемости.

В дальнейшем лексикографическая работа была продолжена составлением конкордансов к сборнику народных сказок А.Н. Корольковой и к сказкам собрания А.Н. Афанасьева [Там же: 68]. Также авторами была выдвинута идея создания конкорданса сказок А.К. Барышниковой [Шмыглева, Кретьов 2018]. Результаты этой работы были отражены, например, в статье «Цветовой спектр и цветообозначения в сказках А.К. Барышниковой» [Кретьов, Шмыглева 2019], посвященной описанию колоративной лексики, выявлению наиболее и наименее частотных лексем и их семантических особенностей.

В 2019 г. воронежскими исследователями С.И. Добровой и Д.Х. Халиловой была опубликована статья, посвященная разработке типологии словников лексем, репрезентирующих бытовые реалии в текстах сказок А.Н. Корольковой [Доброва,

Халилова 2019]. Авторами представлены и охарактеризованы: 1) сводный алфавитный перечень лексем, снабженных паспортизацией – указанием сказки и номера страницы; 2) алфавитный перечень сказок, сопровождаемый перечислением всех зафиксированных в них лексем; 3) частотный словник; 4) словник тематических групп бытовых реалий с перечислением входящих в них лексем; 5) словник лексем, зафиксированных в составе изобразительно-выразительных средств языка.

Работы воронежских исследователей не единственный пример лексикографического описания русских сказок. Так, нижегородским ученым принадлежит идея составления словаря комбинированного типа как способа описания сказочной концептосферы на материале сказок собрания А.Н. Афанасьева [Горшкова, Ручина 2011]. Словарная статья обладает сложной структурой и состоит из нескольких блоков. Она включает заголовочное слово, сопровождаемое толкованием и этимологической справкой, указанием синтагматических, парадигматических и словообразовательных связей; отражает синонимические, антонимические, родо-видовые и ассоциативные отношения заголовочной единицы; включает все глаголы, имена существительные и прилагательные, синтагматически связанные с заголовочной единицей в текстах сказок и др. В первой части словаря рассмотрены концепты родственных отношений: «Батюшка», «Дети», «Дочь», «Жена», «Жених», «Мать», «Муж» и др. [Словарь концептов 2011]. Вторая часть посвящена социальным функциям: «Барин», «Королевич», «Королевна», «Купец», «Работник» и др. [Словарь концептов 2015].

В 2019 г. тульским исследователем Г.В. Токаревым был опубликован лингвокультурологический словарь «Сто названий волшебного мира русского фольклора» [Токарев 2019], в котором описывается бездетонатная лексика русских волшебных сказок. Под бездетонатной единицей понимается «знак, воплощающий представления о несуществующих в реальной действительности явлениях» [Там же: 5]. Словарная статья включает толкование заголовочной единицы, ее существенные и функциональные признаки, примеры употребления и

характеристику регулярности. Также статья может дополняться культурологическим комментарием. Материалом исследования послужили сказки из собрания А.Н. Афанасьева.

Еще одна концепция лингвокультурологического словаря описана в статье псковского филолога М.И. Муратовой [Муратова 2019]. В качестве базы словаря рассматриваются народные сказки, записанные в ходе фольклорных экспедиций в Псковской области. Из их текстов выбраны 650 единиц этнокультурно маркированной лексики, среди которых псковские диалектизмы, мифологические лексемы, сказочные формулы, антропонимы и топонимы. Ожидается, что словарная статья будет представлять собой «комплексный лингвокультурологический комментарий заголовочной единицы», включающий «описание обозначаемой реалии, экспликацию культурного фона, в том числе указание на функционирование слова в фольклорных текстах» [Там же: 204].

Значимый вклад в изучение лексического состава сказок внесла волгоградский исследователь Е.И. Алещенко. Ею написано большое количество научных статей, посвященных как характеристике сказочной лексики вообще, так и описанию способов вербализации конкретных концептов (напр.: [Алещенко 2006₁, 2006₂, 2007₂]). В число рассмотренных в этих работах вошли концепты «Брат», «Женщина», «Сестра», «Природа», «Человек», «Невеста», «Родители», «Труд», «Смерть», «Пространство» и мн. др.

Докторская диссертация Е.И. Алещенко «Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки)» [Алещенко 2008] посвящена описанию фольклорной концептосферы и выявлению способов и средств ее вербализации в текстах сказок А.Н. Афанасьева, Д.К. Зеленина, Н.Е. Ончукова, Д.Н. Садовникова, И.А. Худякова. Обработке и анализу подверглись 14500 текстовых единиц, представляющих основные фольклорные концепты.

Рассмотрение концептов осуществлялось посредством введения понятия субконцептосферы «как подсистемы, как области фольклорной концептосферы, которую составляют концепты, объединенные тематикой слова» [Там же: 56].

Объединение может осуществляться на основе имени концепта, сферы функционирования или по «общему арсеналу средств вербализации».

По мнению автора, «фольклорная концептосфера, реализованная в сказочных текстах, может быть структурирована как антропоцентрическое, теистически направленное образование. В центре располагается концепт “Человек”, включенный в субконцептосферы “Общество” и “Семья”. Над ним располагается биполярная структура, один из полюсов которой составляет концепт “Бог”, а другой – “Сатана”» [Там же: 360]. В связи с этим в работе рассмотрены такие концепты, как «Бог» и «Черт», а также субконцептосферы «Социальная иерархия» и «Семья». Кроме того, внимание уделяется субконцептосферам «Живая природа» и «Рукотворный мир».

Как видно, за последние десятилетия языковой материал русских народных сказок неоднократно привлекался в диссертационных исследованиях различной направленности. Помимо перечисленных работ, тема сказок поднималась в исследовании О.Г. Горбачевой [Горбачева 2008], посвященном описанию объема и содержания ономастического пространства русских народных сказок, определению специфики и функций имен собственных в сказочных текстах. В.В. Карповой [Карпова 2018] было раскрыто содержание концепта «Чудо» и описаны его лексические и грамматические репрезентации в текстах вологодских волшебных сказок. Ли Исинь сосредоточила свое внимание на «описании сходств и различий в языковой репрезентации ключевых концептов» [Ли Исинь 2020: 6], представленных оппозициями «добро / зло», «ум / глупость», «труд / лень», а также концептом «Семья».

Примером исследования кросс-культурной направленности является кандидатская диссертация Л.В. Эпоевой «Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки (на материале английского и русского языков)» [Эпоева 2007]. Автором осуществляется многоаспектный анализ лингвокультурологических параметров волшебной сказки, определяются лексико-семантические особенности языка волшебной

сказки, систематизируются лексические средства формирования концепта «Волшебство» в английском и русском языках.

Другим примером кросс-культурного исследования выступает кандидатская диссертация И.Е. Пенской, направленная на «выявление общих и уникальных особенностей языковой номинации в русской, английской и немецкой фольклорной сказке» [Пенская 2008: 4]. Данная работа вносит вклад в теорию номинации, в общую и сопоставительную ономастику, а также в сопоставительные исследования фольклора.

1.3.2. Собрание и изучение курских народных сказок

Сохранение малоизвестных региональных фольклорных текстов является одним из ключевых направлений в работе по изучению фольклора, поскольку такие тексты представляют для исследователей особый лингвистический, культурологический и краеведческий материал.

Курские народные сказки стали записываться и издаваться с середины XIX в. Начало работы было положено в 1844 г., когда в Санкт-Петербурге писательница Екатерина Авдеева (Полевая) впервые опубликовала иллюстрированный сборник «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой», включавший семь текстов.

Следующим значимым собранием стали «Сказки, записанные в Тимском уезде», опубликованные Ф. Белкиным в 1863 г. в составе «Трудов Курского статистического комитета» [Белкин]. Впоследствии тексты этих четырнадцати сказок включались в авторитетные фольклорные сборники. По времени фиксации это одни из самых старых сказок региона. Это уникальный фольклорный материал, который можно назвать библиографической редкостью. Тексты сказок сохранили диалектные и идиолектные особенности речи сказочников, а потому представляют особый научный интерес. О самом Ф. Белкине известно мало, его имя включено в биобиблиографический словарь «Русские фольклористы».

Курские сказки были включены также в собрание А.Н. Афанасьева [Афанасьев]. В нем представлено пятнадцать курских текстов – № 96, 97, 100,

112, 113, 114, 147, 180, 205, 261, 265, 283, 297, 387, 445 [Праведников 2019₃: 6]. «Эти сказки отличаются высокими художественными характеристиками: специалист найдет в них и выразительность образов, и интересные детали, которых мы не обнаружим в других регионах, и необычные мотивы и сюжетные ходы» [Праведников 2019₁: 13]. Несмотря на то, что в текстах данных сказок обнаруживается книжное влияние, например, следы литературной обработки, они не утрачивают своей ценности и остаются важным материалом для лингвистических исследований.

Тексты некоторых курских сказок из собрания А.Н. Афанасьева разбирались и использовались в качестве иллюстративного материала В.Я. Проппом в его работе «Морфология сказки» [Пропп 1969]. Это «Крошечка-Хаврошечка» (100), «Гуси-лебеди» (113), «Князь Данила-говорила» (114), «Белая уточка» (265). Особого внимания заслуживают «Гуси-лебеди» (113), на основе которых В.Я. Пропп продемонстрировал пример «разложения» сказки на составные части [Пропп 1969: 86–89].

В 1939 г. в свет вышел сборник курского фольклора, в котором было зафиксировано двадцать четыре народных сказки [Фольклор]. Как отмечают составители, в те годы «была развернута большая работа по массовому сбору устного народного творчества». Не было «ни одной области или края, где не проводилась бы такая работа» [Яснев 1939: 6]. За три года было собрано «несколько сот произведений», как советского, так и досоветского периода. Примечательно, что в составлении сборника принимала участие группа студентов Курского педагогического института. Данный пример не является единственным в истории университета.

С 1978 г. на филологическом факультете активизировалась работа по сбору фольклорных материалов. В 1980 г. под руководством Ю.И. Юдина в селе Бобрава Беловского района Курской области проходила фольклорная практика филологического факультета, в результате которой были собраны и впоследствии опубликованы двадцать три народных сказки [Бобравские сказки]. Все тексты были записаны по рассказам Дарьи Васильевны Струковой.

Помимо четырех рассматриваемых в работе перечисленных собраний, необходимо упомянуть также другие сборники, изданные на филологическом факультете Курского государственного университета [Криволапов 2023; Курские сказки 2024]. В них вошло 203 и 110 народных сказок, записанных студентами и преподавателями в разных районах Курской области в период полевых экспедиций и фольклорных практик с 1969 по 2011 г. Данный фактический материал может в перспективе привлекаться в исследованиях по выявлению жанровой и территориальной специфики языка фольклора.

На сегодняшний день количество качественных сказочных текстов, записанных в Курской области, не так велико, однако каждый из них «бережно обрабатывается и вносится в копилку курского фольклора, где уже находятся образцы различных жанров. И не просто находятся, а постоянно изучаются, сопоставляются с устно-поэтическими и прозаическими шедеврами из других регионов, используются в качестве иллюстративного материала при написании научных статей и монографий» [Праведников 2021: 56].

Как отмечают исследователи, курские сказки второй половины XX в. представляют процесс «умирания» фольклора. Это проявляется в том, что многие тексты несут на себе следы литературного влияния [Криволапов, Праведников, Францова 2023: 3].

Говоря о сюжетной специфике курских сказок, составители сборников указывают на то, что их нельзя назвать исключительно местными. Они представляют собой «варианты различных сказок, распространенных и в других областях Советского Союза с общим для всех фантастическим или авантюрно-новеллистическим характером» [Ясенев 1939: 8]. Согласно сравнительному указателю сказочных сюжетов восточнославянской сказки, многие курские сказки представляет собой сюжетные контаминации, частично или полностью совпадающие с другими русскими, белорусскими и украинскими сказками. Однако в то же время встречаются уникальные сюжеты, зафиксированные только на территории Курской области: «Мужик и жадный поп» (1120*), «Солдат=“базар”» (1544****), «Еж-“богатырь”» (125E*) и др. [СУС 1979].

Работа по изучению языка курских народных сказок началась сравнительно недавно. Данное направление стало развиваться в трудах представителей курской школы лингвофольклористики около двадцати лет назад. Если до этого филологов интересовали исключительно особенности языка былинного эпоса и народной лирики, то со временем область их исследования распространилась и на сказочную прозу [Хроленко 2021: 70].

Курские лингвисты сосредоточили свое внимание на семантической стороне фольклорного слова. В большинстве их работ описываются отдельные сказочные лексемы или группы лексики, образы и концепты. Например, в статье С.К. Константиновой «Лексема *конь* в курской сказке» [Константинова 2023] анализируются синтагматические связи лексемы *конь*, описываются смысловые аспекты образа коня.

Во многих научных статьях сказочный материал сопоставляется с другими фольклорными жанрами, чаще всего с песнями и частушками. Так, в работе Ю.А. Дьяченко «*Повяжу я, повяжу беленький платочек (платок в курском фольклоре)*» [Дьяченко 2023] семантика и функционирование лексемы рассматривается одновременно в текстах трех жанров. Такое сопоставление демонстрирует, что в языке фольклора лексемы наделяются новыми смыслами и несут разное символическое значение в различных фольклорных жанрах.

Сопоставление языкового материала народных песен, частушек и сказок осуществляется и в работах М.А. Бобуновой. В статье «Предлог *при* в русском фольклоре» [Бобунова 2024] выявляются общежанровые и специфические особенности использования указанного предлога для каждого жанра. В статье «Термины свойства в курском фольклоре» [Бобунова 2023₃] отбираются и описывают слова обозначенной группы, характеризуются особенности их функционирования в текстах всех трех жанров. Анализ показывает, что для сказочных текстов термины свойства не характерны, тогда как в лирических песнях и частушках данная группа слов представлена разнообразным составом с высокой частотностью.

Отдельное место занимают работы, посвященные описанию сказочных концептов. Такова, например, статья «Концепт “конь / лошадь” в русских народных сказках» [Дьяченко, Праведников, Ковалев 2025], в которой путем определения и описания ядра и периферии обозначенного концепта, устанавливается его значимость в фольклорной языковой картине мира.

Рассмотрению сказочных концептов посвящены работы И.С. Климас. В статьях «Дружба в курском фольклоре» [Климас 2022] и «Как закипел народ у княжьих ворот! (курский фольклор о НАРОДЕ)» [Климас 2023₁] рассматриваются лексические репрезентации одноименных концептов в текстах лирических песен, сказок и частушек. Анализируется состав лексем-репрезентантов, особенности их семантики и функционирования, а также определяется место самих концептов в устно-поэтической модели мира.

В статье «Ворота в курском фольклоре» [Климас, Праведников 2021] описание лексической репрезентации концепта «ворота» осуществляется в сопоставлении курских народных сказок и необрядовых лирических песен с фольклором других регионов – архангельским, олонецким, сибирским. Результаты исследования позволяют говорить об общефольклорной и территориальной специфике сказочной лексики.

Особый интерес представляет статья «Слыхали вы о Змее Змеевиче? (ЗМЕЙ в русских арабских сказках)» [Климас 2023₂], в которой предпринимается попытка сопоставления сказочного фольклора разных народов – осуществляется выделение и описание общих типологических и специфических национальных черт образа змея в русской и арабской сказочной традиции.

Среди работ, посвященных изучению языка курских народных сказок, выделяется статья «Архетипический образ семьи в фольклорном и массмедийном пространстве» [Демидова, Косицына 2024]. Она является примером выхода исследования за рамки лингвофольклористики и связи с журналистикой. В статье осуществляется сравнение фольклорных образов мужа и жены с их современными аналогами в массмедиа. Авторы ставят целью определить, как

представления современного общества об архетипах трансформируются в современном медиапространстве «под влиянием вызовов нового времени».

Большое внимание изучению языка курских сказок уделяется в работах С.П. Праведникова. Многие его исследования направлены на выявление территориальной специфики языковых средств русского фольклора.

В статье «Диалектная лексика в курских сказках» [Праведников 2012₂] представлено подробное описание диалектной лексики сказок 1863 г. как одного из основных маркеров территориальной специфики языка фольклора. Анализ показывает, что для курских текстов характерно обилие фонетических и грамматических диалектизмов, распространены словообразовательные диалектизмы, в то время как лексические (этнографизмы, семантические и собственно лексические диалектизмы) представлены сравнительно малой группой. В статье приводится подробный семантический анализ группы лексических диалектизмов, объясняется образование и значение отдельных слов.

Еще одним показателем территориальной специфики языка фольклора выступают диминутивы, описанные в статье «Диминутивная лексика в курских сказках» [Праведников 2011₁]. Анализ показывает, что данный пласт лексики типичен для курских сказок. В текстах часто встречаются как зафиксированные словарями на территории Курской области формы, так и формы, словарями не отмеченные. Многие диминутивы сопровождаются пометой *фолк.*, что говорит об их тесной связи с языком фольклора.

На выявление территориальной специфики языкового материала направлены статьи «Региональная специфика антропонимов курских и олонечских сказок» [Праведников 2011₂] и «Топонимы в олонечских и курских сказках (сопоставительный аспект)» [Праведников 2017]. В них приводятся и сравниваются частотные показатели лексем, объясняются особенности включения наименований в текст в связи с жанровой и сюжетной спецификой, устанавливаются сходства и отличия регионального характера в их употреблении. Эту же тему развивает работа «Ономастическое пространство курской сказки» [Праведников 2019₄].

В статьях «Наименования артефактов в курских сказках» [Праведников 2007₁] и «О своеобразии языка курских сказок» [Праведников 2010₂] приводится анализ артефактной лексики, зафиксированной в сказках собрания Ф. Белкина. Осуществляется распределение имен артефактов по тематическим группам: фольклорный локус, жилище и его элементы, оружие и снаряжение, одежда и украшения и другие рукотворные предметы. Определяются границы групп, приводятся частотные показатели единиц в их составе, характеризуются особенности их сочетаемости.

Наиболее полно опыт изучения территориальной специфики сказочной лексики был изложен в докторской диссертации «Территориальная дифференциация языка русского фольклора» [Праведников 2011₃]. В качестве базы используются курские сказки из собрания А.Н. Афанасьева и сказки, записанные Ф. Белкиным, а также сказки Олонецкой губернии. В третьей главе исследования отражены результаты детального анализа диалектной лексики, антропонимов и топонимов, а также диминутивов, обнаруженных в текстах народных сказок, с целью выявления территориальных отличий языка курского и северного фольклора. В работе приводятся точные количественные показатели всех лексем и словоупотреблений в текстах, сравниваются наиболее частотные лексемы сказок разных регионов, выявляются, классифицируются и характеризуются уникальные для курских и олонечких текстов языковые единицы.

В статьях С.П. Праведникова рассматриваются также отдельные части речи – имена существительные [Праведников 2007₂] и прилагательные [Праведников 2008, 2009₁]. В них приводятся точные статистические подсчеты знаменательных и служебных частей в текстах курских сказок, записанных Ф. Белкиным в Тимском уезде Курской губернии.

В рамках настоящего диссертационного исследования были подготовлены и опубликованы научные статьи, посвященные анализу распространенных и особо значимых для фольклорной языковой картины мира групп социофактов. В статье «Представители царской семьи в курских народных сказках» [Ковалев 2024₂]

рассматриваются традиционные для сказок фигуры царя, царевны и царских детей, которые всегда находятся в социальной оппозиции к простому народу, анализируются особенности их семантики и синтагматические связи. «Данная работа позволяет проследить, как в фольклорной языковой картине мира отразились социальные взаимодействия представителей разных социальных слоев» [Там же: 50]. В статье вводятся в научный оборот тексты курских сказок собрания 1939 года.

В статье «Лексика системы родства в русском фольклоре (на материале курских народных сказок)» [Ковалев 2025₂] приводится классификация терминов системы родства, сопровождаемая частотными показателями, осуществляется семантический анализ выделенных групп, определяются и характеризуются основные виды родственных взаимоотношений в текстах курских сказок, описывается их репрезентация конкретными лексемами. Исследование показывает, что в сказочном тексте на термины родства «наслаиваются многие коннотативные смыслы, культурные стереотипы, установки, которые служат средством выражения моральных и этических идеалов и ценностей народа» [Там же: 25].

Также в рамках исследования в сопоставительном аспекте была описана артефактная лексика, представленная в курских сказках [Ковалев 2023₁]. Сравнение результатов анализа наименований артефактов в текстах сказок собрания А.Н. Афанасьева с результатами описания сказок Ф. Белкина [Праведников 2007₁] демонстрирует равное соотношение лексики выделенных тематических групп и совпадение особенностей их семантики и синтагматических отношений, что дает право говорить о закономерностях их функционирования в курских сказках. Общий анализ показывает, что наименования артефактов, несмотря на малое количество и низкую частотность, «характеризуется разнообразием лексического состава и отличается особой культурологической значимостью, поскольку раскрывает ключевые понятия и концепты, составляющие жизнь и быт русского народа» [Ковалев 2023₁: 250].

Значимым достижением в области изучения языка курских народных сказок стала работа по их лексикографическому описанию. Начало данного направления было заложено в работах С.П. Праведникова. В статье 2007 г. [Праведников 2007₂] на материале четырнадцати сказок собрания Ф. Белкина впервые составлен алфавитный словник с показателями частотности всех знаменательных частей речи за исключением имен собственных и местоимений. Для наиболее частотных наименований социофактов, натурфактов и артефактов составлены словарные статьи, демонстрирующие все виды связей лексем с другими словами. Структура словарной статьи соответствует структуре, предложенной в словаре языка русского фольклора [Бобунова 2006₁, 2006₂].

В статье «Лексика, описывающая животный и растительный мир, в курских сказках А.Н. Афанасьева» [Праведников 2010₁] аналогичные словарные статьи составлены для групп наименований млекопитающих, птиц и рыб, а также для фитонимической лексики.

В 2019 году был опубликован первый лексикографический комплекс курских народных сказок, базой для которого послужили тексты, записанные Ф. Белкиным в Тимском уезде Курской губернии в 1863 году [Праведников 2019₂]. В том же году вышел второй том, посвященный курским сказкам из собрания А.Н. Афанасьева [Праведников 2019₃]. Работа была продолжена, и в 2020 году состоялась публикация третьего тома, базой для которого стали тексты сказок, записанные в селе Боброва Беловского района Курской области в 1980 г. [Праведников 2020]. В 2024 г. в рамках данного диссертационного исследования был подготовлен и опубликован «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Курские сказки 30-х гг. XX в.» [Ковалев 2024₁], в который вошли тексты курских сказок, изданные в 1939 г. Все перечисленные комплексы обладают устоявшейся структурой и включают сказочный мегатекст, алфавитно-частотный словник, частотный словарь и конкорданс.

1.4. Выводы

Лингвофольклористика – сравнительно молодое научное направление, сформировавшееся в отечественной лингвистике в 70-ых гг. XX в. Ее цель – выявление места и функций языковых единиц в структуре фольклорных произведений путем использования методов лингвистики и фольклористики; описание отраженных в языке фольклора наиболее значимых для народа понятий, категорий, ценностей. Основными центрами описания языка фольклора стали воронежская, петрозаводская и курская школы. Их представителями был очерчен круг задач лингвофольклористики, определены ее основные проблемы, намечены направления исследований, в которых сегодня ведется теоретическая и практическая работа.

Изучение лексического уровня фольклорных произведений является одной из основных задач современной лингвофольклористики. В настоящее время ее разработка осуществляется параллельно в рамках нескольких тесно связанных между собой направлений с применением разных подходов и принципов исследования. Это фольклорная лексикология, фольклорная лексикография, фольклорная диалектология, а также изучение фольклорной концептосферы. Публикации монографий и научных статей в данных областях, защита кандидатских и докторских диссертаций, появление новых направлений исследований, разработка специальных методов работы, постоянное расширение фактического материала – все это свидетельствует о высоком уровне актуальности изучения лексикона русского фольклора в современной науке.

Лексика русского фольклора отличается большим в сравнении с литературным языком разнообразием состава, что объясняется своеобразием ее бытования, ее тесной связью с диалектной речью, жанром и функциями фольклорных текстов и рядом других факторов. Вопрос определения границ и состава лексикона фольклора является основным в фольклорной лексикологии.

Значимыми для описания лексики фольклора представляется как фиксация количественных показателей, необходимых для разграничения и описания ядра и периферии лексикона, так и характеристика семантических особенностей, в

которых, по мнению исследователей, заключается основная специфика фольклорного слова.

Фольклорная лексикология требует разработки специального понятийного аппарата и специальных методов исследования. Решению данных задач сегодня посвящены работы отечественных лингвофольклористов.

Говоря о русской сказке как фольклорном жанре, необходимо выделить два плана ее изучения. С одной стороны, речь идет о собирании и сохранении русских народных сказок, а с другой – о ее научном описании. Первый вопрос был поднят в русской фольклористике раньше. Несмотря на то, что издания сказок появились еще в XIX в., организованный характер собирания отмечается лишь в послереволюционные годы. Были сформированы и продолжают появляться собрания двух типов – областные и индивидуальные. В основе областных собраний лежит территориальный принцип. Индивидуальные сборники появились позднее, они фиксируют произведения, рассказанные одним сказочником. Такие сборники представляют особый интерес для исследования идиолекта и индивидуальной манеры исполнителей.

Наибольший размах научное описание русских народных сказок получило к середине XX в., чему во многом способствовали работы таких ученых, как С.Ф. Ольденбург, А.И. Никифоров, В.Я. Пропп и др., а также активный процесс накопления фактического материала. Отечественная фольклористика занялась всесторонним описанием жанра, стремясь определить его границы, проследить исторические корни мотивов и образов, установить законы построения, выявить отличительные композиционные, стилистические и сюжетные особенности, сопоставить их со сказками других народов.

Сложность изучения сказок обусловлена шириной границ жанра, многообразием их форм и типов и их близостью с другими фольклорными жанрами. В связи с этим особое внимание уделялось поиску ключевых жанрообразующих критериев, которые позволили бы не только полностью отделить сказку от других произведений фольклора, но и способствовали бы уточнению систематизации самого сказочного материала.

Несмотря на то, что языковой материал русских народных сказок вошел в научный оборот сравнительно недавно и по степени изученности уступает таким жанрам, как, например, былины или лирические песни, интерес отечественных лингвистов к нему неустанно растет на протяжении последних десятилетий. Помимо работ, посвященных описанию синтаксической структуры и лексических особенностей сказок, появляются работы по их лексикографическому описанию, проводятся лингвокультурологические исследования по выявлению и описанию сказочных концептов и концептосфер, осуществляются кросс-культурные исследования. Все это подтверждает высокую степень значимости языкового материала русских народных сказок и свидетельствует об актуальности работ по его описанию.

Язык курских народных сказок стал изучаться около двадцати лет назад. Сегодня данная тема активно разрабатывается в исследованиях курских лингвофольклористов. При описании сказочных текстов ими активно используются новые теоретические и практические достижения в области фольклорной лексикологии, лексикографии и диалектологии, однако по-прежнему остается большое количество неизученного фактического материала. Анализ научных работ по теме позволяет сделать вывод, что в сравнении с другими жанрами фольклора курские сказки характеризуются малой степенью разработанности и нередко используются в качестве вспомогательного материала, а не в виде отдельного объекта исследования. Многие направления работы лишь намечены, а потому существует объективная необходимость в дальнейшей разработке данной темы.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА КУРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

2.1. Ядро и периферия лексикона. Частеречный анализ ядра

Основой для данного исследования послужили четыре лексикографических комплекса к 76 курским народным сказкам (здесь и далее для их обозначения будут использоваться приводимые условные сокращения):

1) ЛК I – «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. I» [Праведников 2019₂];

2) ЛК II – «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. II» [Праведников 2019₃];

3) ЛК III – «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. III» [Праведников 2020];

4) ЛК IV – «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Курские сказки 30-х гг. XX в.» [Ковалев 2024₁].

Результаты предварительной работы по составлению отдельных комплексов послужили основой для нового этапа описания лексического состава курской сказки. В ходе настоящего исследования нами был составлен единый алфавитно-частотный словарь, объединяющий показатели всех четырех комплексов. Его объем, по нашим подсчетам, составил 4815 лексем в более чем 44 000 словоупотреблений.

В первую очередь анализ полученного алфавитно-частотного словаря производился путем выделения ядра и периферии лексикона. Границу между ними было решено проводить по двухсотой частотной позиции. Таким образом, в ядро лексикона курской сказки вошло 200 лексем в 25 871 словоупотреблении (см. Приложение № 1), что составило $\approx 4\%$ от общего числа лексем словаря и $\approx 59\%$ от общего числа словоупотреблений. В зону периферии попали, соответственно, 4615 лексем ($\approx 96\%$) в более чем 18 000 словоупотреблений ($\approx 41\%$). Показатель их частотности не превышает 31.

Говоря о составе периферии, следует выявить группу *hарах legomena* (гапакс) – слова, встречающиеся в определенном корпусе текстов лишь один раз.

Общая доля гапакса в словнике курских сказок составила $\approx 42\%$ (2032 лексем). Сюда попали, например, многочисленные глаголы, образованные с помощью приставок *вы-, за-, на-, от-, пере-, по-, рас-, раз-* и др., композиты (*богач-солдат, волчишек-куманечек, княгиня-красавица, матушка-сударыня, молодец-богатырь* и мн. др.), диминутивы, диалектная лексика и другие группы.

Основной описания ядра лексикона послужил частеречный анализ. Его результаты отражены в Таблице № 1. Первый столбик показывает количество лексем, второй – количество словоупотреблений. Полный состав групп представлен в Приложении № 2.

Таблица № 1. Соотношение частей речи в составе ядра лексикона

Имя существительное		Глагол		Служебные ч. р.		Местоимение	
63 31,1%	3833 14,8%	57 28,1%	5057 19,6%	32 15,8%	9495 36,7%	24 11,8%	5794 22,4%
Наречие		Имя прилагательное		Имя числительное		Другое	
16 7,9%	1165 4,5%	5 2,5%	214 0,8%	4 2%	223 0,9%	2 1%	90 0,3%

Поскольку все служебные части речи малоинформативны для данного исследования, было решено объединить их в одну группу. Анализ показал, что их доля в составе ядра составляет около 16%. Многие из служебных слов отличаются крайне высокой частотностью: они занимают половину позиций в списке десяти наиболее частотных слов (см. Таблица № 2) и треть позиций в топ-50 (34%).

Первую позицию по количеству лексем в ядре занимают имена существительные (31,1%). Отметим лишь общие наблюдения, поскольку подробному описанию частотных частей речи (имен существительных, прилагательных и глаголов) посвящены параграфы 2.2.1 – 2.2.3.

Таблица № 2. Топ-10 частотных слов в курских сказках

1. <i>и</i> – 2195	6. <i>она</i> – 733
2. <i>он</i> – 1258	7. <i>на</i> – 717
3. <i>а</i> – 939	8. <i>я</i> – 660
4. <i>в / во</i> – 801	9. <i>они</i> – 510
5. <i>не</i> – 779	10. <i>говорить</i> – 495

Анализ демонстрирует, что бóльшую часть существительных в ядре (53%) составляют имена *социофактов* – наименования персонажей (здесь и далее первое число обозначает количество словоупотреблений, второе – позицию в алфавитно-частотном словнике): *царь* 156/34, *брат* 152/35, *мужик* 142/36, *Иван-царевич* 140/37, *жена* 121/45, *муж* 104/54, *мать* 103/56 и мн. др.

Вторую значительную группу в составе ядра образуют имена натурфактов (29%), к которым относятся наименования представителей фауны (*конь* 95/59, *волк* 90/62, *коза* 74/78 и др.), флоры (*дуб* 55/117), элементов ландшафта и природных стихий (*лес* 76/75, *вода* 74/77 и др.), а также соматическая лексика (*голова* 71/86, *глаз* 46/137, *рука* 42/154, *нога* 40/160).

Малыми группами в составе ядра оказались представлены наименования *артефактов* – предметов, созданных человеком (11%): *дом* 58/109, *деньги* 50/129, *двор* 45/139, *дорога* 44/144 и др.; и *ментифактов* – понятий мыслительной, эмоциональной и речевой сферы (8%): *Бог / бог* 54/119, *время* 50/128, *дело* 36/177 и др.

Глаголы заняли вторую позицию по количеству лексем (28,1%). Несмотря на то, что с точки зрения разнообразия лексического состава глаголы уступают именам существительным (57 и 63 лексемы соответственно), показатели количества словоформ демонстрируют, что общее количество глаголов ядра в текстах сказок и их средняя частотность выше, чем у существительных (5057 и 3833 с/у соответственно). Глагол *говорить*, например, входит в топ-10 самых частотных слов.

В составе ядра четко выделяются следующие группы: многочисленные глаголы движения (*пойти* 319/17, *идти* 298/18, *прийти* 182/29, *поехать* 74/79 и мн. др.), владения (*взять* 166/31, *дать* 124/42, *давать* 61/104, *отдать* 54/122), речевой деятельности (*говорить* 495/10, *сказать* 235/23, *спрашивать* 82/67, *отвечать* 61/105 и др.), бытия и существования (*быть* 345/15, *стать* 227/24, *жить* 105/53, *начать* 45/141). Вхождение перечисленных глаголов в состав ядра обусловлено событийной насыщенностью сказок, частыми перемещениями персонажей и их активной коммуникацией друг с другом.

Единичными примерами в составе ядра представлены глаголы эмоционального состояния (*плакать* 68/94), восприятия (*видеть* 117/47, *увидеть* 37/174, *видать* 34/186), интеллектуальной деятельности (*знать* 70/89, *думать* 49/132), что позволяет судить об их меньшей степени значимости.

Обратимся к топ-100. По наблюдениям исследователей языка фольклора, среди ста самых частотных слов в балладах, былинах и лирических песнях доминируют существительные, на втором месте находятся прилагательные, на третьем – глаголы [Климас 2005₂: 194]. Анализ топ-100 курских народных сказок демонстрирует совершенно иные результаты: на первом месте находятся глаголы (24%), второе место занимают имена существительные (22%), а третье – имена прилагательные, представленные всего одной лексемой (1%), что говорит об их малой значимости в анализируемых текстах.

Подобный вывод подкрепляет анализ всего ядра сказок (топ-200). В него вошло лишь пять имен прилагательных (2,5%): *богатый* 71/85, *бедный* 36/175, *красный* 36/178, *один* 36/–, *хороший* 35/185. Для слова *один* позиция по частотности не указывалась, поскольку оно выступает в текстах в роли разных частей речи и распределяется одновременно по нескольким группам.

Подобный количественный перекоп обусловлен, вероятнее всего, жанровой спецификой сказок, стремлением сказителя сделать в угоду увлекательному повествованию акцент на событиях, персонажах, их действиях и местах пребывания, поэтому качественные характеристики в них отходят на второй план.

Местоимения заняли четвертую позицию по количеству лексем в составе ядра (11,8%). Личные местоимения третьего лица обладают значительно большей частотностью, чем местоимения первого и второго лица, что объясняется преобладающим в курских сказках повествованием от третьего лица. Так, среди первых десяти частотных слов фиксируем местоимения *он* 1258/2, *она* 733/6, *они* 510/9 (см. Таблица № 2).

Также в состав ядра вошли притяжательные местоимения *свой* 167/30, *его* 69/92, *твой* 55/118, *ее* 37/170, возвратное местоимение *себя* 123/44, определительное местоимение *другой* 112/50, близкие по частотности

указательные местоимения *этот* 224/25 и *тот* 206/27 и некоторые другие распространенные единицы.

Группа наречий представлена в ядре словами *опять* 136/40, *тогда* 131/41, *там* 110/51, *так* 79/71, *куда* 51/123 и др., являющимися малоинформативными для данного исследования. Интерес представляет лишь высокочастотное наречие *домой* 103/55, зафиксированное в текстах всех собраний (ЛК I – 20, ЛК II – 9, ЛК III – 35, ЛК IV – 39). Высокую частотность слова можно объяснить как сюжетной спецификой сказок, так и культурологической значимостью самого понятия *дом* для русского народа. Дом выступает частью распространенной в сказках оппозиции «свой / чужой» и воспринимается героями как родное, безопасное место, в которое они стремятся вернуться. Уточним, что лексема *дом* 58/109 также вошла в состав ядра.

Самую малочисленную группу составили имена числительные (2%). В нее вошли количественные числительные *один* 44/–, *два* 77/74, *три* 65/99 и порядковое *третий* 37/173. Их частотность объясняется предположительно несколькими причинами. Во-первых, на частотность влияют свойственные для сказочных сюжетов троекратные повторения действий, выделение трех объектов (например, братьев, сестер, дорог), временных промежутков (дней, лет) и др. В особенности этим объясняется частотность порядкового числительного *третий* (распространенные сочетания *третий брат*, *третий раз*, *третий год* и т.п.). Во-вторых, числительные *один*, *два* и *три* выражают удобные для подсчета числовые значения. Они реже заменяются в речи неопределенно-количественными словами, т.к. связанные с ними операции подсчета не вызывают у говорящего трудностей. При этом числительное *один* уступает в частотности остальным, поскольку его значение зачастую выражается грамматически.

В группу «Другое» был отнесен характерный для языка в целом предикатив *надо* 39/162, а также звукоподражание *куку / ку-ку* 51/124, частотность которого обусловлена структурными особенностями сказок. Оно повторяется в виде анафоры и эпифоры во встроенных в текст песенных фрагментах.

А вы, детки, ку-ку. // Я сказала, детки, ку-ку, // Не ходите, ку-ку, // Там крестьянка, ку-ку. // Разлучница, ку-ку... (ЛК III, с. 17).

Куку, князь Данила! // Куку, Говорила! // Куку, сестру свою, // Куку, за себя берет. // Куку, расступись, земля. // Куку, провались, сестра! (ЛК II, с. 14).

2.2. Анализ высокочастотной лексики

2.2.1. Имена существительные

С целью описания предметного мира, представленного в текстах курских народных сказок, мы отобрали топ-100 частотных имен существительных (см. Приложение № 3) и распределили их по следующим группам: наименования социофактов, натурфактов, артефактов, ментифактов [Климас 2005₂]. Результаты работы были отражены в Таблице № 3. Знаком * в ней отмечены лексемы, входящие в состав одновременно нескольких групп. Доля в процентах считалась от количества лексем.

Из таблицы следует, что наименования социофактов представлены в топ-100 наибольшим количеством лексем (45%). Такой результат является вполне ожидаемым, поскольку большой акцент в сказках делается именно на персонажах и их взаимодействиях. Мы сочли возможным выделить здесь следующие подгруппы: 1) термины системы родства; 2) наименования социального положения и рода занятий; 3) наименования по возрасту и полу; 4) прочие наименования персонажей.

Прежде чем перейти к их описанию, отметим, что в топ-100 вошли наиболее общие наименования *люди* 67 и *человек* 29. Человек в фольклорной языковой картине мира, отраженной в курских сказках, обладает разнообразным набором характеристик (здесь и далее используются сокращения, принятые курскими лингвистами, где А – связи слова с прилагательными [Бобунова 2004: 152]).

Человек А: богатый 2, милый 2, независтный 2, добрый 1, знатный 1, молодой 1, правдивый 1, русский 1, хороший 1.

Люди А: добрые 3, дурее 2, хорошие 2, бедные 1, богатые 1, босые 1, горемычные 1, дельные 1, дурные 1, живые 1, нагие 1, образованные 1, плохие 1, похуже 1, простые 1, роскошные 1, старшие 1, честные 1.

Это особенно примечательно с учетом того, что в курских текстах признаковое пространство представлено довольно скромно.

Таблица № 3. Классификация топ-100 имен существительных

Наименования социофактов 45%	<i>царь 156 брат 152 мужик 142 Иван-царевич 140 жена 121 муж 104 мать 103 дочь 91 сын 85 отец 81 сестра 79 барин 74 поп 73 старик 73 люди 67 хозяин 56</i>	<i>дети 54 солдат 50 батюшка 49 старуха 44 дурак 43 дочка 38 мужичок 38 охотник 38 дед 37 ведьма 35 Марко 33 юноша 33 девочка 32 Ивашечка 32 король 32 служивый 32</i>	<i>братец 31 дядька 31 Шамраик 31 царевна 30 Ваня 29 девка 29 человек 29 мачеха 28 молодец 28 Настечка 27 невеста 27 Аленушка 26 баба 25 Климка 25 сестрица 25</i>
Наименования натурфактов 29%	<i>конь 95 волк 90 лес 76 вода 74 коза 74 голова 71 лошадь 62 медведь 56 дуб 55 Змей / змей 49</i>	<i>глаз 46 огонь 45 земля 43 море 42 рука 42 поле 41 нога 40 зверь 31 охота* 32 речка 31</i>	<i>уж 29 лиса 28 птица 27 вол 26 коточек 26 гусь 25 собака 25 хлеб* 14 мясо* 11 молоко* 1</i>
Наименования артефактов 17%	<i>дом 58 дверь 54 деньги 50 двор 45 дорога 44 город 36</i>	<i>топор 31 золото 30 сад 30 избушка 28 корабль 27 мешок 27</i>	<i>печка 26 молоко* 25 рубли 25 хлеб* 18 мясо* 14</i>
Наименования ментифактов 9%	<i>день 70, Бог / бог 54, время 50, ночь 40, дело 36, сторона 29, правда 28, свет 28, год 26, охота* 12</i>		

Ярче всего среди наименований социофактов выделяется подгруппа терминов системы родства, в которую входят лексемы *брат* 152, *жена* 121, *муж* 104, *мать* 103, *дочь* 91, *сын* 85, *отец* 81, *сестра* 79, *дочка* 38, *дети* (34 из 54 случаев), *бабушка* (30 из 49), *братец* (28 из 31), *мачеха* 28, *невеста* 27, *сестрица* 25. Описанию терминов родства посвящена третья глава данного исследования. Отметим здесь только, что в топ-100 вошли лексемы, представляющие все виды отношений в нуклеарной семье: между родителями и детьми (*мать, отец – сын, дочь, дочка*), между детьми (*брат, братец – сестра, сестрица*), а также между супругами (*муж – жена, невеста*). Из этого следует, что все эти связи являются крайне значимыми для фольклорной языковой картины мира курских сказок. Взаимоотношения с участием прочих родственников представлены в ней в значительно меньшей степени (см. Глава III).

Еще одну четко выраженную подгруппу образуют наименования социального положения и рода занятий: *царь* 156, *барин* 74, *поп* 73, *солдат* 50, *охотник* 38, *король* 32, *служивый* 32, *дядька* 31, *царевна* 30. Сюда же было решено отнести композит *Иван-царевич* 140.

Состав данной подгруппы обусловлен сюжетной спецификой сказок. В первую очередь здесь выделяется лексема *царь* 156 – самое частотное имя существительное во всем словнике. Царь зачастую находится в центре сказочного повествования, выступает активным субъектом действия, однако, несмотря на это, сказать о нем что-то еще довольно затруднительно. Царь в курских сказках обезличен, он представляет скорее обобщенный образ наделенной властью фигуры, чем индивидуальную личность. Не называется территория, которой он владеет, ни даже имя. Исключение составляет лишь одна сказка.

У царя Додона есть дочь, очень красивая, зовут ее Елена (ЛК IV, с. 40).

Приведенные наблюдения и выводы характерны для курских сказок в целом [Ковалев 2024₂].

Царь редко получает какую-либо прямую характеристику: *царь дорогой, водяной, морской*. Два последних примера отсылают к общефольклорным и мифологическим мотивам. Чаще же о фигуре царя можно судить по глаголам и

предикативным сказуемым: *царь обрадовался, благодарил, похвалил, был очень рад; царю было жалко, очень понравилось, стало злобно.*

В топ-100 вошел и аналог титула царя – *король* 32. В курских сказках пара *король – королева* в целом не востребована. Все случаи употребления слова *король* встречаются в текстах всего двух сказок. Положение данных пар титулов нестабильно. Зафиксированы примеры их смешения и случаи вытеснения одного титула другим по ходу текста.

*Встает **царь** и кричит: «Выпьем за здоровье дворецкого» <...>. Схватили гости дворецкого и казнили сразу. А **король** назвал охотника своим зятем...* (ЛК IV, с. 36);

*А **царица** ждала, ждала и разослала во все концы стражу **короля** встречать* (ЛК IV, с. 38).

Из прочих наименований представителей царской семьи в топ-100 вошла лексема *царевна* 30, а также *царевич*, однако не в качестве самостоятельной лексемы, а в составе композита *Иван-царевич* 140, незначительно уступающего *царю* 156 в показателе частотности. Композит *Иван-царевич* можно назвать жанровым маркером. Это традиционный персонаж русских народных сказок, бытующих в том числе на территории Курской области. Композит был зафиксирован в трех из четырех собраний (ЛК I – 127 с/у, ЛК II – 10, ЛК III – 3) в текстах шести сказок.

В топ-100 вошли также и другие антропонимы, однако в отличие от *Ивана-царевича*, они значительно менее частотны и встречаются в меньшем количестве сказок (точное число указано в скобках). В первую очередь, это варианты имени *Иван* – *Ивашечка* 32 (в 2 сказках) и *Ваня* 29 (3). Отметим, что имя *Иван* является довольно вариативным в языке курских сказок. В словнике были зафиксированы лексемы *Иван* 15, *Иван-королевич* 15, *Иванушка* 8, *Ванюша* 5, *Ванечка* 3, *Иванушка-братец* 3, *Ванюшка* 2, *Ваня-царевич* 1, *Иванович* 1.

Нетипичны антропонимы *Шамрайк* 31 (1) и *Климка* 25 (1), что позволяет говорить об их возможной территориальной специфике. Также в курских текстах зафиксировано имя *Марк*, представленное формой *Марко* 33 (1). «Здесь можно

обнаружить влияние украинского языка, границы бытования которого соприкасаются с Курской губернией» [Праведников 2011з: 287].

В число высокочастотных женских имен вошли типичные для сказочной русской традиции лексемы *Настечка* 27 (1) и *Аленушка* 26 (2).

Как и лексема *царь*, лексема *барин* 74 называет представителя высшего сословия. Во многом их синтагматические связи похожи: барин также является активным субъектом действия, слово сочетается в тексте с глаголами, прямо или косвенно выражающими приказ (*приказывает, заставляет, посылает, велит, говорит, просит*). Интересно, что распространенным в курских сказках оказалось сочетание лексемы *барин* с глаголами, обозначающими процесс езды.

Ехал барин на тройке бурых (ЛК I, с. 18).

На ту пору ехал по полю барин... (ЛК II, с. 10).

Едет барин шляхом и догоняет цыгана... (ЛК IV, с. 16).

Случилась барину нужда лесным путем проезжать (ЛК II, с. 31).

В это время ехал барин мимо реки... (ЛК IV, с. 23).

Вероятнее всего, такая особенность объясняется повторением сюжетных элементов в структуре сказок, бытующих на одной территории.

В подгруппу, объединяющую наименования социального положения и рода занятий, вошли статусы религиозной сферы *поп* 73 и *батюшка* в 10 из 49 случаев. Оба варианта признаются словарями разговорными. Заметим, что приводимый в них нейтральный аналог *священник* в курских сказках не зафиксирован. Анализ показывает, что вариант *батюшка* в 9 из 10 случаев используется в речи персонажей и, очевидно, выражает уважительное отношение к представителю церкви. Лексема *поп* почти всегда используется в повествовании рассказчика (в 64 из 73 раз).

К сфере службы были отнесены слова *солдат* 50 и *служивый* 32. Если лексема *солдат* обозначает довольно распространенного персонажа курских сказок (зафиксирована в восьми текстах), то частотность лексемы *служивый* обусловлена сюжетом одного текста (ЛК III, № 17). Описания службы или военных событий в курских сказках встречаются крайне редко, в большинстве

случаев наименования *солдат* и *служивый* фиксируются в бытовых или волшебных сюжетах, где роль их статуса ослабевает или вовсе не прослеживается. Также к статусам службы мы отнесли лексему *дядька* 31 – слугу царя, приставленного к царевичу (зафиксирована в двух текстах).

Последнюю крупную подгруппу слов среди имен социофактов образуют наименования по возрасту и полу. Лица мужского пола: *мужик* 142, *старик* 73, *мужичок* 38, *дед* 37, *юноша* 33; лица женского пола: *старуха* 44, *девочка* 32, *девка* 29, *баба* 25. Также сюда следует отнести слово *дети* (в 20 из 54 случаев), когда в его семантике указание на возраст преобладает над значением родства.

Чем может объясняться высокая частотность данной подгруппы слов? Названные существительные чаще всего используются в текстах для обозначения некоего значимого для повествования персонажа (персонажей) или для обозначения совокупности людей, толпы.

Жил мужик, у него была плохая жена (ЛК III, с. 44).

Жили старик со старухой смирно-пресмирно... (ЛК IV, с. 13).

Бабы пришли за водою и отбили яму хвост (ЛК I, с. 16);

Для всех приведенных примеров характерно отсутствие конкретных описаний. Большой акцент в сказках делается на событиях, поэтому сказители ограничиваются лишь краткой информацией (указанием возраста и пола), опуская имена, семейные связи, род деятельности и прочие возможные характеристики. Во многом неопределенность и малое количество вводных данных типичны для сказочных текстов в целом (вспомним, например, фиксируемую в курских сказках показательную формулу *в некотором царстве, в некотором государстве*).

В случаях выбора наименования отмечается преобладание разговорных или просторечных вариантов над нейтральными, где-то в большей степени, где-то в меньшей: *мужчина* 12 – *мужик* 142, *женщина* 17 – *баба* 25, *девушка* 24 – *девка* 29. Подобные результаты вполне закономерны и определяются средой и эпохой бытования сказок.

К подгруппе прочих наименований персонажей мы сочли возможным отнести лексемы *хозяин* 56 и *дурак* 43.

Вторую значительную группу в топ-100 образуют имена натурфактов (29%). Можно выделить наименования представителей фауны (*конь* 95, *волк* 90, *коза* 74, *лошадь* 62, *медведь* 56, *Змей / змей* 49, *охота* 32, *зверь* 31, *уж* 29, *лиса* 28, *птица* 27, *вол* 26, *коточек* 26, *гусь* 25, *собака* 25), флоры (*дуб* 55, *хлеб* 14), частей тела человека (*голова* 71, *глаз* 46, *рука* 42, *нога* 40), элементов ландшафта (*лес* 76, *земля* 43, *море* 42, *поле* 41, *речка* 31) и природных стихий (*вода* 74, *огонь* 45).

Следует отметить, что слово *вода* 74 в значении 'питье' сближается с группой артефактной лексики. Однако, на наш взгляд, оно все же не выражает значение созданного руками человека предмета, а потому в большей мере относится к натурфактам. По тому же принципу в данную группу было включено слово *огонь* 45, вне зависимости от способа и места его разведения.

Наименования животных занимают значимое место в фольклорной языковой картине мира, отраженной в русских народных сказках. Курские тексты не стали исключением, в них зоонимы фиксируются как в сказках о животных, так и в бытовых и волшебных сюжетах. Подробный анализ кластера «Животные» осуществляется в третьей главе исследования. Отметим здесь лишь общие наблюдения.

В топ-100 вошли наименования млекопитающих, в составе которых можно выделить две категории: дикие животные (*волк* 90, *медведь* 56, *лиса* 28) и домашние животные (*конь* 95, *коза* 74, *лошадь* 62, *охота* 32, *вол* 26, *коточек* 26, *собака* 25).

Из орнитонимов на границе топ-100 фиксируем общее понятие *птица* 27 и конкретное наименование *гусь* 25. Стоит сказать, что в целом орнитонимы в курских сказках представлены довольно обширным набором лексем, однако все они обладают низкой частотностью и не входят в топ-100: *ворона* 12, *утка* 11, *цыпленок* 7, *ястреб* 7, *кукушка* 6, *сокол* 5, *ласточка* 3, *воробей* 1 и др.

Также в топ-100 вошли серпентонимы *уж* 29, что обусловлено сюжетной спецификой двух сказок (ЛК III, № 11 и ЛК IV, № 18), и *Змей / змей* 49, называющий типический сказочный образ противопоставленного герою злодея.

Наименования флоры в курских текстах представлены малочисленной группой низкочастотных лексем. Единственным исключением, вошедшим в топ-100, является слово *дуб* 55. В курских сказках дуб представлен двояко. С одной стороны, это обыкновенное дерево, вычленяемое из лесного массива.

Вот в этом лесу <...> стоит суковатый дуб... (ЛК IV, с. 14).

Видел я ее в двадцати сажнях от дома под дубом (ЛК IV, с. 27).

С другой стороны, дуб выделяется своими размерами и служит мерилom силы, ловкости, выносливости сказочных персонажей.

Побежал медведь в лес за огlobелькой, с корнем дуб своротил ещё толще (ЛК III, с. 12).

Пошел тогда мужик в лес, схватил самых здоровых дубов и сделал себе цеп (ЛК IV, с. 30).

Вот идет он, смотрит стоит высокий, высокий дуб <...> ...лезет прямо на дуб (ЛК IV, 31).

В подгруппу наименований элементов ландшафта вошли лексемы *лес* 76, *вода* 74, *земля* 43, *море* 42, *поле* 41, *речка* 31, занимающие видное место не только в сказках, но и в народных песнях и былинах [Климас 2005₂: 195–196], что позволяет говорить об их устойчивости и особой значимости для русской фольклорной языковой картины мира.

Географически Курская область значительно удалена от морей, поэтому можно предположить, что высокая частотность существительного *море* 42 обусловлена влиянием жанровой традиции. Интересно также, что в курских текстах в паре *река* 18 – *речка* 31 предпочтение отдается второму варианту, что может объясняться общей тенденцией народно-поэтического языка к использованию диминутивов.

Анализ показывает, что перечисленные элементы ландшафта в курских текстах выступают маркерами сложившихся сказочных традиций. Во-первых, они сочетаются с постоянными эпитетами, характерными для всех русских сказок: *лес* – *темный* 4; *вода* – *живящая* 2, *живая* 2; *земля* – *сырая* 5, *русская* 1; *море* – *синее* 2 / *сине* 1; *поле* – *чистое* 4 / *чисто* 2, *широкое* 1; *речка* – *молочная*, *кисельные*

берега 3. Прочие определения встречаются редко. К уникальным отличительным случаям отнесем эпитет *говорящий* 2 – о воде, дающий способность говорить (ЛК II, с. 25), эпитет *огненный* 1 как характеристику моря (ЛК II, с. 15) и определение *турецкие* 1 в сочетании *турецкие земли* со значением ‘дальние’ (ЛК I, с. 22).

Во-вторых, наименования натурфактов нередко входят в состав типичных сказочных конструкций. Например, называя обширные, бескрайние пространства или удаленные места.

*...Жила она от него за **тридевять земель**, в тридесятом царстве* (ЛК II, с. 17).

*И пошла слава про храбрость ежову за **сине море**, за **темный лес*** (ЛК IV, с. 24).

*В некотором царстве, не в нашем государстве, за **синими морями**, за **темными лесами**, в богатом городе жил воевода* (ЛК IV, с. 38).

Зафиксированы и частные случаи, характерные для отдельных лексем:

1. Описание положения в пространстве: *Стоит избушка к **лесу** передом, а к им задом* (ЛК I, с. 8); *Стань ты по-старому, к **лесу** задом, ко мне передом* (ЛК II, с. 14).

2. Описание способа волшебного превращения: *Она **об землю ударилась**, сделалась царицей* (ЛК III, с. 18); *Кот **ударился лбом о землю** и сделался львом и пустились в драку* (ЛК IV, с. 40).

3. Описание мощи: *...**Конь бежит, земля дрожит**...* (ЛК II, с. 19); *...**Сам змей пятиглавый летит, земля дрожит*** (ЛК IV, с. 35).

Общим является распространенный сюжет об избавлении от неуютного человека. В таком случае названия элементов ландшафта сочетаются с глаголами движения или действий, приводящих к движению.

*Да не **вози** к родным в теплую хату, а **во чисто поле** на трескун-мороз!* (ЛК II, с. 7).

*...Колдунья уж дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и **бросила в море*** (ЛК II, с. 22).

*Пришли мужики и **спихнули барина в воду*** (ЛК IV, с. 23).

Жаль стало мужику детей и решил он их не убивать, а завезти далеко в лес (ЛК IV, 33).

Последнюю подгруппу имен натурфактов в топ-100 составляет соматическая лексика: *голова* 71, *глаз* 46, *рука* 42, *нога* 40. Приведенные примеры являются абсолютными лидерами по показателю частотности среди прочих соматизмов (ближайшая к ним лексема – *шея* 15).

Наиболее частотным является соматизм *голова* 71. В курских сказках прослеживаются явные закономерности его употребления. Прежде всего, крайне распространено использование лексем *голова* в оборотах со значением ‘лишить жизни’. Этот процесс выражается большим количеством глаголов: *отрубать* / *отрубить* 5, *ссечь* 3, *рубить* 2, *обрубить* 2, *оторвать* 1, *оторваться* 1, *отпороть* 1, *отрезать* 1, *отсечь* 1, *поотрубить* 1, *поотсечь* 1, *порубить* 1, *сечь* 1, *снять* 1, *сорвать* 1, *срубить* 1. Также выделяются группы глаголов, называющих повреждение головы: *разбить* 3, *бить* 1, *пробить* 1; движения, положения: *поднять* 3, *высунуть* 2, *закинуть* 1, *положить* 1, *спускать* 1; *замотать* 1 (головой).

Голова входит в распространенные в языке устойчивые обороты: *взбрести в голову* 2, *не идти из головы* 1, *сложить голову* 1, *схватиться за голову* 1, менее устойчивое *перекувыркнуться через голову* 1. Атрибутивные связи слова *голова* крайне ограничены. Отметим лишь сочетание *умные головы* 1 в значении ‘глупые’ (ЛК IV, с. 19).

Соматизм *глаз* также получает слабую качественную характеристику. В курских сказках зафиксировано лишь два определения – *левый* 2 и *лупяной* 4 (*Коза-лупяные глаза*). Большой интерес лексема *глаз* представляет с точки зрения фразеологии. Она входит в состав следующих устойчивых оборотов: *куда глаза глядят* 3, *чтоб глаза не видали* 2, *глаза горят* 1, *загорелись глаза* 1, *не сводить глаз* 1, *глаза проглядеть* 1, *глаз не отвести* 1, *окинуть глазами* 1, а также *хоть в глаз поколи* 1, выступающий вариантом фразеологизма *хоть глаз выколи*.

Если голова – важнейшая часть человеческого тела, а зрение – главный способ познания человеком окружающей действительности, то частотность

существительных *рука* 42 и *нога* 40 связана, вероятно, с тем, что конечности выступают основой большей части человеческих действий и взаимодействий. Исследователи отмечают, что они являются «безоговорочно общефольклорными лексемами», частотными в текстах разных жанров [Климас 2005₂].

Группа артефактной лексики (17%) представлена в топ-100 наиболее разнообразным составом тематических групп. Сюда вошли наименования общих локаций (*дорога* 44, *город* 36), конкретных построек (*дом* 58, *избушка* 28), элементов жилища (*дверь* 54, *печка* 26), территорий возле жилища (*двор* 45, *сад* 30), валюты и ценных материалов (*деньги* 50, *золото* 30, *рубль* 25), инвентаря (*топор* 31, *мешок* 27), еды и питья (*хлеб* 18, *молоко* 25, *мясо* 14), транспорта (*корабль* 27).

Дом в сказках – это родное, свое пространство, ассоциирующееся с родителями и символизирующее «порядок, уют очага, Вселенную в миниатюре»; герои, где бы они ни были, всегда находятся «под защитой родного дома» [Шаколо 2020]. Дом противопоставляется внешнему, чужому миру, в него герои стремятся вернуться, чтобы укрыться от угроз извне.

«Настечка вылезла из-под веток, поглядела-поглядела: гусей не видно – и с Ивашечкою побежала домой. Дом уже ближе» (ЛК III, с. 14).

Слово *дом* 58 активно сочетается с глаголами движения: приблизиться к границе – *подъехать* 3, *прикатиться* 2, *ползти* 1 (к дому); *становиться* 1 (перед д.); *дойти* 1 (до д.); войти на территорию – *пойти* 3, *прийти* 2, *валиться* 1, *войти* 1, *ворваться* 1, *входить* 1, *зайти* 1, *заходить* 1, *попасть* 1, *приходить* 1 (в д.); покинуть территорию – *выйти* 1, *пойти* 1, *уйти* 1 (из д.). Редко сочетается с относительными прилагательными: *трехэтажный*, *золотой*, *медный*, *серебряный*.

В отличие от слова *изба* 12, называющего жилье человека, диминутив *избушка* 28 используется для обозначения построек, не предназначенных для проживания. В сказках фиксируем распространенный образ живой избушки, как правило, *на курьих ножках* 10, которая пустует в лесу (ЛК II, № 97) или выступает домом бабы-яги (ЛК II, № 12), что делает данное пространство чужим,

противопоставленным родному дому. Взаимодействие с избушкой осуществляется с применением типичной сказочной формулы.

«Избушка, избушка! Стань ко мне передом, а к лесу задом». Избушка перевернулась (ЛК I, с. 8)

Уникальным представляется описание: *избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином накрыта* (ЛК II, с. 8). Реже *избушка* называет жилище животных (ЛК III, № 1, 4).

Слово *двор* 45 характеризуется широкой сочетаемостью, во многом совпадающей и даже превосходящей синтагматику слова *дом*. Оно крайне активно сочетается с глаголами (в большинстве случаев со значением движения): приблизиться к границе – *подъехать* 2 (под двор); *подгонять* 4, *побежать* 1, *полететь* 1, *прибежать* 1, *пригонять* 1 (ко д.); войти на территорию – *выйти* 3, *выехать* 2, *выходить* 2, *пойти* 2, *войти* 1, *выбежать* 1, *вынести* 1, *забраться* 1, *побежать* 1, *полететь* 1, *прийти* 1 (на д.); покинуть территорию – *бежать* 1, *выбежать* 1, *выходить* 1, *прогнать* 1, *согнать* 1, *ходить* 1 (со д.). Во дворе можно *хозяйничать* 1, *убирать* 1, по дворам можно *ходить* и *побираться* 1. Определяется двор через указание на отношение к кому-либо: *княжский* 3, *соседский* 2, *царский* 2, *птичий* 1, *свой* 1.

Как и дом, двор выступает частью оппозиции «свой / чужой»: периметр двора очерчивает безопасный мир, за границами которого подстерегают опасности

«...Будь умна, береги братца, не ходи со двора» (ЛК II, с. 12).

Дверь занимает пограничную зону между внутренним и внешним пространствами. Она выполняет функцию защиты от зла, представляет собой границу, останавливающую нежеланных гостей.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?» (ЛК II, с. 24).

...Смотрит, ползут ужьи видимо-невидимо. Мать кинулась, стала двери, окна закрывать (ЛК III, с. 21).

На последней ночи третьего года он слышит стук в дверь. Отворил. Входит старуха-смерть (ЛК IV, с. 12).

Пограничное положение в топ-100 занимает сердце крестьянского дома – *печка* 26. В большинстве случаев это место приготовления пищи, источник света или место для сна. Иногда *печка* (9 из 26) выступает в качестве персонажа. В таком случае к ней обращаются за помощью, просят защиты, что сопровождается сочетанием с именами социофактов и образованием композитов.

К счастью, на дороге печка. «Сударыня печка, спрячь меня!» (ЛК II, № 113);

Подбегает к печке: «Матушка-печка, скажи, не видала, куда гуси полетели» (ЛК III, № 6);

Подбежала к печке: «Матушка-печка, спрячь меня с Ивашечкой!» (ЛК III, № 6).

С одной стороны, слово *дорога* 44 в курских сказках называет реальный путь, по которому передвигаются персонажи: *дорога* дальняя, трудная; ехала, ехала, а *дорогу-то* и не знает; послал на двадцать пять *дорог* послов и т.п. Фиксируем здесь традиционный фольклорный элемент в виде выбора одной из нескольких дорог.

Шли, шли, видят столб и от него две дороги идут в разные стороны (ЛК IV, с. 34).

...В этот лес идут три дороги, перед которыми стоит с надписью столб... (ЛК IV, с. 38).

С другой стороны, дорога – это место встреч и находок. Такой оттенок значения в курских сказках реализуется даже чаще, чем обычный маршрут передвижения: *идет домой, а поп снова на дороге стоит; по дороге встречается старик; по дороге им встретился человек; посреди дороги встретился с дочерью царя; идет он по дороге и нагоняет еще двух мужиков; на дороге ему встретился солдат; лежит на дороге перо; смотрят, на дороге коровье копытце.*

Особый случай представляет сказка «Марко Богатый» (ЛК III, № 18), в которой дорога выступает в роли персонажа.

*Идёт дальше, видит **дорогу**. Она говорит: «Спроси, доколь меня лошади подковой будут бить»* (ЛК III, с. 39).

Город 36 является самым распространенным наименованием заселенных людьми территорий. Его частотность превышает показатели всех других обширных сказочных локаций: *царство 24, деревня 14, село 11, государство 8, страна 4, королевство 1*.

Уже отмечалось, что для русских сказок характерно малое количество конкретных вводных данных. В случае с городом в большинстве примеров фиксируем отсутствие наименований (в том числе сказочных) или описаний территориального положения. Лишь в двух из одиннадцати текстов встречаются реально существующие города.

*К нему приехал архиерей **из города Курска**...* (ЛК IV, с. 9).

*Зачем пришел, добрый мужичок, **в город Москву**?* (ЛК IV, с. 27).

В целом же о городе в курских текстах сохранилось представление как о некоем богатом центре, месте торговых отношений.

*Жил **купец** у **города**...* (ЛК I, с. 6).

*...Лучше **отправиться в город** и начать **торговать*** (ЛК IV, с. 12).

*...Повез мужик коровью кожу **в город продавать*** (ЛК IV, с. 21).

*...**В богатом городе** жил воевода* (ЛК IV, с. 38).

К сфере торгово-экономических отношений относятся лексемы *деньги 50* и *золото 30*. Традиционно для сказок количество валюты измеряется большими, гиперболизированными объемами, что, вероятно, является выражением мечты простого народа о жизни в достатке: *полон мешок денег 4 / денег – хоть мешок накладывай 1, пачка денег 2, много денег 2, куча денег 1, ящик денег 1; бочка золота 2, ящик золота 1, мешок золота из тысячи воловьих шкур 1, берите золота сколько донесете 1*.

Несколько отличается слово *рубль 25*. Во-первых, оно может обозначать обычные, реальные суммы (*продал кожу за **три рубля***), а во-вторых, количество измеряется не объемами предметов, а конкретными числительными: *сто рублей 8, двести рублей 2, пятьсот рублей 2, десять тысяч рублей 1, тысяча рублей 1*.

Отметим также, что нередко золото выступает ценным материалом, используемым для украшения одежды.

*...Он ей подарил **платье, шитое и серебром и золотом** (ЛК II, с. 7).*

*...Сидит девица красная, **вышивает ширинку серебром и золотом** (ЛК II, с. 14).*

*Стоит она вся **в золоте разодета** и карета золотая (ЛК III, с. 20).*

Однозначно определить, является ли золото в таком случае натурфактом или уже нет, довольно сложно. Поскольку оно явно претерпевает определенную обработку до и во время использования, мы сочли возможным считать его артефактом.

Среди наименований еды и питья в топ-100 вошли слова *молоко* 25, *хлеб* 18 и *мясо* 14. Следует отметить, что иногда вопрос их отнесенности к группе артефактов довольно спорный. Например, слово *молоко*, с одной стороны, по семантике находится ближе к группе соматической лексики (*кровь, пот, слеза*), чем, например, к другим напиткам (*вино, водка, чай*), с другой стороны, молоко, в отличие от соматизмов, употребляется человеком в пищу. В одних случаях принадлежность к артефактам более явная (сочетаемость с глаголами *кипятить, есть, пить, надоить* и др.), в других – менее (молоко диких животных). Сравним:

*«**Съешь** моего простого киселика с молоком, скажу» (ЛК II, с. 12);*

*«Ничто меня не поднимет, – сказала она, – кроме **волчьего молока**; надо мне им **умыться и окатиться**» (ЛК II, с. 20).*

Мы относили подобные случаи к артефактам, если обозначаемые предметы добывались и использовались человеком.

Самую малочисленную группу в топ-100 составили имена ментифактов (9%). В первую очередь, в их составе выделяются слова, называющие временные промежутки: *день* 70, *ночь* 40, *год* 26. Их семантика и синтагматические связи похожи или совпадают: они активно сочетаются с местоимением *другой*, с количественными и порядковыми числительными, нередко выражая свойственные сказкам троекратные повторения.

Также они входят в состав ряда сказочных оборотов и устойчивых сочетаний, большинство из которых гиперболизированы: *в один прекрасный день; идти день / неделю / год; расти не по дням, а по часам / не по дням, а по минутам; спать N дней и N ночей* (N – какое-либо количество); *день и ночь* (делать что-либо); *годам счета нет; служить тридцать три года* и др.

Интересно, что в курских сказках отчетливо фиксируется момент наступления ночи, тогда как наступление дня обозначается вскользь. Возможно, это объясняется сохранившейся в языке привычкой человека внимательно относиться к наступлению темноты, представлениями о ночи как об опасном, мистическом времени суток.

Приходит ночь. *Вот во время самой полночи съехались нечистья силы...* (ЛК I, с. 24).

Пришла ночь *длинная, жуткая* (ЛК II, с. 8).

В дороге его ночь застала, темная-темная... (ЛК IV, с. 21).

Новый день отмечается лишь как свершившийся факт для определения порядка и логики хода событий.

На другой день *стал служить* (ЛК IV, с. 10).

На следующий день *жена поехала в поле рожь косить* (ЛК IV, с. 17).

Из имен религиозных ментифактов в топ-100 вошло одно существительное – *Бог / бог* 54. Отношения с богом проявляются в курских сказках в двух направлениях: *человек → бог* и *бог → человек*. В первом случае отношения выражаются глаголами *молиться* 3, *помолиться* 4 (богу); *вспомнить* 1, *молить* 1, *(не) прогневить* 1 (б.); *надеяться* 1 (на б.); *не согрешить* 1 (перед б.). Ключевым здесь становится, во-первых, компенсаторная функция религии, проявляющаяся в ощущении защиты, в возможности обратиться к богу с просьбой, а во-вторых, регулятивная функция, заключающаяся в страхе перед богом.

В отношениях *бог → человек* проявляется награждающая функция: *бог дает* 7 и *посылает* 2 что-либо, *за труды награждает* 1, *сажает на трон* 1. Вторая функция – защитная: *бог (не) поберег* 1, *хранит* 1, *(не) привел взрасти под надзором отца-матери* 1.

Отметим, что в сказке «Как мужик и баба разбогатеть хотели» (ЛК, № 20) разводятся понятия *небесного бога* и *бога земного*, под которым понимается царь. В этом же тексте фиксируем отсылку к библейскому сюжету из Нового Завета о предательстве Иуды.

Да он [царь] стоит всего тридцать сребренников, потому что ведь бога-то продали небесного за тридцать сребренников, а ведь земной бог дороже не может быть... (ЛК IV, с. 29).

Также в группу имен ментифактов вошли существительные, обозначающие пространство (*сторона 29, свет 28*) и созданные человеком абстрактные понятия (*дело 36, правда 28*). Они находятся на границе топ-100.

2.2.2. Глаголы

Как и в случае с именами существительными, для анализа глаголов мы отобрали топ-100 частотных лексем (см. Приложение № 3). В ходе описания они были разделены на несколько лексико-семантических групп (см. Таблица № 4), основанием для выделения которых послужил толковый словарь русских глаголов под редакцией Л.Г. Бабенко [Бабенко].

Если мы обратимся к распределению выделенных групп по количеству словоупотреблений, то увидим, что чаще всего в сказочном мегатексте фиксируются глаголы движения (24%), речевой деятельности и звучания (19%), бытия и существования (17%). Самыми малочисленными оказались глаголы интеллектуальной деятельности (3%) и эмоционального состояния (3%), что позволяет судить об их меньшей степени значимости.

Стоит сказать, что, несмотря на частотность и разнообразие состава, с точки зрения лексического анализа фольклорных текстов процессуальный мир не столь информативен, как предметный или признаковый. В него входят широко распространенные в языке глаголы с общей нейтральной семантикой, нередко называющие прямые действия персонажей или выступающие в качестве логических переходов или связей между сюжетными событиями.

Таблица № 4. Классификация топ-100 глаголов

1.	Глаголы движения – 18% (1470 с/у – 24%)	<i>пойти</i> 319, <i>идти</i> 298, <i>прийти</i> 182, <i>поехать</i> 74, <i>бежать</i> 72, <i>ехать</i> 71, <i>приходить</i> 69, <i>ходить</i> 62, <i>приехать</i> 51, <i>выйти</i> 45, <i>уйти</i> 42, <i>побежать</i> 37, <i>подойти</i> 31, <i>везти</i> 30, <i>лететь</i> 26, <i>полететь</i> 21, <i>прибежать</i> 20, <i>уехать</i> 20
2.	Глаголы речевой деятельности и звучания – 12% (1146 с/у – 19%)	<i>говорить</i> 495, <i>сказать</i> 235, <i>спрашивать</i> 82, <i>отвечать</i> 61, <i>звать</i> 48, <i>просить</i> 43, <i>рассказать</i> 38, <i>спросить</i> 36, <i>кричать</i> 35, <i>закричать</i> 26, <i>петь</i> 26, <i>согласиться</i> 21
3.	Глаголы бытия и существования – 10% (997 с/у – 17%)	<i>быть</i> 345, <i>стать</i> 227, <i>жить</i> 105, <i>сидеть</i> 72, <i>остаться</i> 65, <i>стоять</i> 64, <i>начать</i> 45, <i>есть</i> ('существует') 29, <i>встать</i> 23, <i>умереть</i> 22
4.	Глаголы помещения – 8% (319 с/у – 5%)	<i>сесть</i> 88, <i>лечь</i> 43, <i>посадить</i> 38, <i>лежать</i> 37, <i>положить</i> 34, <i>стать</i> 30, <i>попасть</i> 26, <i>поставить</i> 23
5.	Глаголы восприятия – 8% (313 с/у – 5%)	<i>видеть</i> 117, <i>увидеть</i> 37, <i>видать</i> 34, <i>поглядеть</i> 30, <i>смотреть</i> 25, <i>глядеть</i> 24, <i>посмотреть</i> 23, <i>читать</i> 23
6.	Глаголы владения – 6% (465 с/у – 8%)	<i>взять</i> 166, <i>дать</i> 124, <i>давать</i> 61, <i>отдать</i> 54, <i>брать</i> 35, <i>украсть</i> 25
7.	Глаголы интеллектуальной деятельности – 5% (198 с/у – 3%)	<i>знать</i> 70, <i>думать</i> 49, <i>решить</i> 30, <i>подумать</i> 26, <i>узнать</i> 23
8.	Глаголы эмоционального состояния – 4% (147 с/у – 3%)	<i>плакать</i> 68, <i>обрадоваться</i> 30, <i>заплакать</i> 28, <i>испугаться</i> 21
	Другие глаголы (957 с/у – 16%)	<i>хотеть</i> 73, <i>спать</i> 68, <i>принести</i> 60, <i>сделать</i> 59, <i>бить</i> 58, <i>есть</i> ('принимать пищу') 58, <i>пустить</i> 57, <i>пить</i> 51, <i>съесть</i> 51, <i>делать</i> 45, <i>убить</i> 38, <i>купить</i> 33, <i>схватить</i> 33, <i>велеть</i> 31, <i>мочь</i> 27, <i>приказать</i> 27, <i>выгнать</i> 26, <i>жениться</i> 26, <i>посылать</i> 26, <i>бросить</i> 25, <i>сделаться</i> 24, <i>резать</i> 23, <i>зарезать</i> 23, <i>нести</i> 23, <i>поднять</i> 23, <i>собрать</i> 21, <i>выпустить</i> 20, <i>искать</i> 20, <i>поймать</i> 20, <i>снять</i> 20

1. *Глаголы движения* образуют самую обширную группу. Двенадцать из восемнадцати глаголов вошли в состав ядра (см. Приложение № 2), при этом три из них занимают позиции в топ-50 – *пойти* 319/17, *идти* 298/18, *прийти* 182/29.

Ожидаемо, что большую часть данной группы составляют глаголы пешего передвижения как самого доступного способа: ходьба – *пойти* 319, *идти* 298, *прийти* 182, *приходить* 69, *ходить* 62, *выйти* 45, *уйти* 42, *подойти* 31; бег – *бежать* 72, *побежать* 37, *прибежать* 20. Глаголы езды находятся на втором месте: *поехать* 74, *ехать* 71, *приехать* 51, *везти* 30, *ухать* 20.

Глаголы *лететь* 26 и *полететь* 21 обладают сравнительно низкой частотностью. В большинстве случаев они называют буквальный полет (например, птиц или крылатых существ – змея, ангела), но также иногда используются для обозначения быстрой езды.

Сел на коня, подбоченился и полетел, что твой сокол... (ЛК IV, с. 19).

Вдруг он видит летит тройка, поднимая пыль столбом (ЛК IV, с. 20).

2. *Глаголы речевой деятельности и звучания.* Таблица наглядно демонстрирует, что частотные показатели видовой пары *говорить* 495 – *сказать* 235 значительно превосходят показатели не только других глаголов речевой деятельности, но и почти всех глаголов прочих групп. Это нейтральные наименования основного способа человеческого взаимодействия – процесса коммуникации, который, очевидно, занимает главное место в процессуальном мире курских сказок. *Говорить* является самым частотным глаголом в словнике, уже отмечалось, что он входит в топ-10 среди всех слов, занимая в нем десятую позицию.

Из глаголов речи в топ-100 вошла смысловая пара *спрашивать* 82, *спросить* 36 – *отвечать* 61, а также глаголы *звать* 48 и *рассказать* 38. Все они обладают нейтральной семантикой и характеризуются широкой сочетаемостью.

Большой интерес с точки зрения лексического анализа представляют глаголы звучания. Глаголы *кричать* 35 и *закричать* 26 используются преимущественно в значении ‘громко говорить, громко сообщать что-л.’, сближаясь тем самым с глаголами речи. Они употребляются в конструкциях ввода прямой речи.

Подумал князь и закричал: «Поймите мне белую уточку!» (ЛК II, с. 25).

Они закричали: «Волк! Волк!» (ЛК III, с. 13).

*А поп высунул голову из окна и **кричит**: «Ну, Марьюшка, как дела?»* (ЛК IV, с 8).

Звучание, выражаемое значением ‘издавать крик’, реализуется лишь в 6 случаях из 61 ($\approx 10\%$). Также фиксируем один случай употребления глагола *кричать* в значении ‘громко плакать’.

*Только на берегу **кричали, плакали** нянюшки, мамушки...* (ЛК 2, с. 18).

Петь в курских сказках могут как люди, так и птицы. В человеческом исполнении пение сближается с глаголами речи.

*...В саду на веточках **птички поют**...* (ЛК II, с. 27); *Она вырыла орех и посадила его у мужа. В нём до сих пор **поют соловьи и кукушки*** (ЛК III, с. 21).

*Хаврошечка **поет**: «Спи, глазок, спи, другой!»* (ЛК II, с. 9); *Стал Митряй перед христианами, а молитв и не знает <...> Тогда решил он **петь** про все, что в голову взбредет, и запел: «Дрова... Осиновые-е...»* (ЛК III, с. 10).

Второй пример примечателен сближением в контексте с существительным *молитва*. В остальных случаях в курских сказках поются песни (6 случаев).

3. *Глаголы бытия и существования*. В первую очередь частотностью выделяются распространенные в языке глаголы *быть* 345 и *стать* 227. Они входят в топ-50 среди всех слов словника и занимают в нем пятнадцатую и двадцать четвертую позиции соответственно.

Высокочастотным показателем, превосходящим прочие бытийные глаголы, обладает глагол существования *жить* 105. Во многом это обусловлено его использованием в составе традиционных жанровых инициальных формул ввода персонажей. Они фиксируются в текстах всех собраний.

***Жили** два брата родные* (ЛК I, с. 24);

***Жили** старичок со старушкою* (ЛК II, с. 12);

***Жили** медведь, волк, лиса и зайчик* (ЛК III, с. 9);

*В одной деревне **жил** мужик Митряй* (ЛК IV, с. 10).

Отметим, что хоть и реже, но глагол *жить* используется также в традиционной финальной формуле.

...Иван-царевич стал жить поживать, добра наживать (ЛК I, с. 15).

А он стал жить, поживать да добра наживать (ЛК I, с. 18).

После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и попрежнему вместе и пили и ели (ЛК II, с. 24).

Несмотря на высокую частотность, глагол *жить* получает небольшое количество характеристик. В широком смысле все их можно разделить на две группы: положительные – *жить хорошо* 4, *богато* 1, *в добре и согласии* 1, *лучше не надо* 1, *припеваючи* 1, *смирно-пресмирно* 1; отрицательные – *жить бедно* 3, *незаконно* 2, *несчастливо* 1, *в бедности* 1, *хуже и хуже* 1.

Глагол *жить* 105 используется в курских сказках почти в пять раз чаще, чем противопоставленный по смыслу глагол *умереть* 22 / *умирать* 3. Мы провели сопоставление на материале всего словника с учетом всех частей речи, которое подтвердило данное наблюдение (в подсчетах учитывались только однокоренные слова с прямой связью в семантике):

Жизнь 188: *жить* 105, *жить-быть* 15, *жить-поживать* 12, *прожить* 9, *поживать* 5, *оживать* 3, *живящий* 2, *ожить* 2, *пожить* 2, *жить-проживать* 1, *зажить* 1, *отжить* 1 (ожить); *жизнь* 10, *жизнь* 4; *живой* 16.

Смерть 52: *умереть* 22, *помереть* 5, *умирать* 3, *помирать* 1, *умертвить* 1; *смерть* 6, *мертвец* 5, *мертвечина* 1, *полусмерть* 1, *смертельное* 1 (одежда), *старуха-смерть* 1; *мертвый* 3, *смертельный* 1; *насмерть* 1.

4. *Глаголы помещения.* Это распространенные в языке нейтральные глаголы *сесть* 88, *лечь* 43, *посадить* 38, *лежать* 37, *положить* 34, *стать* 30, *попасть* 26, *поставить* 23.

5. *Глаголы восприятия.* Особенность группы заключается в том, что в нее вошли глаголы исключительно зрительного восприятия: *видеть* 117, *увидеть* 37, *видать* 34, *поглядеть* 30, *смотреть* 25, *глядеть* 24, *посмотреть* 23, *читать* 23. Зрение является основным способом получения информации об окружающей действительности, оно значительно превосходит обоняние и осязание,

представленные в текстах сказок единичными примерами. Несколько иначе дело обстоит со слуховым восприятием – оно передается обширным набором лексем, однако все они низкочастотны и не входят ни в ядро, ни в топ-100 глаголов: *слышать* 18, *слушать* 16, *услышать* 17, *слыхать* 10, *услыхать* 5, *вслушаться* 1, *вслыхать* 1, *послышаться* 1 и др.

Из необычных примеров отметим глагол *читать* 23. В курских сказках, созданных простым народом, передается уровень низкой образованности.

Ня вмею ни читать, ни писать, хочуть на царство сажать! (ЛК I, с. 18).

Интересно, что в подавляющем большинстве случаев чтение подразумевает исполнение молитв.

Ну, детки, – говорил он им, – умру я – приходите ко мне на могилу читать (ЛК II, с. 18).

И перед смертью ему наказывает, чтобы он по ней читал псалтырь и повез её один хоронить (ЛК III, с. 28).

...Жена дяди тайком их кормила за то, что они ей молитвы наизусть читали (ЛК IV, с. 32).

6. *Глаголы владения*, как и глаголы помещения, представлены наиболее распространенными в языке словами: *взять* 166, *дать* 124, *давать* 61, *отдать* 54, *брать* 35, *украсть* 25. Все, кроме последнего, входят в состав ядра лексикона.

7. *Глаголы интеллектуальной деятельности* представлены широкими по сочетаемости парами *знать* 70 – *узнать* 23, *думать* 49 – *подумать* 26, а также глаголом *решить* 30.

8. *Глаголы эмоционального состояния* являются особенно ценными для лексического анализа, поскольку, во-первых, их синтагматические связи более ограничены, а потому более конкретны и показательны, а во-вторых, они раскрывают внутренний мир человека, что особенно значимо в вопросах изучения фольклорной языковой картины мира.

Несмотря на малое количество единиц, мы можем говорить о преобладании негативных реакций над положительными: *плакать* 68, *заплакать* 28, *испугаться* 21 – *обрадоваться* 30.

Наиболее частотными оказались реакции *плакать* 68 и *заплакать* 28. С точки зрения причины вызова реакции плач является сложным процессом, связанным с разными чувствами и эмоциями. В большинстве случаев глаголы *плакать* и *заплакать* выражают состояние горя, нередко сочетаясь при этом с наречием *горько* или с глаголом *горевать*.

Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся нас... (ЛК II, с. 13).

Козленочек прибежал и горько-горько заплакал (ЛК II, с.).

Юноша, проснувшись, горько заплакал (ЛК IV, с. 39).

Еще одной причиной плача может выступать страх. Такие примеры фиксируются значительно реже.

Мать испугалась, заплакала (ЛК III, с. 21).

Увидала женщина охотника, испугалась, упала на землю, плачет... (ЛК IV, с. 35).

Плач может носить не только негативное значение. В некоторых случаях слезы – это проявление радости.

Тут они обнимались, целовались и плакали. Хорошо им стало жить... (ЛК II, с. 27).

...Батюшка-царь, на тебя-то весь народ радуется не нарадуется, плачет не наплачется. Уж очень он тебя хвалит не нахвалится... (ЛК IV, с. 28).

Говоря о радости, отметим, что это единственная вошедшая в топ-100 положительная эмоция. Она передается глаголом *обрадоваться* 30. Анализ его функционирования демонстрирует, что радость выступает основной и устойчивой характеристикой сказочного царя.

Царь обрадовался и тут начал пировать (ЛК I, с. 15).

Царь обрадовался; он и во сне не видал, чтоб принимать у себя Елену Прекрасную (ЛК II, с. 18).

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова (ЛК II, с. 22).

Все обозначенные эмоциональные реакции зачастую выступают в текстах в качестве стимулов, побуждающих персонажей к действию. Так, например, радость побуждает к другим положительным действиям, передающим ощущение счастья, благодарности и т.п.

Она обрадовалась, поблагодарила и домой пошла (ЛК III, с. 44).

Он обрадовался, расцеловал свою бабу (ЛК IV, с. 10).

Обрадовалась она и сразу его полюбила... (ЛК IV, с. 35).

Выражая горе, глаголы *плакать* и *заплакать* сочетаются с другими усиливающими состояние глаголами с отрицательной коннотацией.

Старик затужил, заплакал (ЛК II, с. 7).

Заплакала, заголосила, да поздно! (ЛК II, с. 8).

Что ты плачешь, что рыдаешь и мне правды не скажешь? (ЛК III, с. 31).

Чувство страха, передающееся глаголом *испугаться* 21, подталкивает к совершению активных внезапных действий.

...Муж испугался, всхлопотался: чем лечить? (ЛК II, с. 20).

Поп испугался, как всходил, взбегался, кричит... (ЛК IV, с. 8).

Испугалась она, схватила скорее курицу зарубила ее... (ЛК IV, с. 33).

Вне перечисленных групп оказались глаголы, общее значение которых передается малым лексическим разнообразием (группа «Другие глаголы» в Таблице № 4). Например, глаголы, называющие процессы употребления пищи и питья – *есть* 58, *пить* 51, *съесть* 51; глаголы со значением ‘убить, лишить жизни’ – *убить* 38, *зарезать* 23 и др. Многие из них обладают широким нейтральным значением (*сделать* 59, *делать* 45), мало отличающимся от нефольклорного языка.

Сон, обозначаемый глаголом *спать* 68, в большинстве случаев называет прямой отход ко сну, момент перехода повествования к новому дню. Но иногда

он наделяться рядом характерных жанровых особенностей. Во-первых, фиксируем долгий богатырский сон.

*Иван-царевич ссек яму голову и приехал домой, лег **спать** и **спал** шесть дней и шесть ночей* (ЛК I, с. 21).

***Спал** он сутки, другие, третьи* (ЛК IV, с. 39).

Во-вторых, глагол фигурирует в составе распространенной сказочной формулы.

*Яга его **накормила, напоила и спать уложила*** (ЛК IV, с. 39).

*Сестра очень обрадовалась, **напоила, накормила его и спать уложила*** (ЛК IV, с. 40).

Глагол *сделаться* 24 можно назвать маркером сказочного волшебства. В 20 случаях из 24 он сопряжен со свойственным сказкам превращением.

***Сделаюсь я зверем** и буду к нему бечь на устречу и уведу собак за девять земель!* (ЛК I, с. 9).

*Не пей, братец, а то **сделаешься жеребеночком*** (ЛК II, с. 21).

*Подъехали под двор Змеи, конь **сделался коточком...*** (ЛК III, с. 31).

С одной стороны, глагол *съесть* 51 в текстах курских сказок приобретает оттенок угрозы, сближается по смыслу с глаголами лишения жизни.

*«Батюшка отказал нас змею!» – «Ох, батюшка, **съест он вас!**»* (ЛК I, с. 8);

*...Живет здесь дед-колдун, **он тебя съест*** (ЛК IV, с.).

С другой стороны, процесс поедания предстает в качестве испытания. Такое значение ограничивается сказочным сюжетом о гусях-лебедях (ЛК II, № 113; ЛК III, № 6).

*«Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?» – «**Съешь** моего лесного яблока, скажу»* (ЛК II, с. 12).

Итак, результаты отбора и классификации, отраженные в Таблице № 4, говорят о том, что в процессуальном мире курских сказок на первый план выходят внешние действия персонажей – их частые перемещения, взаимодействия с окружающим миром и активная коммуникация друг с другом.

Внутренний мир персонажей, их переживания, мысли, желания, чувства и эмоции раскрываются в курских сказках в значительно меньшей степени.

2.2.3. Имена прилагательные

Поскольку в текстах курских сказок зафиксировано малое количество высокочастотных прилагательных (в составе ядра – *богатый* 85/71, *бедный* 175/36, *красный* 178/36, *хороший* 185/35), для анализа были выбраны единицы, частотные показатели которых пусть и сравнительно малы, однако по-прежнему могут дать представление о признаковом пространстве курских сказок. В результате отбора получился список из 27 лексем в 586 словоупотреблениях с частотностью не ниже 10. Все они представлены в Таблице № 5.

Таблица № 5. Частотные имена прилагательные

<i>богатый</i> 71	<i>меньший / меньшей</i> 25	<i>здоровый</i> 15
<i>бедный</i> 36	<i>царский</i> 23	<i>целый</i> 15
<i>красный</i> 36	<i>молодой</i> 18	<i>любимый</i> 12
<i>хороший</i> 35	<i>дорогой</i> 17	<i>божий</i> 11
<i>милый</i> 30	<i>умный</i> 17	<i>высокий</i> 11
<i>золотой</i> 28	<i>большой</i> 16	<i>родной</i> 11
<i>старый</i> 28	<i>живой</i> 16	<i>разный</i> 10
<i>белый</i> 27	<i>последний</i> 16	<i>серебряный</i> 10
<i>старший</i> 26	<i>прекрасный</i> 16	<i>сильный</i> 10

Уточним, что у некоторых многозначных прилагательных значения рассматривались отдельно друг от друга. Например: *здоровый* 15 → *здоровый* 11 ('обладающий здоровьем') и *здоровый* 4 ('значительно превышающий обычную для данного предмета величину'). Все они, несмотря на это, вошли в состав группы частотных прилагательных.

Мы уже отмечали, что в языке курских народных сказок отражаются мечты простого народа о жизни в достатке (вхождение в топ-100 имен существительных *деньги* 50, *золото* 30, *рубли* 25, их подсчеты и получение в гиперболизированных количествах). В признаковом пространстве внимание к материальному положению проявляется высокой частотностью антонимической пары *богатый*

71 – *бедный* 36. Оба слова вошли в состав ядра лексикона (85 и 175 позиции соответственно).

В первую очередь пара *богатый – бедный* используется в качестве жанрового дифференцирующего признака братьев. Подробнее эта тема рассматривается в третьей главе исследования. Статистика показывает, что обеспеченность является более универсальной характеристикой (*богатый старик, богатый барин, богатый купец* и др.), тогда как с позиции бедности в сказках характеризуется преимущественно один из братьев (в 26 случаях их 36).

Нередко прилагательное *богатый* используется вместе с другими характеристиками, описывающими персонажа в положительном ключе. В таком случае акцент с материального положения смещается в сторону общего успеха и благополучия.

На ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький (ЛК II, с. 10).

Хозяин его – человек богатый, правдивый, платою не обижал (ЛК II, с. 28).

Зацветет ваш сын маковым цветом, заблестит, как солнце, будет сильный, умный и богатый... (ЛК IV, с. 38).

Дома оженился и сделался богатым и знатным человеком (ЛК IV, с. 40).

Интересно, что в курских текстах прилагательное *богатый* выступает устойчивым определением персонажа Марко. *Богатый Марко* 16 встречается в двух сказках разных собраний (ЛК I, № 11; ЛК III, № 18).

Реже прилагательное *богатый* описывает неодушевленные объекты.

В него был дом богатый... (ЛК I, с. 22).

...Приехал из богатейшего государства (ЛК II, с. 17).

Он плывал, плывал и приплыл к богатому монастырю (ЛК III, с. 38).

...В богатом городе жил воевода (ЛК IV, с. 38).

Среди имен прилагательных, называющих физические параметры, можно выделить несколько групп: *возраст, размер, физическое состояние, цвет и материал.*

1. Возрастные характеристики представлены частотными парами *старый* 28 – *молодой* 18, *старший* 26 – *меньший / меньшей* (устар., прост.) 24, а также прилагательным *большой* 3 в значении ‘взрослый’ (разг.).

Первая пара используется для прямого обозначения возраста. Слово *старый*, называя возраст, зачастую обретает в контексте ту или иную отрицательную коннотацию: брань – *старый хрен, дура старая*; злые существа – *старый черт; ведьма старая, змея лютая*; негативные черты возраста – *я стара, я хила, за мной походить некому* (ЛК II, с. 8); *старая баба расходится – не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать* (ЛК II, с. 7).

Определение *молодой*, напротив, воспринимается с положительной коннотацией.

Корова молодая, хорошая! (ЛК II, с. 9);

Он, скинувшись молодым молодцом, удалым удалцом... (ЛК II, с. 20);

А в доме жена бегаёт и весела и молода (ЛК II, с. 21).

В паре *старший – меньший / меньшей* явно превалирует функция разграничения детей или братьев и сестер (см. Глава III).

2. Размер характеризуется прилагательными *большой* 13, *высокий* 11, *здоровый* 4, *меньший* 1. Очевидно, что при описании размера текст тяготеет к преувеличению, чрезмерности, что свойственно для сказок, поскольку в них подчеркиваются исключительные особенности. В абсолютном большинстве случаев названные имена прилагательные описывают неодушевленные предметы (28 из 29). Единственное исключение:

Вот жил поп ростом здоровый, лицом некрасивый да и неумный (ЛК IV, с. 8).

Также в данную подгруппу косвенно можно отнести слово *целый* 11. Чаще всего оно сочетается с существительными, называющие временные интервалы: *целый день* 4, *год* 1, *век* 3.

3. На физическое состояние указывают прилагательные *живой* 16, *здоровый* 11 (о здоровье), *сильный* 10, *целый* 4. В их использовании не прослеживаются отличительных особенностей.

4. Частотные прилагательные с цветовым значением представлены лексемами *белый* 27, *золотой* 17, *красный* 12. Прочие колоративы в курских сказках встречаются редко. Например, *зеленый* зафиксировано всего 9 раз, *черный* – 6, *синий* – 4, *желтый* – 3, *алый* – 1. Прилагательные со световым значением оказались также нехарактерны: *темный* 7, *темный-темный* 2.

Прилагательное *белый* (6 из 27) употребляется в устойчивом сочетании *белый / бел свет*.

Я возьму трубу и узлезу на дуб, протрублю и проищу с белым светом
(ЛК I, с. 56).

Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету (ЛК II, с. 80).

Али не жалко буйной головушки, али жизнь на белом свете надоела?
(ЛК IV, с. 90).

Среди прочих случаев отметим использование белого цвета в составе устойчивых сочетаний *белый хлеб* 1, *белая береза* 2, для описания бледности (*белые ручки* 1; *белы как платочки, холодны как пласточки* 1 – об умерших), а также при характеристике животных (*белая уточка* 7, *белая рыба* 3, *белый олень* 2).

Символическое значение красного цвета в текстах курских сказок положительно. Он выражает красоту, торжественность или радость. Например, в описании внешности и элементов одежды.

Отец водил его, словно ягодку, в красной рубашке, в новых сапожках
(ЛК II, с. 29).

Через несколько времени родился у него сын очень умный, во лбу красное солнце, в затылке луна (ЛК IV, с.38).

В сказке «Братья» (ЛК IV, № 22) красный цвет противопоставляется в контексте черному и также выражает торжество, праздничное событие.

...Почему город черным сукном занавешен? А тот ему и говорит, что есть у короля дочь, завтра она будет отдана в жертву пятиглавому змею (ЛК IV, с. 34).

После спасения дочери приводится следующее описание:

...Город красным сукном увешан, военные парады проходят и король пир горой устраивает (ЛК IV, с. 35).

Определить, когда прилагательное *золотой* обозначает цвет, а когда – материал, довольно сложно. Например, типичное для сказок сочетание *золотое яблочко* может подразумевать как цвет, так и буквально материал.

Сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками (ЛК II, с. 12).

Мы считали прилагательное *золотой* цветом, когда оно использовалось по отношению к объектам, не состоящим в реальности из золота. Так, распространенными оказались описания животных: *олень-золотые рога* 5, *кобылица-золотая гривица* 4, *свинка-золотая спинка* 4, *золотая птичка* 2, *золотая рыбка* 1. Несмотря на то, что все они функционируют в пределах всего трех текстов, можно говорить о тенденции использования колоратива *золотой* для описания необычных сказочных животных.

5. Однозначное указание на материал фиксируем в сочетании прилагательных *золотой* 11 и *серебряный* 10 с артефактной лексикой. Это столовые приборы (*серебряный нож* 2, *серебряное блюдо* 3, *золотые ложки* 2, *золотые и серебряные тарелки* 1), постройки (*золотая ограда* 2, *золотой дом* 2, *серебряный дом* 2) и некоторые другие артефакты (*золотой червонец* 1, *золотая карета* 1, *серебряный кинжал* 1).

Единственным частотным описанием интеллектуальных способностей стало прилагательное *умный* 17. Оно примечательно тем, что выступает частью смысловой оппозиции братьев (*умный – дурак*).

Жил два брата умных, один дурак (ЛК III, с. 41).

Отдельно вынесем прилагательные, выражающие наиболее яркую оценку, отсылающие к таким абстрактным категориям, как чувства, красота, отношения и т.п.: *хороший* 35, *милый* 30, *красный* 26, *прекрасный* 16, *дорогой* 14, *любимый* 12.

Отметим, что среди них не зафиксировано примеров с отрицательной коннотацией. Все они выражают положительную оценку, что позволяет судить об общем позитивном характере признакового пространства курских сказок. Прилагательные с явно выраженным негативным значением используются сравнительно редко: *нечистый* 6, *поганый* 5, *злой* 2, *некрасивый* 1, *ужасный* 1 и др.

Наиболее распространенным является определение *хороший* 35. Оно выражает самое широкое значение и сочетается с большим кругом разных имен существительных. Встречаются и устойчивые, распространенные в языке обороты: *быть в хорошей дружбе*; *в хороших руках*; *хорошие деньги взять* (выручить); *отдать замуж за хорошего человека*; *слышать много хорошего* и др.

Статистически фольклоризм *красный* 24 в значении 'красивый' значительно превосходит по показателю частотности прямое определение *красивый* 7, что объясняется использованием устойчивых сочетаний *красная девица* 9 / *девушка* 7, *красна девка* 8. Интересно в этой связи, что эпитет *красный* по отношению к мужским персонажам (например, к молодцу) в курских сказках не применяется. В редких случаях они описываются как красивые (*красивый юноша* 2, *сын* 1).

Подобным образом ситуация складывается с эпитетом *прекрасный* 14. Помимо распространенного в фольклоре образа *прекрасной Елены* / *Елены-царевны* 12, фиксируем сочетания *прекрасная княжна* 1, *прекрасная мать-царевна* 1. Таким образом, можно сделать вывод, что красота является основной характеристикой женских персонажей, фигурирующих в курских сказках.

Полностью противоположную ситуацию демонстрирует анализ определения *милый* 24. Статистика показывает, что оно ни разу не используется для характеристики женских персонажей, а характеризует только мужчин, употребляясь при этом с диминутивами и притяжательными местоимениями, выражающими близость и родство.

*Брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает:
«Милый мой, ненаглядный мой!»* (ЛК II, с. 15).

Им отец говорить: «Сыновья мои милыи, сыновья мои любимыи...»
(ЛК II, с. 20).

Связи определения довольно разнообразны. Так, фиксируем сочетания *сыновья мои милые* 7, *милый мой голубчик* 5, *мой милый друг* 3, *милый мой муженек* 1, *милый ты наш, батюшка-царь* 1, *милый человек* 1, *зять мой милой* 1, *милый мой Афанасьюшко* 1 и др.

Определения *дорогой* 14 и *любимый* 12 занимают промежуточную позицию и могут характеризовать как мужских, так и женских персонажей, выполняя те же функции и выступая в тех же синтаксических конструкциях, что и ранее рассмотренные примеры.

Среди притяжательных прилагательных зафиксировано всего две частотных лексемы – *царский* 23 и *божий* 11. Связи прилагательного *царский* разнообразны. Оно сочетается с наименованиями территорий (*двор* 3, *палаты* 3), артефактов (*каjeta* 2, *одежда* 2, *платье* 1), ментифактов (*должность* 2, *обычай* 1, *слово* 1, *указ* 1), натурфактов (*царское лицо* 1), социофактов (*дочь* 4, *дворецкий* 1, *дети* 1, *пастух* 1).

Обратим внимание, что среди царских детей акцент делается на дочери, которая чаще описывается через подчинение отцу. Сын, как правило, выступает активным субъектом, в действиях которого упор делается на самостоятельности. Такой вывод подтверждает статистика: сочетание *царский сын* в анализируемых сказках не фиксируется. Для выражения его самостоятельности выбирается вариант *царевич*. Показательно, что в рассматриваемых текстах слово *царевна* встречается всего 60 раз (в том числе в составе композитов), тогда как *царевич* – 159.

Сочетаемость прилагательного *божий* более ограничена. Фиксируем сочетания *божий свет* 3, *божий труженик* 1, *раба божия* 1, а также *божье благословенье* 5 и *божия правда* 1.

2.3. Анализ отдельных групп лексики

2.3.1. Общий анализ лексического состава

В ходе работы мы исследовали сказочный мегатекст на наличие разных видов лексики. В качестве основных групп для описания были выбраны: 1) разговорная и 2) просторечная лексика как наиболее распространенные в устном общении единицы, 3) диалектизмы как показатель территориальной специфики, 4) фольклоризмы как показатели фольклорной языковой и жанровой специфики и 5) устаревшая лексика, значимая для описания отраженной в фольклорном тексте истории народа.

В качестве основы для распределения единиц мы выбрали Большой академический словарь (2004) [БАС II] и ориентировались на него во всех возможных случаях. Если по причине незавершенности в словаре отсутствовало искомое слово, мы обращались к его первому изданию (1948–1964) [БАС I].

Отметим, что многие слова в словаре снабжались дополнительными пометами. В таких случаях при подсчетах мы относили их одновременно к двум группам. Например: *устар., разг.* (*батенька, женин, маменька, наказывать* ('давать наказ'), *подыматься*), *устар., прост.* (*кликать, меньшей, отказать* ('завещать'), *состроить, швец*), *устар., нар.-поэт.* (*батюшка, матушка, красный* ('красивый'), *кривда*), *нар.-поэт., разг.* (*девица, горе горевать, родимый*), *нар.-поэт., прост.* (*разлучница*), *обл., фольк.* (*конечек, листвицы, соколочек, трескун-мороз*).

Выявление диалектной лексики осуществлялось с опорой на Словарь русских народных говоров (СРНГ) и Словарь курских говоров (СКГ). Спорные случаи возникали здесь, когда параллельно с диалектным словарем слова фиксировались в нормативных толковых словарях без соответствующих помет. Например, все приведенные слова зафиксированы в СРНГ: *дюже* (БАС – прост.), *взметаться* (БАС – устар., разг.), *головонька* (БАС – разг.), *нарядница* (БАС – разг.), *отвозить* ('избить') (БАС – прост.), *уловить* (БАС – устар., прост.) и др. В таких ситуациях предпочтение отдавалось диалектным словарям.

Отбор фольклоризмов осуществлялся с учетом как нормативного толкового словаря (БАС), так и диалектного (СРНГ).

Результаты проведенного анализа лексического состава мегатекста курских сказок были отражены в Таблице № 6.

Таблица № 6. Количественные показатели групп лексики в курских сказках

Группы лексики	Количество единиц		Количество словоупотреблений
Разговорная лексика	702	15%	2 546
Диалектизмы	233	5%	511
Просторечная лексика	139	3%	493
Устаревшая лексика	126	3%	391
Фольклоризмы	66	1%	311
Темные слова	9	< 1%	32
Единицы, отсутствующие в словарях	104	2%	257

За границами обозначенных групп оказались лексические единицы, которые отсутствуют в рассматриваемых словарях (БАС, МАС, СРНГ, СКГ), но обладают понятной семантикой, и темные слова, которые также не фиксируются словарями, однако, в отличие от единиц предыдущей группы, характеризуются затемненной, неясной семантикой.

Единицы, отсутствующие в словарях, представлены в курских сказках 104 лексемами (2%) в 257 словоупотреблениях. Назовем подгруппы, которые отчетливо выделяются в их составе:

1. Имена существительные: *военноначальник* (военачальник), *кровец* (тот, кто кроит одежду), *купальщица* (та, кто купает умершего), *наглядчик* (тот, кто надзирает), *неводчук* (неводчик), *пересказка* (сказ, рассказ), *просвещенство* (преосвященство).

2. Отдельно выделим обширную группу диминутивной лексики. Больше всего в ее составе наименований животных: *волчичек*, *гусеночек*, *зайчушка*, *зайченька*, *козушка*, *коточек*, *куреночек*, *лисушка*, *медведичек*, *тетерюшка*. Прочие диминутивы: *бочоночек*, *выскребушек*, *гривица*, *гребеночка*, *денищичечик*, *домочек*, *женщинка*, *керосинец*, *кишочки*, *куманечек*, *кучечка*, *люлечка*, *медочек*,

мозжечок, можжечок, мышечка, недоросточек, персонка, салазочки, сватечка, стожочек, трущобинка, хворостиночка, хлебушек, шматочек.

3. Глаголы, образованные приставочным способом: *вопхнуть, всковырять, всполоскать, домерзнуть* (замерзнуть), *затрогать* (начать беспокоить кого-л.), *повытягивать, позастучать, покатать* (скатать, свернуть), *понаглодать, поналететь, поналовить, поотсекать, послезть, поспихать, разрумянить* (убрать румянец).

4. Возвратные глаголы: *деетсяя* (делаться), *довиться* (вить веревку до дна), *всхлопотаться, дотолкаться* (дотолочь до крайней степени), *маньячиться* (мелькать), *порасплываться* (плыть в разные стороны), *раскуситься, расплыться* (то же, что порасплываться).

3. Имена прилагательные: *гумный, жилиный* (с жилами), *князьковый, ненаглядненький, новгородский, новосделанный, поголоднее, репёный* (из репы), *широлобий*.

4. Прочие единицы. Междометия: *аж* (ах), *ахи* (ах); звукоподражания: *жжи* (жужжание пчелы), *ши-ши-ши* (о шепоте), *шкряб-шкряб*; а также слова *тели-телитеньце, гыртъ* и некоторые другие.

В группу темных слов вошло 9 лексем в 32 словоупотреблениях: *карегуш* 1, *коморый* 1 *лётка* 1, *вожжи-морожжи* 4, *мышка-стрижка* 1, *суровинка* 6, *сучка-продучка* 13, *уместительный* 3, *шлейник* 2. В приведенном виде они словарями не фиксируются, а их исходные или производные формы, которые соответствовали бы контексту, достоверно установить не удалось.

Основным источником информации о слове для нас становится контекст.

«Протягивай ручку // До самого крючку, // Бери плетку, // Да погоняй свою лётку» (ЛК IV, с. 19).

Лёткой в сказке называют весело танцующую с друзьями втайне от мужа жену. Исходя из того, что в первых двух строках для сохранения рифмы слово *крючок* было видоизменено, можно предположить, что слово *лётка* также претерпело изменения. В таком случае оно может быть связано с именем существительным *лёт* – ‘о быстром, подвижном человеке’ [СРНГ: 17: 15]. В

целом же внешним обликом слово *лётка* также выражает значение быстрого движения, перемещения.

Почти полностью затемнена семантика слова *карегуш*.

«Захватил я ее под деревом карегушем, в десяти сажнях от дома» (ЛК IV, с 27).

Из контекста следует, что это, вероятнее всего, имя существительное, называющее дерево, а не наречие (*захватить* (как?) *карегушем*), поскольку почти сразу в тексте следует схожая конструкция.

«Видел я ее в двадцати сажнях от дома под дубом» (ЛК IV, с. 27).

В словарях находим *корёг* – ‘лес, кустарник из кривых деревьев’ [СРНГ: 14: 314], *корёга* – ‘коряга’ [Даль: 5: 119], однако это лишь предположения. Нет точных подтверждений тому, что эти слова употреблялись на территории Курской области и могли быть как-то связаны с *карегушем*.

Слово *шлейник* можно предположительно объяснить через связь со словом *шлея* по аналогии с другими профессиями, называемыми по изделиям. Например, *сапожник*, *горшечник* (который также встречается в анализируемых сказках) или, что ближе по смыслу, *шорник*. В таком случае *шлейник* – тот, кто занимается изготовлением шлеи. Контекст сказки крайне ограничен и не дает дополнительной информации для размышлений на этот счет.

Вот однажды они сидят обедают и к ним заходит шлейник. Они пригласили его обедать (ЛК IV, с. 40).

Сложным для понимания является имя существительное *суровинка*. Из контекста следует, что это некоторое место, пространство природного ландшафта. Ни одно из приводимых в словарях значений не соответствует контексту.

Зайчик жил себе в суровинке. Коза по полю ходила, осталась зимовать там... (ЛК I, с. 25).

Из имен прилагательных к темным словам отнесем лексем *коморый* и *уместительный*. Сказать что-то об их значении довольно проблематично в силу малого контекста.

«Ох, удивительный и уместительный мужичек!» (ЛК I, с. 20).

...По морю мост, точёные столбы, и на столбах цветы, а на цветах коморые коты (ЛК III, с. 37).

Через слово *комора* находим *камора* – ‘чулан, кладовка, а также отделенная перегородкой небольшая часть комнаты’ [СРНГ: 13: 27]. Несмотря на то, что, согласно словарю, данное слово фиксируется на территории Курской области, нет никаких оснований утверждать, что в приведенном контексте речь идет именно о чулане или кладовке.

Особое место среди темных слов занимают элементы композитов: *вожжи-морозжи*, *мышка-стрижка*, *сучка-продучка*. Поскольку все они построены на рифме с понятной первой частью, можно предположить, что вторая часть специально изменялась или придумывалась для первой с целью сохранения ритма и рифмы. Это значительно усложнило бы поиск значения и установление возможных исходных вариантов. Так, например, происхождение слова *продучка*, по мнению С.П. Праведникова, может быть связано с глаголом *продувать*, а через него – с прилагательным *продувной* [Праведников 2011з: 301]. *Продувной* – ‘хитрый плут, обманщик’ [Даль: 10: 95]; ‘понятливый, сообразительный’ [СРНГ: 32: 126]. Такое описание в полной мере подходит контексту сказки.

2.3.2. Разговорная лексика

Разговорная лексика с большим отрывом от прочих групп занимает первое место как по количеству лексем, так и по количеству словоупотреблений (см. Таблица № 6). Нами было отобрано и проанализировано 702 единицы (15% словника) в 2 546 употреблении, что составляет примерно 6% от всех слов в мегатексте. Для сравнения: доля диалектизмов, занимающих вторую позицию по количеству лексем, составляет около 1%.

Таблица № 7. Распределение разговорной лексики по частям речи

Глагол	Имя существительное	Имя прилагательное	Наречие	Другие части речи
319 лексем 683 с/у	250 лексем 1184 с/у	37 лексем 87 с/у	46 лексем 125 с/у	40 лексем 451 с/у

Из всех групп разговорная лексика наименее специфична, поэтому дадим ей лишь общую характеристику. В качестве основы для описания мы выбрали частеречный принцип.

1. Больше всего из разговорной лексики в курских сказках зафиксировано глаголов – 319 лексем в 683 словоупотреблениях. Анализ показывает, что все их можно разделить на две большие группы: приставочные и приставочные глаголы.

1.1. Приставочные глаголы с точки зрения синхронического словообразования не были образованы от других глаголов путем префиксации: *ахнуть* 2, *везти* ('об удаче') 1, *гикнуть* 1, *дбхнуть* 2, *журить* 1, *затеять* 3, *караулить* ('поджидать') 6, *колотить* 5, *миловать* 1, *наказать* ('дать наказ') 1, *норовить* 1, *палить* 9, *поминать* 2, *потчевать* 1, *слыхать* 10, *смекнуть* 1, *тужить* 3, *тукнуть* 1, *ублажать* 1, *ухмыляться* 1, *хворать* 3, *чмокнуть* 1 и др.

1.2. Значительно объемнее в курских сказках представлены глаголы, образованные приставочным способом от других глаголов. По лексическому разнообразию они превосходят первую группу. К наиболее активно участвующим в словообразовании префиксам отнесем: *за-* (*загулять* 3, *зазвать* 4, *заморить* 1, *замотать* 1, *запечалиться* 1, *заседлать* 1, *затужить* 2, *заявиться* 1 и др.); *на-* (*набежать* 1, *надумать* 1, *намалевать* 1, *наострить* 1, *напихать* 1, *народиться* 3 и др.); *по-* (*повыкидать* 1, *повырасти* 1, *погореть* 2, *подивиться* 2, *позабыть* 3, *позадуматься* 1, *позаснуть* 3, *поплестись* 1, *почуять* 1 и др.); *с-* (*сгубить* 6, *сдохнуть* 4, *сжарить* 1, *слопать* 1, *спалить* 1, *спечь* 3, *спихнуть* 1, *схоронить* 1 и др.). Также назовем префиксы *о-*, *об-*, *под-*, *при-*, *раз-* / *рас-*.

Глаголы данной группы можно разделить на две подгруппы: глаголы, образованные от изначально нейтрального глагола (*кряхтеть* – *покряхтеть*, *острить* – *заострить*, *пить* – *подпить*, *ругать* – *заругать*, *целовать* – *зацеловать*, *хоронить* – *схоронить* и др.), и глаголы, образованные от другого стилистически сниженного глагола (*выкидать* – *повыкидать*, *малевать* – *намалевать*, *обидеться* – *разобидеться*, *тужить* – *затужить*, *караулить* – *подкараулить* и *укараулить*, *студить* – *застудить* и др.).

1.3. Отдельно обозначим большое количество разговорных возвратных глаголов, (88 из 319 – 28%): *возиться* 2, *дивиться* 1, *есться* 5, *загуляться* 2, *запечататься* 1, *застучаться* 1, *изловчиться* 1, *копаться* 1, *обещаться* 1, *обноситься* 1, *ожениться* 1, *озлиться* 1, *ластиться* 1, *питься* 1, *плестись* 1, *подбочениться* 2, *побираться* 2, *призадуматься* 1, *сделаться* 1, *сыскаться* 1, *установиться* 1 и мн. др.

Из всех приведенных примеров можно сделать вывод, что, несмотря на большое лексическое разнообразие, разговорные глаголы крайне низкочастотны. Если мы обратимся к статистике, то увидим, что доля гапакса составляет более 65% (205 из 319), тогда как доля глаголов, которых можно было бы назвать частотными (с показателем 10 и выше), составляет всего 3%: *видать* 34, *увидать* 19, *воротиться* 13, *жить-поживать* 12, *искупаться* 11, *наслать* 11, *слыхать* 10.

В целом круг разговорных глаголов крайне обширен, они могут использоваться в совершенно разных ситуациях для обозначения различных действий, поэтому затруднительно выделить какие-либо конкретные ситуации или закономерности их употребления.

2. Второе место по количеству лексем в составе разговорной лексики занимают имена существительные. Всего зафиксировано 250 лексем. Их меньше, чем глаголов, однако при этом они значительно чаще встречаются в текстах – 1184 с/у (у глаголов – 683).

2.1. Прежде всего в их составе следует выделить многочисленную диминутивную лексику, к использованию которой тяготеет язык курских народных сказок. Она составляет свыше 60% всех разговорных существительных. Проанализировав состав группы, мы выделили категории слов, от которых диминутивы образуются чаще всего:

– имена ментифактов (животные): *баранчик* 12, *бычок* 4, *жеребеночек* 1, *заинька* 5, *зайчик* 23, *кобелек* 4, *козленочек* 22, *коровушка* 8, *кошечка* 2, *кукушечка* 1, *лисичка* 12, *лошадка* 3, *мышка* 2, *овечка* 1, *пескарик* 2, *пчелка* 2, *поросеночек* 1 и др.;

– имена ментифактов (соматизмы): *бочок* 5, *волосик* 1, *глазок* 8, *губка* 5, *косточка* 9, *локоток* 2, *ноготок* 3, *пальчик* 2, *плечико* 1, *ручка* 5;

– имена социофактов: *братец* 34, *вдовушка* 1, *муженек* 1, *мужичок* 38, *нянюшка* 5, *работничек* 1, *ребеночек* 6, *сестрица* 25, *сестричка* 3, *старичок* 23, *старушка* 7, *сынок* 6 и др.;

– имена артефактов: *ведерочко* 1, *коверчик* 1, *колечко* 7, *коробочка* 1, *лавочка* 3, *лодочка* 1, *ложечка* 5, *ножичек* 1, *пеленочка* 2, *платочек* 7, *платище* 2, *постелька* 1, *сапожок* 2, *сарафанчик* 1 и др.

2.2. Вторую обширную группу составляют имена существительные, обладающие разговорным оттенком без уменьшительно-ласкательного значения: *всячина* 2, *гомон* 1, *гостинец* 3, *детина* 1, *диво* 2, *диговина* 3, *дичина* 1, *дока* 3, *дурак* 43, *еда* 2, *ежиха* 1, *житье* 4, *загвоздка* 1, *каналья* 1, *малый* 2, *наказ* 1, *неволя* 11, *нутро* 1, *одежда* 1, *округа* 1, *подпол* 4, *поп* 73, *приплод* 1, *прыткость* 1, *слюни* 1, *умница* 1, *холя* 1, *чепуха* 1 и др.

Согласно статистике, доля гапакса среди имен существительных составляет около 40%, в то время как доля частотных существительных – около 10%. К наиболее частотным отнесем: *поп* 73, *дурак* 43, *дочка* 38, *мужичок* 38, *братец* 34, *служивый* 32, *дед* 30.

3. Имена прилагательные представлены малочисленной низкочастотной группой: 37 единиц в 87 словоупотреблениях. Здесь выделяются прилагательные, обладающие явно выраженной коннотацией (*бедненький* 1, *бедный-пребедный* 1, *веселенький* 1, *горемычный* 2, *дранный* 3, *здоровый* ('большой') 5, *паршивый* 1, *поганный* 5, *прекрасивый* 1, *ужасный* 1, *худой* 2), а также притяжательные прилагательные (*бабий* 1, *братов* 1, *дядькин* 2, *женин* 1, *отцов* 5, *попов* 1, *поповский* 2, *стариков* 5, *старухин* 6).

4. Интересно, что наречия оказались представлены более разнообразной группой, чем имена прилагательные: 46 лексем в 125 с/у. Это распространенные в разговорной речи единицы, обладающие низкой частотностью (с показателем менее 10): *вдобавок* 1, *вдогонку* 1, *вмиг* 1, *невпопад* 1, *нынче* 4, *пешечком* 2,

помаленечку 1, *помаленьку* 1, *помногу* 1, *поутру* 3, *сперва* 3, *спьяна* 1, *так-сяк* 3 и мн. др. Единственное исключение – частотное наречие *тут* 56.

5. Также были зафиксированы другие сравнительно малочисленные группы. Это частицы (*авось* 2, *дескать* 1, *ишь* 3, *ладно* 22, *мол* 2, *себе* 13, *то-то* 1), междометия (*ах* 17, *глядь* 11, *ох* 9, *хватать* 1, *цап* 2, *чур* 1, *шлеп* 1, *э* 4), местоимения (*такой-сякой* 7, *экой* 2), предикативы (*жуть* 1, *надо* 39, *тошно* 1). Сюда же вошли звукоподражания: *гав* 4, *динь* 2, *кря* 8, *куку / ку-ку* 51, *мяу* 2.

Отдельно обозначим наличие устойчивых разговорных сочетаний: *батюшки светы* 1, *горе горевать* 1, *делать нечего* 5, *жить да поживать* 1, *знай себе* 2, *на кого ты похож* 1, *не твое дело* 1, *откуда ни возьмись* 2, *сил нет* 1, *стало быть* 1.

2.3.3. Просторечная лексика

Просторечная лексика – сильно сниженная по стилистической окраске лексика, фиксируемая в словарях с пометой *прост.* Согласно нашим подсчетам, она занимает примерно 3% словника – 139 из 4815 единиц. По количеству словоупотреблений (493) просторечная лексика значительно уступает наиболее приближенной к ней разговорной лексике (см. Таблица № 6), занимая около 1% мегатекста. Результаты выборки отражены в Таблице № 8.

Таблица № 8. Распределение просторечной лексики по частям речи

Глагол	Имя существительное	Имя прилагательное	Наречие	Другие части речи
74 лексем 129 с/у	30 лексем 282 с/у	6 лексем 20 с/у	13 лексем 21 с/у	9 лексем 31 с/у

1. На первом месте по количеству лексем находятся глаголы. В целом, основные наблюдения, сделанные в ходе анализа разговорной лексики, распространяются и на просторечную. Мы также можем выделить здесь просторечные приставочные глаголы (*возить* ('бить') 1, *вякнуть* 1, *гаркнуть* 1, *жрать* 1, *кликать* 4, *ломить* 1, *пихать* 2, *разымать* 1, *пхать* 1, *хватить* ('ударить') 3, *цеплять* 1, *шкодить* 1 и др.) и приставочные глаголы:

а) образованные от нейтральных глаголов: *венчаться* – *перевенчаться* 1, *выгнать* – *повыгнать* 1, *лезть* – *улезть* 1, *пить* – *испить* 4, *решить* – *порешить* 2, *строить* – *состроить* (‘построить’) 5, *шить* – *пошить* (‘сшить всё’) 1 и др.;

б) образованные от других стилистически сниженных глаголов: *балдеть* (прост.) – *обалдеть* 1, *вопить* (разг.) – *завопить* 1, *орать* (разг.) – *заорать* 3, *калякать* (прост.) – *покалякать* 1, *кувыркнуться* (разг.) – *перекувыркнуться* 1, *серчать* (прост.) – *осерчать* 2.

Как и в разговорной лексике, фиксируем здесь множество возвратных глаголов: *ввалиться* 1, *ворочаться* (‘возвращаться’) 1, *выдраться* 1, *любить* 1, *мешаться* (‘вмешиваться’) 2, *припереть* 1, *покончиться* 1, *рожаться* 1, *труситься* 1 и др.

Среди просторечных глаголов можно выделить несколько семантических групп. В широком смысле это грубые наименования процессов движения (*ввалиться* 1, *ворочаться* (‘вернуться’) 1, *выдраться* 1, *завалиться* 3, *загреметь* 1, *перекувыркнуться* 1, *поспешать* 1, *припереть* 1, *улезть* 1), приемов пищи и питья (*жрать* 1, *испить* 4, *натягиваться* 1, *натянуться* 1, *прикладываться* 1, *уплетать* 1), речи и звучания (*вякнуть* 1, *гаркнуть* 4, *завопить* 1, *заорать* 3, *кликать* 4, *покалякать* 1, *сказывать* 2).

Просторечные глаголы характеризуются крайне низкой частотностью, многие встречаются лишь единожды. Доля гапакса составляет 66% (49 из 74). Частотные глаголы (с показателем 10 и выше) отсутствуют.

2. Имена существительные – лексически ограниченная группа, которая, однако, суммарным количеством словоупотреблений значительно превосходит другие части речи: *батька* 1, *богатеи* 1, *глотка* 3, *горюн* 1, *гульба* 1, *деньга* 2, *дите* 2, *дурень* 1, *жинка* 7, *куманек* 3, *кус* 1, *молодайка* 5, *морда* 1, *неуправка* 1, *нутро* 1, *разлучница* 4, *слых* 3, *супротивник* 1, *хохол* 3, *швец* 2, *шкура* (бранное), *шматок* 1. Отдельно назовем частотные лексемы: *мужик* 142, *девка* 29, *баба* 25, *злыдень* 21.

Остальные части речи крайне малочисленны и низкочастотны. Ограничимся лишь перечислением единиц. Имена прилагательные: *гораздый* 1, *дурной* 1,

меньшой 15, *охочий* 1, *хворый* 1, *честной* 1; наречия: *больно* ('сильно') 4, *враз* 1, *довеку* 1, *докуда* 1, *кабы* 2, *кажись* 1, *коль / коли* 3, *наперед* 1, *неужто* 1, *посейчас* 1, *пригоже* 1, *пуще* 3, *сроду* 1; междометия: *ага* 1, *гей* 3, *шасть* 1; служебные части речи: *али / аль* 15, *ась* 6, *вперед (себя)* 1, *промеж* 1.

Также в ходе анализа были зафиксированы устойчивые сочетания, которые приводятся в словарях с пометой *прост.*: *будь ты неладна* 1, *зелено вино / винцо* 2, *зубы чесать* 1, *играть / сыграть свадьбу* 3, *мил человек* 1, *прогнать в шею* 1, *старый хрен* 1.

2.3.4. Диалектизмы

Диалектизмы, зафиксированные в курских народных сказках, ранее уже рассматривались в ряде научных работ [Праведников 2011₁, 2011₃, 2012₂]. Наша основная задача – расширить описание за счет привлечения нового фактического материала и сделать общие выводы с учетом имеющихся наблюдений.

Прежде всего подробнее остановимся на том, какие единицы учитывались при анализе. В работе определяющим для нас был принцип словарной фиксации. Так, в случае с диалектизмами отбирались и рассматривались лишь те единицы, которые приводились в диалектных словарях (СРНГ, СКГ) и в толковых словарях с пометой *обл.* При таком подходе вне круга наших интересов осталось, к примеру, большинство фонетических диалектизмов, широко распространенных в курских сказках.

Вопрос о выделении и словарной фиксации фонетических диалектизмов наиболее важен в отношении сборника Ф. Белкина [Праведников 2019₂]. Тексты сказок в нем изобилуют переданными фонетическими особенностями речи сказителей. Это большое количество свойственных южным диалектам примеров яканья (*бяреза, вылячить, камянь, лебядь, мяшок, нясти, сляпой, цяревич*) и аканья (*добраго, паишиштя, салдат, садрать, таперь, тожа, чаго*), значительно реже иканья (*нивеста, сибе, сичас, тибе*). Фиксируем также начальный [у] вместо [в] перед согласными (*на устречу, удеть, узяться, уместя (вместе), уперед, устать, устречать*), произношение буквы щ как [шш] (*волчишиша, ишишо,*

ножишиша, перешишитать, прошишай, пушишай, ишель, шшетка) и др. Редко встречаются признаки северного наречия. Например, оканье (*болкон, на короблях, розымать* (разымать), *танцовать*).

Перечисленные фонетические особенности проявляются очень нестабильно. Повсеместно встречаем чередование вариантов иногда в пределах даже одного контекста.

Вышил Иван-царевич на двор. Сучка-продучка говорит яму: «Ну, Иван-царевич...» (ЛК I, с. 8).

Привел яво у хату. – «Мать, дай ему подарочек!» <...> Она яму подала скатяртъ и камянь (ЛК I, с. 20).

Сказать точно, чем обусловлены подобные чередования – особенностью речи говорящего или субъективностью восприятия слушающего – невозможно.

В нашем исследовании фонетические диалектизмы учитывались лишь в том случае, если они получали лексикографическое описание. Например, некоторые зафиксированные в СРНГ лексемы: *аржаной* (‘ржаной’), *беревно*, *жана*, *жаних*, *мизенец*, *попел* (‘пепел’), *свекр*, *тода*, *увесь*, *увзять*.

Широко в сказках собрания Ф. Белкина распространены и грамматические диалектизмы, которые также не фиксируются словарями. Прежде всего это разнообразные отклонения в образовании глаголов. Отметим здесь свойственное южновеликорусскому наречию смягчение согласного [т] у глаголов 3 лица единственного и множественного числа (они *говорять, молчать, перевезуть, приезжають*; он / она *входить, выходить, говорить, идти, подаеть, хочить*); конечные *-тя* вместо *-те* у глаголов преимущественно повелительного наклонения (*бейтя, будитя, идитя, ходитя, перевязитя, пуститя*); неразличение окончаний I и II спряжения (они *бежать, видють, приходють, входють, хочуть*); особое образование деепричастий (*намазамши, приехавши, приехамши, розинувши, увидемши*) и др.

Среди прочих частей речи отметим, например, окончание *-е* у личных местоимений I и II лица (*я с тебе голову сыму; вот я тебе съем; есть у мене тридцать три дочери; да про мене-то кто ж яму сказал*).

Грамматические диалектизмы, как и фонетические, представляют малый интерес для нашего исследования, поэтому мы ограничимся лишь приведенными примерами. Основной же акцент при описании диалектной лексики делался на словообразовательных и лексических диалектизмах, в которые, согласно классификации Л.Л. Касаткина, входят этнографизмы, собственно лексические и семантические диалектизмы [БРЭ].

Итак, в ходе работы с учетом обозначенных особенностей нами было отобрано 233 лексем в 511 словоупотреблениях (см. Приложение № 4). Таким образом, по количеству единиц группа диалектизмов занимает второе место, уступая лишь разговорной лексике (см. Таблицу № 6).

В первую очередь обратимся к территориальной статистике. Все сделанные наблюдения основываются на информации, приведенной в СРНГ.

1. Самую обширную группу образует пласт междиалектной лексики – лексики, встречающейся в говорах разных регионов страны. Ее доля составляет примерно 65%: *дюже, валенцы, вар, домовина, евоный, жито, иде, идить, изделать, испужаться, красовитый, нема, нонче, опосля, повестить, попел, послухать, потолок, пролубка, пужать, талан, туточки* и мн. др. (см. значения в Приложении № 4).

2. К единицам южных говоров относятся, например, диалектизмы *бачить, беревно, бойло, бутеть, взбегаться, взметаться, волчушка, всходиться, гуска, зазлбно, закуточка, замиловать, запопасть, козиный, колодезек, круговина, курняв, курушка, куховарка, надгонять, назирать, обзывать, оброточка, побечь, подождать, пойдить, пробечь, сеструшечка, скинуться, скрячить, смолить, сустоять, увойти, увесь, узрощенный, успросить* и мн. др. Они составляют около 30% группы. Это единицы, главным образом фиксируемые на территории Курской, Брянской, Воронежской, Орловской, Тульской, Смоленской, Калужской областей.

3. Диалектизмов северных говоров значительно меньше (около 5%). Например, *болелый, жана, жаних, жаниться, отпороть, парь, покрасть, поотдать, походить, разговаривать, спроведать, уловить*.

По нашим подсчетам, на территории Курской области было зафиксировано 134 из 233 лексем (около 57%). У некоторых из них в месте записи из Российских регионов указан исключительно Курск, что позволяет говорить об уникальности таких единиц. Это диалектизмы *завернуть 2* – ‘повернуться’ [СРНГ: 9: 303]; *знатун 1* – ‘знахарь, колдун’ [СРНГ: 11: 311]; *кафтаник 1* – ‘небольшой кафтан’ [СРНГ: 13: 139]; *листвицы 1* – ‘листья’ [СРНГ: 17: 64]; *подкидышек 2* (и *мальчик-подкидышек 1*) – ‘ребенок-подкидыш’ [СРНГ: 28: 30]; *пробечь 1* – ‘пробежать’ [СРНГ: 32: 81]; *роскошь 1* – ‘богатство, роскошь’ [СРНГ: 35: 186]; *соловейский 1* – ‘соловиный’ и ‘похожий на соловья’ [СРНГ: 39: 277]; *ублаживать 1* – ‘угождать, доставлять удовольствие кому-л.’ [СРНГ: 46: 127]. Иногда в таких случаях в качестве иллюстративного материала в словаре приводятся контексты исследуемых курских сказок.

Отметим также, что статистически самый большой процент совпадения диалектной лексики наблюдается у Курска с Орловской и Смоленской областями (58 и 56 единиц). Если совпадения с Орловской областью вполне ожидаемы, то Смоленская область вызывает интерес, поскольку территориально она удалена от Курской области и не имеет с ней общих границ. Для сравнения: Брянская область – 38 совпадений, Воронежская – 46.

Как и в случае с другими группами лексики, в качестве основы для описания диалектизмов мы выбрали частеречный принцип. Результаты анализа были отражены в Таблице № 9.

Таблица № 9. Распределение диалектной лексики по частям речи

Глагол	Имя существительное	Имя прилагательное	Наречие	Другие части речи
108 лексем 184 с/у	83 лексемы 177 с/у	13 лексем 19 с/у	13 лексем 64 с/у	16 лексем 67 с/у

Самой многочисленной оказалась группа диалектных глаголов (108 лексем – 46%). Несмотря на лексическое разнообразие, установить в их составе с точки зрения семантики какие-либо показательные особенности или закономерности довольно непросто. Это обширная группа, объединяющая наименования самых разных действий. Даже предложенные нами лексико-семантические разряды в

определенной степени условны и охватывают лишь малую часть единиц. Так, мы сочли возможным выделить:

– глаголы движения: *бечь* 1, *взбегаться* 2, *взметаться* 1, *всходиться* 1, *идить* 2, *побечь* 2, *пойдуть* 1, *пойтуть* 1, *прибечь* 2, *сигнуть* 1;

– глаголы чувств и эмоций: *зажуриться* 1, *замиловать* 1, *испужаться* 3, *кохать* 1, *насмелиться* 1, *пужать* 1, *скучить* 1, *страждать* 2, *убояться* 2;

– глаголы речи: *басловить* 1, *наругать* 1, *обзывать* 3, *повестить* 1, *разговаривать* 1, *сказаться* 1, *сполнять* 1, *успрашивать* 2, *успросить* 2;

– глаголы, называющие процесс встречи: *встревать* 1, *встреваться* 2, *встреть* 2, *встреться* 5, *устривать* 1, а также сближающийся с ними по смыслу *ватажиться* 1.

Анализ показывает, что большую часть группы глаголов составляют словообразовательные диалектизмы, семантика которых частично или полностью ясна без специальных пояснений. Это многочисленные глаголы, образованные префиксацией: *метаться* – *взметаться*, *иметь* – *заиметь*, *попасть* – *запопасть*, *пхать* – *запхать* и *напхать*, *отрубить* – *поотрубить*, *приехать* – *поприехать*, *отдать* – *поотдать*, *проведать* – *спроведать*, *войти* – *увойти* и др. Иногда префиксальные глаголы выступают альтернативой, заменяющей литературные варианты. Например, *опомниться* – *вспомниться* (от радости), *сделать* – *изделать*, *нагонять* или *догонять* – *надгонять*, *вылечить* – *отлечить*, *появиться* – *подъявиться*, *подготовиться* – *сготовиться* (на дело), *поругать* – *наругать*, *исполнять* – *сполнять*, *украсть* – *покрасть* и др.

Особый интерес для нас представляют лексические диалектизмы. В первую очередь это семантические диалектизмы, составляющие около 10% глаголов: *завернуть* 2 и *завернуться* 1 – ‘повернуться’ [СРНГ: 9: 303]; *отвозить* 1 – ‘избить’ [СРНГ: 24: 144]; *отжигать* 1 – ‘выздоровливать’, ‘оживать’ [СРНГ: 24: 182]; *подделывать* 1 – ‘доделывать, делать что-л. дополнительно’ [СРНГ: 27: 387]; *походить* 1 – ‘присмотреть, позаботиться’ [СРНГ: 30: 355]; *разговаривать* 1 – ‘рассказывать’ [СРНГ: 33: 304]; *разобратиться* 3 – ‘раздеваться’ [СРНГ: 33: 263]; *разузнуть* 1 – ‘устанавливать различия между кем-, чем-л.’ [СРНГ: 34: 70];

рядить – ‘судить, распоряжаться’ [СРНГ: 35: 341]; *сказаться* 1 – ‘признаваться, сознаваться’ [СРНГ: 37: 367] и некоторые др.

Глаголов, которые можно было бы отнести к собственно лексическим диалектизмам, не так много. Это, например, *скрячить* 1 – ‘связать кого-л.’ [СРНГ: 38: 170].

Солдат пошел; набрал соломы, завернул туда мужа, скрячил веревкой...
(ЛК II, с. 32).

Сюда же отнесем свойственные южным говорам слова *бачить* 1 – ‘видеть, смотреть’ [СРНГ: 2: 161] и *кохать* 1 – ‘любить кого-либо’ [СРНГ: 15: 120]. В них прослеживается влияние украинского языка (*бачити*, *кохати*), с территорией которого граничит Курская область [РУС: 39, 231]. Это же касается наречия *швытко* 1 – *швѣдко* [Там же: 29].

Да что ж, барин, я всегда ездил, а ходить швытко не могу (ЛК IV, с. 17).

Чуешь ли солома, // Бачишь ли солома, // Что водится дома? (ЛК IV, с. 19);

У нее был один только сын. Берегла она его и кохала, как только могла
(ЛК IV, с. 29).

Отдельно обозначим глаголы *рачить* 1 и *сигнуть* 1, которые фиксируются БАСом, но вместе с тем без каких-либо отличий приводятся в СРНГ. Нами они рассматриваются в качестве диалектизмов. *Рачить* – ‘быть старательным, проявлять усердие’ [СРНГ: 34: 348], *сигнуть* – ‘вскакивать на что-л.’ [СРНГ: 37: 277].

Видно, я худо рачил, мало трудился, теперь стану усердней! (ЛК II, с. 28).

Кот увидел волка, сабе испужалси, на бярезу как сигнеть... (ЛК I, с. 16).

Вторую обширную группу в составе диалектизмов образуют имена существительные (83 лексемы – 36%). Анализ их состава показал следующие результаты: наименования артефактов – 32 лексемы (39%), натурфактов – 22 (27%), социофактов – 16 (19%), ментифактов – 13 (15%).

Итак, бóльшую часть существительных составляет артефактная лексика. Разделим ее на несколько немногочисленных, но четко выделяющихся подгрупп:

1. Постройки и их элементы: *колодезь* 2 и *колодезек* 8 – ‘колодец’ [СРНГ: 14: 155], *куточек* 1 – толкуется через слово *куток* в значении ‘угол, уголок’ [СРНГ: 16: 173], *фортка* 1 – ‘небольшая дверь в заборе, калитка’ [СРНГ: 49: 152], семантический диалектизм *потолок* 7 – ‘чердак’ [СРНГ: 30: 289].

Лексемы *закутка* 1 и *закуточка* 3 толкуются через крайне многозначное слово *закута*, точное значение которого определить по имеющимся контекстам затруднительно.

Они пошли в закутку – гусёночка нету <...> Они баранчика в закуточку загнали (ЛК III, с. 11).

Вероятнее всего, имеется в виду ‘хлев’ или ‘отгороженное место в хлеву’ [СРНГ: 10: 181, 183]. Оба значения фиксируются на территории Курской области.

Также, на наш взгляд, в данную подгруппу следует включить слово *домовина* 1 – ‘гроб’ [СРНГ: 8: 119].

2. Наименования одежды составляют малочисленную подгруппу. Это *валенцы* 1 – ‘валенки’ [СРНГ: 4: 25], *кафтаник* 1, *смертельное* 1 – ‘одежда для умершего’ [СРНГ: 38: 360] и *понёва* 1 – многозначное слово, которое может называть юбку, платье, сарафан, жакет, шубу [СРНГ: 29: 254–255].

То бабью поневу наденет, то ведро на голову, и ходит так себе и улыбается (ЛК IV, с. 10).

3. Диалектных наименований пищи в курских текстах также немного: *наедки* 6 – ‘яства, угощения’ [СРНГ: 19: 262]; *топленка* 2 – ‘топленое молоко’ [СРНГ: 44: 247], *пасха* 3 – ‘пасхальный кулич’ [СРНГ: 25: 270].

4. В последнюю подгруппу мы отнесли наименования разных рукотворных предметов без общей тематики: *вар* 1 – ‘кипяток’ [СРНГ: 4: 39], *дровца* 1, *лечба* 1 – ‘лекарство’ [СРНГ: 17: 29], *мылице* 1, *снизка* 1 – ‘связка чего-л.’ [СРНГ: 39: 104], *чувал* – ‘большой мешок’ [БАС I: 17: 1143] и др. Отдельно здесь назовем примеры редких для курских сказок этнографизмов: *веретье* 1 – ‘грубая ткань, изготавливаемая из оческов льна, пеньки и употребляемая в качестве подстилки’

[СРНГ: 4: 142]; единственное диалектное наименование мебели *конишек* 2 – ‘широкая лавка у входной двери избы, имеющая вид ларя, с откидной крышкой или задвижными дверцами, и служащая местом для спанья, хранения посуды, продуктов, инструментов и т.п.’ [СРНГ: 14: 255]; *пральник* 3 – ‘валек для стирки белья на речке’ [СРНГ: 31: 66]; *рушка* 1 – то же, что рушилка – ‘мельница крупорушка ручная и с конным приводом или водяная’ [СРНГ: 35: 289].

Следующее место занимают имена натурфактов (22 лексемы – 27%). В первую очередь это наименования животных, большую часть которых составляют словообразовательные диалектизмы. Их семантика прозрачна, поэтому ограничимся перечислением: *волчушка* 2, *гусенок* 5, *гуска* 2, *овчонка* 1, *пчёлушка* 1, *соколочек* 1, *тетерь* 2, *ужа* 6. Исключением является широко распространенный в русских говорах лексический диалектизм *кочет* 1 – ‘петух’ [СРНГ: 15: 128]. Отнесем сюда также фонетический диалектизм *клёв* 1 – ‘клюв (птицы)’ [СРНГ: 13: 269], приводимый в словаре в контексте из курской сказки, и словообразовательный диалектизм *кожух* 1 в значении ‘кожа, шкура’ [СРНГ: 14: 54].

Фитонимов среди диалектных имен существительных немного: *жито* 3, *листвицы* 1, *оскорина* 1 – ‘ракита, ива’ [СКГ: 7: 99], *пенушек* – ‘пенек, пенышек’ [СРНГ: 25: 344].

То же можно сказать и о соматической лексике. Это словообразовательный диалектизм *головонька* 4, фонетический – *мизенец* 1, а также лексические – *лытка* 2 и *мосолыга* 1. Под *лытками* понимаются ‘ноги’ [СРНГ: 17: 226].

...А сама, поднявши *лытки*, пошла опять на раздобытки (ЛК II, с. 11).

Значение слова *мосолыга* не столь однозначно. Рассмотрим единственный контекст, в котором мать пытается спасти упавшего в колодец младенца.

Она кинулась *масалыгами* тянуть, а у ней стали [появились] *пальцы*. С тут ребеночка вытянула... (ЛК III, с. 26).

Поскольку до этого по сюжету героине отрубают пальцы, можно предположить, что речь идет об искалеченных конечностях. В СРНГ находим

слово *мосо́лыга* – ‘большая кость’ [СРНГ: 18: 286], что вполне соответствует контексту.

Группа имен социофактов объединяет редкие термины родства (*жана* 8, *жаних* 3, *свашечка* 1, *свекр* 1, *сеструшечка* 1), названия профессий (*ковалек* 3, *кухарка* 1), статус *княжевич* 7, очевидно, образованный по модели статуса *царевич*, и прочие наименования по различным признакам (*верхник* 1, *ворожок* 1, *говорила* 2, *говоруха* 1, *знатун* 1, *нарядница* 1).

Самой малочисленной оказалась группа имен ментифактов. Мы сочли возможным отнести сюда существительные *басловение* 3, *крупочка* 8, *круговина* 1, *немогота* 1, *роскошь* 1, *смысл* 1, *талан* 1. Также в данную подгруппу были включены существительные, называющие различные процессы: *бойло* 1, *гулюшка* 1, *замолотки* 2, *перепой* 1, *раздобыток* 2, *скоки* 1.

Диалектные имена прилагательные составляют малочисленную группу низкочастотных лексем (13 лексем – 6%), многие из которых фиксируются лишь однократно. В большинстве случаев это словообразовательные прилагательные с прозрачной семантикой: *аржаной* 1, *болелый* 1, *дурый* 2, *завистный* 1, *козиный* 1, *кониный* 1, *красовитый* 1, *матернин* 1, *независтный* 2, *поплшее* 1, *соловейский* 1. В качестве исключения выделим слова *мудренный* 3 – ‘умный, разумный, сообразительный’ и *лубяной* 3, фонетический вариант которого, предположительно, входит в состав сочетания *коза-лупяные глаза*.

Что ты, Коза-лупяные глаза, сделала, обидела Заиньку? (ЛК I, с. 25).

В СРНГ находим несколько возможных значений: 1. ‘глаза навывают’; 2. ‘бессмысленные глупые глаза’; 3. ‘бессовестные, бесстыжие глаза’ [СРНГ: 17: 174].

С точки зрения территориальной статистики наречия – самая широко распространенная группа слов. Почти все они встречаются во многих говорах разных регионов страны, а потому понятны многим носителям языка. Это, например, *дуже* 1 и *дюже* 4 – ‘очень, сильно, весьма’ [СРНГ: 8: 301]; *иде* 7 – ‘где’ [СРНГ: 12: 76]; *опосля* 4 – ‘после, потом’ [СРНГ: 23: 284]; *тогда* 31 – ‘тогда’ [СРНГ]; *туточки* 1 – ‘в этом месте, здесь, тут’ [СРНГ: 45: 297] и др. Более

территориально ограниченными можно назвать *игде* 1 – ‘где’ [СРНГ: 12: 61] и *повек* 1 – ‘никогда, во век’ [СРНГ: 27: 225].

В группу прочих частей речи вошли диалектизмы *дак* 1, *дыть* 2, *евоный* 1, *зазлобно* 1, *кабы* 1, *ка-га* 2, *курняв* 20, *нема* 13, *нетути* 8, *посеред* 1, *пуцай* 2, *рып* 6, *топу* 6, *тпру* 1, *увесь* 1 и сочетание *что зря* 1.

Завершая анализ, рассмотрим частотную статистику. Очевидно, что все без исключения диалектизмы находятся в периферии лексикона. По многочисленным приведенным примерам видно, что почти все они низкочастотны, многие из них входят в состав гапакса. В качестве наглядного подтверждения обратимся к распределению единиц по частотным интервалам.

Таблица № 10. Распределение диалектной лексики по частотности

Показатели частотности	Количество лексем	
hарах legomena	145	62%
частотность – в диапазоне от 2 до 4	67	28%
частотность – в диапазоне от 5 до 10	18	8%
частотность – 11 и выше	4	2%

Из таблицы четко видна закономерность снижения: чем выше показатель частотности, тем меньше количество лексем, при этом каждый раз количество уменьшается в среднем в 3 раза. Гапакс составляет самую обширную группу – 62% всей диалектной лексики. В группу частотных исключений (2%) вошли диалектизмы *тода* 31, *нема* 13, *увзять* 13 и *курняв* 20, который фиксируется в пределах одной сказки в повторяющихся конструкциях, обозначая мяуканье кошки [СРНГ: 16: 138].

Коточек камушек схватил под мышечку и к двери подбежал: – Курняв, курняв (ЛК III, с. 31).

2.3.5. Устаревшая лексика

К разряду устаревшей лексики относились слова, приводимые в словарях с соответствующей пометой – *устар.* Анализ показал, что в курских сказках данная группа представлена малочисленным набором единиц – всего зафиксировано 126

лексем в 391 словоупотреблении, что составляет примерно 3% от словника и меньше 1% от объема всего мегатекста.

При отборе материала было замечено, что очень часто устаревшие слова снабжаются в словарях дополнительными пометами. Больше всего случаев комбинаций с пометами *прост.* и *разг.* **Устар.**, **прост.**: *дите, испить, кликать, кус, любиться, меньшей, неужто, неуправка, пригоже, прогневить, промеж* и др. **Устар.**, **разг.**: *батенька, женин, караульщик, киселик, наказывать, подымать, разуметь* и др. Также фиксируем комбинации **устар.**, **поэт.** / **трад.-поэт.**: *град, зачать, серебро, княжий, око, чело, чертог; устар., **нар.-поэт.**: *кривда, суженая, пригожий* и др.*

Результаты частеречного анализа устаревшей лексики были отражены в Таблице № 11.

Таблица № 11. Распределение устаревшей лексики по частям речи

Глагол	Имя существительное	Имя прилагательное	Другие части речи
46 лексем 85 с/у	50 лексем 194 с/у	15 лексем 73 с/у	12 лексем 33 с/у

Несмотря на то, что с точки зрения лексического разнообразия глаголы и имена существительные оказались примерно равны, показатели частотности в тексте у вторых значительно выше. На долю имен существительных приходится около 50% от всех словоупотреблений устаревшей лексики. Проанализируем их состав.

Прежде всего это совокупность имен социофактов: *батенька* 1, *батюшка* 39, *детище* 2, *дите* 2, *маменька* 5, *мамушка* ('нянька') 5, *матушка* 28, *сударыня* 8, *сударь* 3. Реже встречаются названия профессий или наименования по роду занятий: *барышник* 1 – 'тот, кто занимается перепродажей ради барыша; перекупщик' и 'торговец лошадьми' [БАС II: 1: 404]; *караульщик* 4, *прислужник* 1, *швец* 2 – 'портной' [БАС I: 17: 1319]. К другим примечательным единицам отнесем слово *греховодник* 1 – 'тот, кто ведет себя безнравственно, неприлично' [БАС II: 4: 401].

Вторую обширную группу в составе существительных образуют названия артефактов. Здесь выделяется тематическая подгруппа наименований построек и помещений: *град* 4, *острог* 1, *палата* 11, *покой* 2, *хоромы* 2, *чертог* 1, а также *темная* 1 – ‘помещение для арестованных, карцер’ [МАС].

Так всех мужиков перепорол. Просидели они по три дня в темной, ну их отпустили домой (ЛК IV, с. 22).

Среди других наименований рукотворных предметов фиксируем слова *погребец* 6 – ‘дорожный сундучок для чайного, столового прибора и напитков’ [БАС II: 17: 374], *поставец* 11 – ‘род невысокого шкафа с полками для хранения посуды и других хозяйственных принадлежностей’ [БАС II: 19: 132], *стульце* 1 – ‘небольшой стул’ [БАС I: 14: 1107]. Интересно, что слово *сребро* 1 определяется словарем как устаревшее и поэтическое, тогда как *злато*, также встречающееся в текстах, к устаревшей лексике не относится и приводится с пометой *трад.-поэт.* [БАС II: 6: 737].

Отчетливо в составе устаревшей лексики выделяется ряд имен ментифактов: *здравие* 2, *кривда* 10, *наказ* 1, *наука* (‘обучение’) 1, *неуправка* 1, *помин* 2, *экономия* (‘экономика’) 1. Сюда же можно включить историзм *подушный* 1, называющий ‘подать помещику, налог государству, взимаемые с каждой души податного сословия’ [БАС II: 18: 232], хотя в определенной мере он сближается и с артефактной лексикой.

Щедро наградил он Симеонов, не велел с них оброку, подушного брать...
(ЛК II, с. 18).

Нехарактерными для курских сказок оказались устаревшие имена натурфактов. Фиксируем редкие примеры соматизмов (*око* 3, *чело* 1), наименование элемента природного ландшафта (*дуброва* 1) и орнитоним (*голубица* 1).

Группа глаголов представлена разнообразным, но низкочастотным набором лексем. Это *вздеть* 1, *взлезть* 3, *взрасти* 1, *высить* 2, *изволить* 1, *испить* 4, *ломить* 1, *любиться* 1, *нейти* 1, *обделать* 1 – ‘хитро, ловко обмануть’ [БАС II: 13: 44], *оглодать* 1, *отказать* 6 – ‘отдавать в наследство; завещать’ [БАС II: 14: 457],

откупиться 2, *поворотить* 1, *подымать* 1, *подыматься* 1, *пособить* 2, *поспешать* 1, *призирать* 1, *причитывать* 2, *прогневить* 1, *размыкать* 1 – ‘разрывать на части’ [БАС II: 22: 422], *разуметь* 1, *сбирать* 1 и др. Значимая часть устаревших глаголов снабжена пометой *прост.* (37%).

Из устаревших имен прилагательных в текстах обнаруживаются лексемы *горючий* (‘раскаленный, горячий’) 5, *красный* (‘красивый’) 26, *меньшой* 15, *младой* 2, *нареченный* 5, *пригожий* 5, *птичный* 1, *тороватый* 1, *честной* 1, а также притяжательные *батюшкин* 1, *дочернин* 1, *женин* 1, *княжий* 6.

В малочисленную группу других частей речи вошли лексемы *али / аль* 15, *боле* 3, *доколь* 2, *коли / коль* 3, *куда* 1 (в значении усилительной частицы), *не можно* 1, *наперед* 1, *неравно* 1, *неужто* 1, *пригоже* 1, *промеж* 1, *пуще* 3.

Также отдельно выделим фиксируемые словарем устойчивые сочетания: *добрые люди* 1, *добрый человек* 2, *играть / сыграть свадьбу* 3.

В целом устаревшую лексику курских сказок можно охарактеризовать как низкочастотную. Многие лексемы встречаются в текстах лишь единожды (69 из 126). Случаи же относительной частотности обусловлены использованием в пределах одного-двух текстов (*поставец* 11, *наслать* 11, *кривда* 10, *отказать* 6). В качестве исключений можем привести, например, широко распространенную в фольклорном языке пару *батюшка – матушка*, прилагательные *меньшой* и *красный* и частицы *али / аль*. Они обнаруживаются в разных текстах разных собраний.

2.3.6. Фольклоризмы

К *фольклоризмам* мы относили языковые единицы, приводимые в словаре со специальными пометами: БАС – *нар.-поэт.*, СРНГ – *фольк.* Также учитывались случаи, когда принадлежность к языку фольклора выражалась описательно: *баба-яга* – ‘в русских народных сказках – мифическое существо...’ [БАС II: 1: 324]; *оборотиться* – ‘в сказках, народных поверьях и т.п. – с помощью колдовства превратиться в кого-л., что-л.’ [БАС II: 13: 257].

Согласно нашим подсчетам, доля фольклоризмов в анализируемом мегатексте составляет менее 1 % – 66 единиц в 311 словоупотреблениях. Все они зафиксированы в Таблице № 12. Несмотря на малое количество, данная группа лексики представляет для нашего исследования особый интерес, поскольку является отличительной особенностью фольклорного языка.

Таблица № 12. Алфавитный список фольклоризмов

<i>баба-яга</i> 4	<i>молодушка</i> 1
<i>батюшка</i> 30	<i>молочная речка, кисельные берега</i> 3
<i>батюшка-царь / царь-батюшка</i> 8	<i>муравка</i> 2
<i>бездолье</i> 1	<i>ни в сказке сказать, ни пером описать</i> 4
<i>буйна голова / головушка</i> 2	<i>оборотиться</i> 1
<i>в некотором царстве, в некотором государстве</i> 4	<i>оброточка</i> 1
<i>волчюшка</i> 2	<i>ослабительное вино</i> 1
<i>голубчик</i> 1	<i>подкидышек</i> 3
<i>горе / горюшко горевать</i> 3	<i>по-над</i> 1
<i>гусь-лебедь</i> 11	<i>пригадывать</i> 1
<i>девица</i> 21	<i>пригожий</i> 5
<i>добрый молодец</i> 3	<i>приголубить</i> 1
<i>долго ли, коротко ли</i> 7	<i>путь-дорога</i> 1
<i>дуды-самогуды</i> 8	<i>пчелушка</i> 1
<i>думу думать</i> 2	<i>разлучница</i> 4
<i>жар-птица</i> 4	<i>река-рекой</i> 1
<i>ждать-пождать / -подождать</i> 4	<i>реченька</i> 2
<i>живая вода</i> 3	<i>родимый</i> 9
<i>жить-быть</i> 14	<i>седельце</i> 3
<i>загорюниться</i> 1	<i>сивка-бурка, вечная каурка</i> 2
<i>змеев</i> 1	<i>сильное вино</i> 1
<i>Змеевич</i> 5	<i>синее море</i> 3
<i>избушка на курьих ножках</i> 4	<i>соколочек</i> 1
<i>княжевич</i> 7	<i>соловушка</i> 1
<i>конечик</i> 1	<i>суженая</i> 2
<i>королевич</i> 16	<i>сырая земля</i> 5
<i>красный</i> 26	<i>травушка</i> 3
<i>кривда</i> 10	<i>трескун-мороз</i> 1
<i>кручиниться</i> 1	<i>тридевять земель</i> 1
<i>листвицы</i> 1	<i>тридесятое царство</i> 1
<i>матушка</i> 16	<i>честной</i> 1
<i>миловать</i> 1	<i>чуждедальний</i> 1
<i>молодец</i> 19	<i>яга</i> 2

Отметим некоторые лексикографические наблюдения, сделанные при отборе фольклоризмов. Во-первых, далеко не всегда под фольклоризмом понимается отдельное слово. Иногда в словарях соответствующими пометами снабжаются отдельные значения. Так, *голубчик* является фольклоризмом только в одном из двух значений: 1. *Нар.-поэт.* ‘То же, что голубок’. 2. *Разг.* ‘Ласково-фамильярное обращение (обычно к мужчине)’ [БАС II: 6: 262]. Также пометой могут снабжаться конкретные устойчивые сочетания и обороты. Например, лексемы *живой* и *вода* сами по себе не являются фольклоризмами, тогда как словосочетание *живая вода* приводится со специальными уточнением: ‘В народных сказаниях – чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь умершим’ [БАС II: 5: 631].

Во-вторых, не всегда зафиксированные в ходе исследования единицы полностью соответствовали фольклоризмам, отраженным в словарях. В некоторых случаях они видоизменялись, выражая территориальную языковую специфику. Таков, например, композит *ждать-подождать* 1, отличающийся вторым компонентом от приводимого словарями варианта *ждать-пождать* [БАС II: 5: 585]. Изменения фиксируем и в фольклоризме *сивка-бурка*, ***вещая*** каурка [БАС II: 25: 480]. В анализируемых текстах он представлен вариантом *сивка-бурка*, ***вечная*** каурка. Похожим образом трансформируются сказочные *гусли-самогуды* [БАС II: 24: 285] – в курском фольклоре они превращаются в *дуды-самогуды*. Принципом аналогии можно объяснить возникновение сочетаний *ослабительное вино* 1 и *сильное вино* 1. По сюжету одно вино дарует силу, а другое – лишает ее, ослабляя выпившего (ЛК IV, с. 31). Обратившись к СРНГ, обнаруживаем устойчивые сочетания *сильная вода*, *слабая вода*: *Фольк.* ‘В сказках – вода, которая делает пьющего ее человека сильным или слабым’ [СРНГ: 4: 330–331]. Общность семантики и совпадение определений, а также смысловая близость воды и вина позволили нам отнести данные случаи к фольклоризмам.

В-третьих, во время отбора материала было отмечено, что многие фольклоризмы снабжаются в словарях комбинированными пометами в разных вариациях: *нар.-поэт., разг. (7): горе / горюшко горевать, девица, миловать,*

молодушка, приголубить, родимый; нар.-поэт., прост. (1): *разлучница; нар.-поэт., устар.* (7): *батюшка, красный, кривда, матушка, пригожий, суженая, честной; устар., прост.* (1): *оборотиться.*

Отдельного внимания заслуживает помета *ласк.* В СРНГ фиксируем сочетание *фольк., ласк.* (4): *конечик, оброточка, пчелушка, соколочек.* БАС не дает самостоятельную помету *ласк.*, а включает ее в толкование в качестве сокращения: *соловушка* – ‘ласк. к соловей’ [БАС II: 26: 677]. Стоит сказать, что уменьшительно-ласкательная лексика составляет значительную часть фольклоризмов. Помимо уже приведенных примеров сюда относятся также (*буйна*) *головушка, голубчик, горюшко, молодушка, муравка, реченька, седельце, травушка.*

Завершая словарное описание фольклоризмов, отдельно обозначим все единицы, включенные в СРНГ. Некоторые из них фиксируются на территории Курской области: *волчушка (Курск.), Змеевич (–), княжевич (Курск.), конечик (–), листвицы (Курск.), оброточка (Курск.), пчелушка (–), соколочек (–), трескун-мороз (Курск.),* а также *подкидышек (Курск.),* принадлежность к фольклоризмам которого выражается описательно: ‘в сказках – ребенок-подкидыш’ [СРНГ: 28: 30]. Включение в словарь дает основание считать такие фольклоризмы единицами диалектной лексики.

Согласно статистике, четверть зафиксированных фольклоризмов являются составными, т.е. образуют устойчивые сочетания, сказочные формулы разного объема, что делает их частеречный анализ довольно проблематичным. Мы можем привести лишь общие наблюдения.

Самую обширную группу среди фольклоризмов составляют имена существительные: *баба-яга, батюшка, батюшка-царь / царь-батюшка, бездолье, волчушка, голубчик, гусь-лебедь, девица, дуды-самогуды, жар-птица, Змеевич, княжевич, конечик, королевич, кривда, листвицы, матушка, молодец, молодушка, муравка, оброточка, путь-дорога, пчелушка, разлучница, река-рекой, реченька, седельце, соколочек, соловушка, суженая, травушка, трескун-мороз, яга.*

Наиболее частотными среди имен существительных являются члены гендерной пары *батюшка* 30 – *матушка* 16 и объединяющиеся в условную пару лексемы *молодец* 19 – *девица* 21. Также высокочастотной является лексема *королевич* 16, входящая в состав композита *Иван-королевич* в 15 из 16 случаев. Частотность лексемы *кривда* 10 формальна и обусловлена повторяемостью в пределах одного текста, поэтому говорить о ее особой значимости не совсем корректно. Показатели частотности прочих фольклоризмов определяются как низкие (менее 10 словоупотреблений).

В отдельную группу следует выделить наименования распространенных в сказочной традиции волшебных существ: *баба-яга* 4, *гуси-лебеди* 11, *жар-птица* 4, *яга* 2. Рассмотрим их подробнее, поскольку они выступают устойчивыми жанровыми маркерами.

Образ бабы-яги в курских сказках представлен с двух противоположных позиций. С одной стороны, баба-яга выступает традиционно злым существом, которому противостоит главный герой (ЛК II, № 113, 114), а с другой – она помогает герою и даже выступает в роли дарителя, вручает ему волшебного помощника (ЛК IV, № 23).

Яга его накормила, напоила и спать уложила (ЛК IV, 39).

«Я тебе могу помочь. Дам тебе провозжатога, ты его во всем слушай».

Баба-яга позвала кота и проводила юношу с ним (ЛК IV, с. 39).

Говоря о языковых особенностях, отметим, что во всех трех сказках местом жительства бабы-яги оказывается *избушка на курьих ножках* (также фольклоризм), а сама она получает выразительные развернутые описания: *баба-яга, морда жилиная, нога глиняная* (ЛК II, с. 12); *баба-яга костяная нога, нос в потолок врос* (ЛК II, с. 15); *баба-яга, глаза горят, как угли в печи* (ЛК IV, с. 39).

Еще одним волшебным существом являются *гуси-лебеди* 11. Как и баба-яга, в курских сказках они показаны с двух противоположных сторон. Фиксируем как традиционный сюжет, в котором гуси-лебеди похищают брата, вынуждая сестру отправиться на его поиски (ЛК II, № 113; ЛК III, № 6), так и сюжет, в котором

гуси-лебеди, напротив, спасают главного героя, помогают вернуться домой (ЛК II, № 112).

«Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери» (ЛК II, с. 11).

Жар-птица 2 упоминается в курских сказках значительно реже *гусей-лебедей* 11 и в отличие от них не наделяется человеческими характеристиками. Примечательно, что в сказках разных собраний жар-птица вводится в текст с одним и тем же глаголом.

...Я б выткала ему кафтан из серебра, из золота, и сиял бы он как Жар-птица (ЛК II, с. 26).

...Видит сидит на дереве жар-птица <...> Принес ее домой, а она вся и сияет, как солнце (ЛК IV, с.32).

Группа глаголов представлена всего одним частотным фольклоризмом – *жить-быть* 14, что объясняется его использованием в структуре традиционной инициальной формулы, обозначающей существование героев. Она встречается в текстах всех четырех собраний.

Жил-был Марко Богатый (ЛК I, с. 22).

Жили-были себе царь и царица... (ЛК II, с. 21).

Жили-были отец и мать (ЛК III, с. 27).

Жил-был муж с женой (ЛК IV, с. 18).

В целом же глаголы-фольклоризмы в курских сказках маловыразительны – это редкие лексемы с низкой или единичной частотностью: *ждать-пождать* / *- подождать* 4, *загорюниться* 1, *кручиниться* 1, *миловать* 1, *пригадывать* 1, *приголубить* 1.

Из имен прилагательных в курских текстах зафиксированы фольклоризмы *красный* 26, *пригожий* 5, *родимый* 9, *честной* 1 и *чужедальний* 1. Они также значительно уступают в разнообразии именам существительным.

Среди составных фольклоризмов фиксируется большое количество широко распространенных в русской сказочной традиции устойчивых сочетаний: *сырая земля* 5, *живая вода* 3, *добрый молодец* 3, *синее море* 3, *буйная головушка* 2,

молочная речка, кисельные берега 3, тридесятое царство 1, тридевять земель 1, избушка на курьих ножках 4.

Отметим, что наиболее развернутые конструкции встречаются преимущественно в текстах собрания А.Н. Афанасьева. Возможно, причиной тому служит отмечаемое исследователями книжное влияние и обнаруживаемые в текстах следы литературной обработки [Праведников 2019₁].

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега (ЛК II, с. 12).

...Жила она от него за тридевять земель, в тридесятом царстве (ЛК II, с. 18).

Влез Ваня коню в одно ушко, вылез в другое и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать! (ЛК II, с. 19).

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь... (ЛК II, с. 26).

2.4. Выводы

Частеречный анализ ядра лексикона (топ-200 слов) показал, что в текстах курских народных сказок в большей степени представлен предметный (31,1%) и процессуальный (28,1%) мир. Признаковому пространству в них уделяется крайне малое внимание, оно представлено всего несколькими частотными именами прилагательными (2,5%) и группой широко распространенных в языке наречий (7,9%).

Анализ частотных имен существительных показал, что в предметном мире (топ-100 имен существительных) главное место занимают имена социофактов (45%), среди которых явно выделяются многочисленные термины родства (*брат, жена, муж, мать, дочь, сын, отец* и др.), наименования социального положения и рода занятий (*царь, барин, поп, солдат, охотник, король*), а также наименования по возрасту и полу (*мужик, старик, старуха, мужичок, дед*). Значительным разнообразием представлена группа имен натурфактов (29%), объединяющая наименования объектов природы: животных (*конь, волк, коза, лошадь, медведь*),

элементов ландшафта (*лес, земля, море*), частей тела (*голова, глаз, рука, нога*). Наименее значимыми для предметного мира курских сказок оказались группы имен артефактов (17%) и ментифактов (9%).

Анализ топ-100 частотных глаголов показал, что в большинстве своем процессуальный мир курских сказок представлен набором широко распространенных в языке глаголов, многие из которых приобретают в фольклорных текстах те или иные особенности сочетаемости или функционирования. На первое место в сказках выходят глаголы движения (18%), речевой деятельности и звучания (12%), бытия и существования (10%), описывающие внешние действия героев, их взаимодействия с окружающим миром и друг с другом. Вместе с тем глаголы, раскрывающие внутренний мир персонажей, например, глаголы интеллектуальной деятельности (5%) и эмоционального состояния (4%), отходят в курских сказках на второй план.

Имена прилагательные в анализируемом мегатексте представлены крайне ограниченным набором единиц: во всем словнике было зафиксировано всего 27 лексем с показателем частотности 10 или выше. Их анализ показал, что для курских сказок характерно описание физических параметров (возраста, размера, цвета, материала и т.д.). Так, наиболее частотными оказались антонимические пары *богатый – бедный, старший – младший* и *старый – молодой*. Абстрактным характеристикам в сказках уделяется малое внимание. Все частотные прилагательные, выражающие явную оценку (*хороший, милый, красный* ('красивый'), *любимый* и др.), обладают положительной коннотацией, что позволяет говорить об общем позитивном фоне признакового пространства курских сказок.

В ходе исследования подтвердился тезис о неоднородности лексического состава фольклорных текстов: в курских сказках были зафиксированы группы разговорной лексики (702 лексем – 15% словника), просторечной (139 лексем – 3%), устаревшей (126 – 3%), а также группы диалектизмов (233 – 5%), фольклоризмов (66 – 1%) и темных слов (9 – менее 1%).

Анализ группы диалектизмов (233 лексемы в 511 с/у), выступающих территориальными маркерами фольклорного языка, показал, что:

– курские народные сказки изобилуют фонетическими и грамматическими диалектизмами, передающими особенности южных говоров; в меньшей мере в них употребляются словообразовательные и лексические диалектизмы;

– самую обширную группу диалектизмов образует пласт междиалектной лексики (около 65%), затем следуют единицы южных говоров (30%) – это диалектизмы, фиксируемые на территории Курской, Брянской, Воронежской, Орловской, Тульской, Смоленской, Калужской областей; меньше всего в курских сказках было зафиксировано единиц северных говоров (5%);

– на территории Курской области фиксируется 134 из 233 диалектизмов (57%), у некоторых из них в месте записи указан исключительно Курск: *завернуть* ('повернуться'), *знатун*, *кафтаник*, *листвицы*, *подкидышек*, *пробечь*, *роскошь*, *соловейский*, *ублаживать*;

– самую многочисленную группу составляют глаголы (46%), второе место занимают имена существительные (36%); для сравнения: наречия – 6%, имена прилагательные – 6%, другие части речи – 7%;

– все без исключения диалектизмы характеризуются низкой частотностью и находятся в периферии лексикона, многие из них входят в состав группы *hарах legomena* (62%).

Территориальные особенности языка курских сказок удалось проследить и на уровне фольклоризмов. В анализируемом мегатексте они представлены небольшой группой из 66 лексем в 311 с/у. Во многом фольклоризмы продолжают сложившиеся в языке жанра традиции, являются широко распространенными в текстах фольклора единицами (напр.: *баба-яга*, *жар-птица*, *бабочка*, *матушка*, *молодец*, *девица* и др.), однако были зафиксированы и уникальные особенности, изменения устоявшихся форм (*сивка-бурка*, *вещая каурка* → *сивка-бурка*, *вечная каурка*; *гусли-самогуды* → *дуды-самогуды*; *сильная*, *слабая вода* → *сильное*, *слабое вино*).

ГЛАВА III. КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ КУРСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

3.1. Кластер «Семья»

3.1.1. Состав кластера «Семья»

На протяжении последних десятилетий курскими лингвофольклористами был разработан и предложен целый ряд методик, направленных на исследование как авторских, так и фольклорных текстов. Одним из их достижений стало использование *методики кластерного анализа* при описании языка фольклора.

Кластерный анализ представляет собой «лексикографическое описание всех входящих в кластер лексем с параллельным установлением всех связей каждого слова с остальными словами, представляющими один и тот же фрагмент фольклорной картины мира» [Хроленко 2009: 164].

Основой методики выступает распределение лексических единиц по *кластерам*. Под кластером понимается «совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и / или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента картины мира» [Там же: 163]. За словами, объединёнными в кластер, стоят культурные концепты. Если в кластере больше одного концепта, в нём можно выделить *субкластеры* [Там же: 164].

Методика кластерного анализа не раз применялась курскими филологами. Например, был составлен и описан кластер «Пища» в народных песнях и былинах [Бобунова, Климас 2001], кластер «Человек телесный» (соматическая лексика) на материале русских волшебных сказок [Петрухина 2006], кластеры «Оружие и снаряжение», «Письмо» и «Пища» на материале былин [Праведников 2011₃], кластер «Одежда и украшения» в исторических песнях [Степанова 2014], кластер «Одежда» в былинах [ب.ب.س ب راف يذذ يكوڤ , س.ا.ك ل يماس] и др.

В настоящем исследовании методика кластерного анализа послужила основой для изучения такой значимой части фольклорной языковой картины мира, как семья.

Семья выступает основной единицей структуры общества. Родственные узы – это самый ценный, близкий, понятный каждому человеку вид отношений. Уже сам факт рождения делает нас «многозначным (многовекторным) “субъектом родства”», включенным в «сложную сеть родственных отношений», которая «не остается неизменной и трансформируется с каждым новым событием рождения, заключения брака, смерти, происходящим с любым из членов родственной системы» [Толстая 2009: 17].

Вполне ожидаемо, что культурные представления о семье, о членах семьи и их взаимоотношениях находят широкое отражение в произведениях фольклора, в том числе и в курских сказках. Так, согласно нашим подсчетам, единицы кластера «Семья» фиксируются в 67 из 76 текстов (90%). При этом, как показывает анализ, использование единиц не ограничивается ни сюжетом, ни типом сказок – они встречаются как в бытовых и волшебных сюжетах, так и в сказках о животных.

Отметим, что тема семьи в исследованиях русского фольклора не нова. Ранее она уже освещалась, например, в работах курских филологов [Климас 2004₁, 2013, 2015; Праведников 2012₁; Супруга 2024]. На материале конкретно курских текстов ими были описаны статусы членов семьи в лирических песнях [Бобунова 2009; Климас, Кононова, Пономарева, Ткаченко 2021], частушках и сказках [Бобунова 2023₃; Демидова, Косицына 2024; Ковалев 2025₁, 2025₂].

Итак, в результате выборки в кластер «Семья» было включено 135 единиц в 1516 словоупотреблениях. В него вошли слова, выражающие разного типа взаимоотношения в семье, называющие и характеризующие участников этих взаимоотношений, а также слова, обозначающие процесс создания и функционирования семьи вообще. Состав кластера представлен в Таблицах № 13 и № 14.

Таблица № 13. Частеречный анализ кластера «Семья»

Имена существительные	Имена прилагательные	Глаголы	Наречия
95 лексем (69%) 1346 с/у (88%)	27 лексем (20%) 109 с/у (7%)	14 лексем (10%) 53 с/у (4%)	2 лексемы (1%) 17 с/у (1%)

Таблица № 14. Состав кластера «Семья»

Субкластер		Лексемы
Кровное родство 61 лексема 894 с/у	родители	<i>батенька 1, батюшка 30, батька 1, мама 4, маменька 5, матушка 8, матушка-Змея 2, матушка-сударыня 1, мать 95, мать-Змея 10, мать-царевна 1, отец 80, отец-мать 1, родители 1, сударыня-матушка 5, царь-отец 3; батенькин 1, батюшкин 1, материнский 1, матернин 1, матушкин 1, многодетный 1, отцов 5, отцовский 1, родительский 2</i>
	дети	<i>близнецы 1, девка 9, дети 34, детище 2, детки 19, деточки 6, дите 1, дитя 1, доченька 3, дочечка 1, дочка 38, дочь 91, дочь-невеста* 1, ребенок 9, ребеночек 6, сирота 4, сиротка 1, сын 84, сынок 6, сыночек 7; дочернин 1, сиротский 1</i>
	братья, сестры	<i>брат 152, братец 28, Иванушка-братец 3, сестра 78, сестра-невеста* 1, сестрица 25, сестрица-красавица 1; братьев 1</i>
	члены расширенной семьи	<i>внук 1, внучка 1, внучонок 1, двоюродная сестра 1, дед 7, дядя 6</i>
Отношения свойства 40 лексем 406 с/у	статусы до свадьбы	<i>Афанасий-жених 1, дочь-невеста* 1, жених (и жаних) 14, невеста 27, сестра-невеста* 1, суженая (сущ.) 2</i>
	свадебный обряд	<i>свадьба 21; женить 1, жениться 26, обвенчать 3, обвенчаться 2, обручиться 1, ожениться 1, перевенчать 1, перевенчаться 1, посвататься 1, сватать 1, свататься 4; венчальный 6; замужем 2, замуж 15</i>
	статусы после свадьбы	<i>баба 3, вдова 1, вдовушка 1, жена (и жана) 121, жинка 7, молодайка 5, молодые 6, муж (и мужа) 104, муженек 1, супруг 1, супруга 1; женатый 1, женин 1</i>
	отношения с учетом родственников супругов	<i>зять 4, лисичка-сватечка 2, лисушка-свашечка 1, свекр 1, теща 9, шурин 4</i>
Бликие неродственные отношения 22 лексем 124 с/у	<i>волчичек-куманечек 1, дети 4, дядька 31, коровушка-матушка 2, крестная 1 (сущ.), крестная мать 8, крестник 1, крестничек 3, кум 1, кума 6, кумушка 2, лисичка-сестричка 3, лисушка-кумушка 7, мамушка 5, мачеха 28, нянюшка 5, няня 2, отец 1, падчерица 9, родители 1, сын 1; дядькин 2</i>	
Общее указание на родство	<i>пращур 1, род-племя 1, родственник 1, родство 1, семейство 1, семья 2; народиться 3, родить 3, родиться 5; родимый 8, родной 11</i>	
Возрастные характеристики	<i>больший 3, большой 1, меньший 7, меньшей 15, младший 4, средний 8, старший 20</i>	

Основу кластера составляет *терминология родства* – «совокупность терминов, которыми обозначаются существующие в обществе родственные отношения» [Осадчева, Кидямкина, Зленко 2012: 97–98]. Традиционно в их составе выделяют две подгруппы:

1) *кровное (генетическое) родство*: прямая восходящая линия (*отец, мать, дед, бабушка, прадед* и др.), прямая нисходящая линия (*сын, дочь, внук, правнук* и др.), боковая линия (*брат, сестра, племянник, двоюродная сестра* и др.);

2) *отношения свойства* (*зять, невестка, тесть, теща, свекор, свекровь, шурин* и др.), включая статусы родителей супругов по отношению друг к другу (*сват, сватья*) [Юдина 2014: 17].

Иногда в работах по теме выделяют также подгруппу *терминов неродственных отношений*, объединяющую близкие связи, находящиеся за пределами крови и брака (крестные родители, приемные дети и т.п.) [Осадчева, Кидямкина, Зленко 2012].

Перечисленные подгруппы легли в основу членения кластера. Таким образом, в его структуре было выделено три одноименных субкластера, охватывающих все виды взаимоотношений в семье – кровные узы, отношения свойства и близкие неродственные отношения (см. Таблица № 14).

Однако, как отмечают исследователи, «утверждать, что существующая классификация терминов родства является законченной терминосистемой, закрытой к изменениям, не представляется возможным» [Косс 2022: 109]. Вопрос о принадлежности некоторых слов к группе терминов родства остается открытым. Например, не все исследователи включают в термины родства статусы *муж, жена, жених, невеста* [Юдина 2014: 17]. Неоднозначна и отнесенность статусов типа *отчим, мачеха, падчерица, крестник, крестная мать, кума*. Многие филологи придерживаются широкого подхода и причисляют их к терминам родства, вводя специальные наименования вроде *условное* и *искусственное родство* [Там же], *заместительное* и *духовное родство* [Качинская 2011: 20]. В некоторых работах подобные статусы не разделяются и относятся все к группе

неродственных отношений [Осадчева, Кидямкина, Зленко 2012]. Мы также придерживаемся этой точки зрения.

За пределами трех обозначенных субкластеров остались лексемы, которые мы сочли возможным разделить на две группы. В первую вошли единицы, выражающие семантику семейных уз, но не конкретизирующие их. Если остальные субкластеры охватывают конкретные типы отношений (кровные, свойства, духовные), то данная группа находится как бы над ними. Это нехарактерные для курских сказок слова *семья* 2 и *семейство* 1, а также ряд однокоренных лексем, указывающих на принадлежность к роду: *родной* 11, *родимый* 8, *народиться* 3, *родить* 3, *родиться* 5, *род-племя* 1, *родственник* 1, *родство* 1.

Вторую группу вне трех основных кластеров составляют возрастные характеристики. Это лексемы, у которых связь с кластером «Семья» передается не семантикой, а устойчивыми синтагматическими связями: в сказочном тексте определения типа *большой, меньшей, младший* традиционно используются по отношению к братьям, сестрам или детям вообще, при этом нередко заменяя их в контексте.

А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка (ЛК II, с. 9).

Легли старшие [братья] на перины и подушки, а у младшего не было. (ЛК III, с. 30).

Отметим, что процесс отбора единиц и формирования кластера в некоторых случаях носил спорный, субъективный характер. Прежде всего он осложнялся многозначностью исследуемых единиц. Многие термины родства в русском языке могут выступать в качестве уважительного, ласкового обращения или указания на возраст и пол. Установить грань между значениями в таком случае возможно только по контексту.

Вот он идет, идет, смотрит огонек светится. Подходит к нему, а около огня сидит дед <...> Тогда он и сказал ему: «А знаешь, дед, я на

том свете был и видел, что мой дед на твоём дедушке ездил» (ЛК IV, с. 30).

Таких слов в курских сказках немало: согласно статистике, слово *дети* используется в значении термина родства в 34 случаях из 54 употреблений, *батюшка* – в 30 случаях из 49 употреблений, *дед* – в 7 из 37, *деточки* – в 6 из 8, *девка* – в 9 из 29, *бабушка* – ни в одном случае из 10. Мы разводили значения этих слов и включали в кластер только те словоупотребления, которые подходили теме.

Отдельно следует сказать о сочетаниях терминов родства с наименованиями животных или неодушевленных предметов в обращениях людей: *матушка-горушка* 2, *матушка-печка* 2, *речка-матушка* 1 и др. Подобные примеры в состав кластера не включались, так как в текстах сказок они использовались в роли уважительного обращения.

Подбегает к печке. «Матушка-печка, скажи, не видала, куда гуси полетели?» (ЛК III, с. 13).

Особенно спорным видится композит *коровушка-матушка* 2, который приобретает оттенок, напоминающий отношения между матерью и ребенком. В сказке «Крошечка-Хаврошечка» (ЛК II, № 100) девочка остается сиротой, попадает к «людям», которые ее обижают. За помощью она обращается к волшебной корове, которая заменяет девочке мать, оберегает ее и заботится о ней даже после своей смерти. Принимая во внимание контекст, мы сочли возможным включить композит в кластер и отнести его к неродственным отношениям.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят» (ЛК II, с. 9).

В кластер включались примеры, когда животное выступало реальным родителем персонажа: *мать-Змея* 10, *матушка-Змея* 2 (ЛК III, № 16).

Особый случай составляют включаемые в кластер употребления семейных статусов в речи животных по отношению друг к другу: *лисушка-кумушка* 7,

лисичка-сестричка 3, лисичка-свateчка 2, волчичек-куманечек 1, кум Волчушка 1, лисушка-свашечка 1 и др. Они выступают примерами отраженной в языке специфики жанра, для которого характерен антропоморфизм животных, переложение на них человеческих ролей и видов отношений. Исследователи полагают, что это результат «сложных когнитивных процессов осмысления тотемно-родственных отношений между животными и людьми» [Данилова, Бубекова, Ибрагимова 2020: 23].

Итак, имея представление о структуре и составе кластера, а также о количестве и частотности входящих в него единиц, перейдем к рассмотрению его отдельных элементов.

3.1.2. Субкластер «Кровное родство»

Субкластер «Кровное родство» составляет бóльшую часть кластера – 61 лексема в 894 словоупотреблениях. Анализ его состава демонстрирует, что основной моделью в курских сказках выступает *нуклеарная семья*, состоящая «из супружеской пары и их неженатых / незамужних детей» [БРЭ]. Из Таблицы № 14 видно, что статусы родителей, детей, братьев и сестер характеризуются большим лексическим разнообразием и высокой частотностью. На нуклеарную семью приходится 55 лексем (40%) и 877с/у (58%) всего состава кластера, что позволяет говорить об особой значимости модели для курской фольклорной языковой картины мира.

Нуклеарной семье противопоставлена *расширенная семья* – модель семьи, которая включает несколько нуклеарных семей, главы которых состоят в родстве друг с другом, и объединяет три и более поколения родственников [Там же]. Для курских сказок такая модель оказалась нехарактерна. Среди терминов родства крайне редко встречаются наименования других кровных родственников. Это малочисленные примеры прямой линии (*внук 1, внучка 1, внучонок 1, дед 5*) и боковой линии (*дядя 6, двоюродная сестра 1*). Все зафиксированные лексемы крайне низкочастотны. Интерес здесь представляют термины *внук, внучонок и дед*, которые используются по отношению к сверхъестественным существам.

*Вдруг старый **чорт** высылает **внучонка** (ЛК IV, с. 39).*

***Чертенюк** нырнул и рассказал все **деду** (ЛК IV, с. 39).*

*Лев победил, старый **чорт** и кричит **внукам**, чтоб вытащили самую лучшую девицу-красавицу (ЛК IV, с. 40).*

Также из необычных особенностей можно отметить переложение семейных связей на животных.

*«Да вот моя свинья (**двоюродная сестра** вашей свинье) выходит замуж, так она просила, чтоб ее **сестру** с детками привезли на свадьбу» (ЛК IV, с. 20).*

Таким образом, становится, очевидно, что в описании кровного родства наше внимание будет сфокусировано на взаимоотношениях в нуклеарной семье, которые представлены парой *родители* и *дети*, а также связками детей в различных вариациях (*сестра* и *брат*, *брат* и *брат*, *три брата*).

3.1.2.1. Родители и дети

Наименования детей и родителей составляют самую обширную часть кластера (см. Таблица № 14). Народные сказки, сохранившие в сюжете следы обряда инициации, обладали дидактической направленностью и рассказывались для детей, чтобы научить и предостеречь их, а потому отношения между ребенком и родителями выходили в них на первый план.

Мать репрезентирована в курских сказках лексемами *мать* 95, *мать-Змея* 10, *матушка* 8, *маменька* 5, *сударыня-матушка* 5, *мама* 4, *матушка-Змея* 2, *матушка-сударыня* 1, *мать-царевна* 1, а также прилагательными *материнский* 1, *матернин* 1, *матушкин* 1. Основной лексемой-репрезентантом является одноименный термин *мать*. Среди прочих терминов родства он находится на четвертом месте, уступая в частотности лексемам *брат* 152, *жена* 121 и *муж* 104 (см. Таблица № 15).

Фигура отца представлена лексемами *отец* 81, *батюшка* 30, *царь-отец* 3, *батенька* 1, *батька* 1; *отцов* 5, *батенькин* 1, *батюшкин* 1, *отцовский* 1. Слово

отец, выступая основным репрезентантом, незначительно уступает в частотности лексеме *мать* и так же, как она, входит в ядро, занимая в нем 69 позицию.

Таблица № 15. Топ-10 частотных терминов родства в словнике

<i>брат</i> – 152	<i>сын</i> – 85
<i>жена</i> – 121	<i>отец</i> – 81
<i>муж</i> – 104	<i>сестра</i> – 78
<i>мать</i> – 95	<i>дети</i> – 38
<i>дочь</i> – 91	<i>дочка</i> – 38

В сказочных текстах данные термины тяготеют к сближению. Почти всегда вместо слова *родители* используется сочетание *отец и мать*, причем именно в такой последовательности. Вероятно, конструкция закрепились в языке, выражая главенствующую роль мужчины-хозяина в семье. Обратный порядок фиксируем лишь единожды.

Мать и отец бранились на нее: «Перемени сабе другаго жаниха!» (ЛК I, с. 14).

Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от *отца и матери*... (ЛК II, с. 12).

Вот *отец и мать* едут на базар <...> Приехали *отец и мать* с базара... (ЛК III, с. 13).

Крайней степенью сближения статусов стало образование композита *отец-мать* 1, построенного на основе суммарной семантики.

Не привел им бог возрасти под надзором *отца-матери* (ЛК II, с. 16).

Само же слово *родители* 2 (*родительский* 2) для курских текстов оказалось нехарактерно.

Юноша оседлал коня, подъехал к *родительскому* крыльцу, простился с *родителями* (ЛК IV, с. 38).

Необходимо заметить, что *отец* и *мать* – единственные нейтральные наименования родителей в кластере, все прочие варианты обладают явной коннотацией. В них выражается сохранившееся в языковой картине мира ласковое и глубоко уважительное отношение детей к родителям. Это, например, фольклоризмы *матушка* 8 и *батюшка* 30, которые приводятся в словарях с

примечанием: «обычно с оттенком почтительности» [БАС II: 1: 419; БАС II: 9: 601]. Почтительность, выражаемая термином родства *матушка*, значительно усиливается в составе композитов *матушка-сударыня* 1 и *сударыня-матушка* 5, где *сударыня* – ‘устарелая форма вежливого обращения к женщине’ [БАС I: 14: 1149]. В этой связи следует упомянуть и термин родства *маменька* 5 – ‘то же, что мама (с оттенком почтительности)’ [БАС II: 9: 490]. Все приведенные варианты используются преимущественно в прямой речи персонажей, нередко – в качестве обращений.

Тода Иван-царевич пришел опять к маменьки и сказал: «Маменька, паишишитя мене!» (ЛК I, с. 19).

«Хорошо, хорошо, батюшка!» – отвечали дети (ЛК II, с. 18).

«Дорогая сударыня-матушка! Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке» (ЛК II, с. 27).

Выделяются в этом плане композиты *мать-царевна* 1 и *царь-отец* 3, в которых оттенок почтительности выражается не семантикой терминов, а их сочетаемостью с титулами правителей.

Пара *papa* и *мама* оказалась нехарактерна для курских сказок: слово *мама* встречается всего четыре раза и используется в речи в качестве обращения, что выражает и подчеркивает ласковое отношение ребенка к матери; лексема *papa* не фиксируется.

Приходит и говорит: «Мама, за меня в субботу уж придёт свататься» (ЛК III, с. 21).

«Да нет, мама, она туточки, в сенях, за дверьми стоит» (ЛК III, с. 46).

Пришла и говорит: «Мама, там приехал какой-то дядя...» (ЛК IV, с. 40).

«Мама, там приехал какой-то дядя, очень на вас похож, не ваш ли брат?» (ЛК IV, с. 40).

Единственным исключением стал стилистически сниженный просторечный термин *батька* – ‘отец’ (обычно с оттенком непринужденности, грубоватой фамильярности) [БАС II: 1: 418].

*...А сын его Климка не в **батьку** пошел... (ЛК II: с. 29).*

Особого внимания заслуживают композиты *мать-Змея 10* и *матушка-Змея 2*. В них мать предстает не простым человеком, а волшебным существом. Отметим, что это не единственный случай. Так, например, в сказке «Братья» (ЛК IV, № 22) эта связь представлена описательно, через указание на кровное родство с архетипическим антагонистом главного героя – змеем.

*А была это колдунья, **мать змея пятиглавого**. Она как услышала, что **змея** убил охотник, вот и решила ему отомстить (ЛК IV, с. 37).*

Зафиксирован и случай прямого соприкосновения концепта «Мать» с к концептом «Волшебство» («Чудо»).

*Но **мать** яво была **волшебница** и знала, иде он был... (ЛК I, с. 12).*

Сближаясь с концептом «Волшебство», образ матери перенимает на себя роль сказочного дарителя.

*«**Мать, дай ему подарочек!**» <...> Она яму **подала скатяртъ и камянь** <...> «Вот этой скатерти скажи – подай напитков, наедков! И она сичас подасть. А камянь этот заложь куда-нибудь, то он будя тебе светиться луччи двадцати свечей!» (ЛК I, с. 20).*

***Мать** на прощанье **подарила** сыну **перстень** и сказала: «Вот тебе, дорогой сын, **перстень-талиман**, ты его береги, как глаз во лбу» (ЛК IV, с. 38).*

Родители редко получают качественную характеристику, атрибутивные связи называющих их лексем крайне ограничены. Единственное исключение – сочетаемость с определением *родной* (2 случая) и фольклоризмом *родимый* (7 случаев), подчеркивающими, усиливающими значимость кровных уз.

*Подлетели к окошечку **родимого батюшки** (ЛК II, с. 11).*

*Отняла у вас **отца родного**, // **Отца родного** – моего мужа... (ЛК II, с. 25).*

*Там мальчики росли-подрастали, **родимой матушки** не видали, не знали (ЛК II, с. 27).*

*Сели за стол, отведали лепешек и узнали **родимой матери** молоко* (ЛК II, с. 27).

Термины родства, называющие детей, более распространены в курских сказках, чем наименования родителей: *дети* 34, *детки* 19, *ребенок* 9, *деточки* 6, *ребеночек* 6, *детушце* 2, *дите* 1, *дитя* 1. В лингвистическом плане здесь выделяется устаревший термин *детушце* – ‘ребенок, дитя’ [БАС II: 5: 55], а также устаревший просторечный термин *дите* – ‘то же, что дитя’ [БАС II: 5: 128]. Изредка дети могут описываться через отсутствие родителей и семьи: *сирота* 4, *сиротка* 1, *сиротский* 1. К необычным характеристикам отнесем лексему *близнецы* 1.

*У бедного было двое детей, два сына, были они **близнецы*** (ЛК IV, с. 32).

Фигуры сына и дочери представлены в курских сказках терминами *сын* 84, *сыночек* 7, *сынок* 6 и *дочь* 91, *дочка* 38, *девка* 9, *доченька* 3, *дочечка* 1, *дочь-невеста* 1. Также в текстах была зафиксирована форма множественного числа *сыны*, которая приводится в словарях с пометой *высок*.

*Жил-был такой старичок, который трех своих **сынов** научил грамоте...* (ЛК II, с. 18).

*«...Я бы родила ему **сынов...**»* (ЛК II, с. 26).

Несмотря на разницу в количественном соотношении, показывающую, что наименования дочери встречаются в текстах чаще (суммарно сын – 97, дочь – 143), нужно сказать, что оба понятия являются в равной мере значимыми для фольклорной языковой картины мира, о чем наглядно свидетельствует высокая частотность основных лексем-репрезентантов *дочь* 91 и *сын* 84 – шестая и пятая позиции среди всей лексики системы родства (см. Таблица № 15).

Атрибутивные и субстантивные связи терминов показывают, что качественная характеристика детей в сказках осуществляется в основном с положительной стороны:

Сын. А: богатый 2, *дорогой* 1, *дородный* 1, *красивый* 1, *любимый* 9, *милый* 8, *новорожденный* 1, *сильный* 1, *славный* 1, *тороватый* 1, *умный* 3, *хороший* 2; *С: дурачок* 1, *милочка* 1, *сокол (ясный)* 1, *ягодка* 1.

Дочь. А: дородная 1, красивая 1, пригожая 5, умная 1, хорошая 6; S: красавица 1.

Помимо перечисленных примеров сын и дочь могут определяться по возрасту (*большой 1, маленький 2, меньший 1, младший 1, средний 2, старший 3*) или по иным характеристикам (*князьковая 1, купеческий 6, старикова 5, старухина 5, царская 4*).

Сын наделяется более разнообразным набором качеств и, в отличие от дочери, получает развернутые характеристики с волшебными свойствами и типичной сказочной символикой.

«Я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды» (ЛК II, с. 26).

...Родила два сыночка. Они росли не по дням, а по минутам (ЛК III, с. 17).

Через несколько времени родился у него сын очень умный, во лбу красное солнце, в затылке луна (ЛК IV, с. 38).

Пары детей вводятся в сказочный текст типичными инициальными формулами, однако в отличие от пар *муж – жена* и *отец – мать*, конструкция их ввода включает два блока – блок, вводящий родителей, и блок, вводящий непосредственно детей [Мальцева 2000: 70].

Жил старик с старухой. У них был сын да дочь (ЛК I, с. 17).

Жила-была старушка-княгиня; у нее росли сын да дочь... (ЛК II, с. 13).

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь... (ЛК II, с. 21).

В отношениях родителей и детей проявляется дидактическая направленность сказок. Отец и мать дают поручения, приказания или устанавливают запреты, поощряя за их соблюдение или наказывая в случае нарушения. В языковом плане это выражается сочетаемостью с глаголами волеизъявления и существительными, называющими вид волеизъявления.

Она пришла к мужу и рассказала ему, что отец приказал им сделать (ЛК I, с. 22).

...Матернино приказанье забыла и глазки смежила... (ЛК II, с. 9).

*А Ганне-панне **мать не велела** купаться (ЛК III, с. 24).*

*Отец, мать ему **не разрешают**... (ЛК III, с. 26).*

Действия сына или дочери требуют, как правило, отцовского одобрения, благословения, что также подчеркивает дидактический компонент сказок и передает культурные особенности взаимоотношений поколений «отцов и детей» той эпохи.

*...А сам пошел к **отцу**, испросил у няво **басловения** (ЛК I, с. 13).*

*...Перевенчалась на простом на мужику, на Афанасью, на отцовом работнику, **без отцова позволенья, без отцова басловенья** (ЛК I, с. 22).*

*Иван-царевич все слышал, все запомнил и, возвратясь к отцу, **просил позволение** жениться (ЛК II, с. 26).*

Почетное отношение к воле родителей достигает предела в случае их смерти. Перед самой смертью они оставляют детям наказ, который те обязаны исполнить.

*Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, **наказала сыну**... (ЛК II, с. 13).*

***Мать** заболела и **приказывает** <...>. Мать умерла (ЛК III, с. 18).*

*Когда **отец** умирал, то сыну давал такое **завещание**... (ЛК IV, с. 40).*

Завершая описание, отметим, что отношения между родителями и детьми в большинстве случаев пронизаны любовью и заботой. Частично мы уже показали это, рассмотрев уважительно-ласкательные формы, используемые в качестве обращений детей к родителям. Охарактеризуем теперь обратную связь: *родители* → *дети*. С одной стороны, теплые чувства и забота выражаются здесь действиями (*мать его накормила, напоила; мать её успокаивает; обхватил его [отец], привел к матери – пошло обниманье*), а с другой – терминами и характеристиками, определяющими ребенка в сознании и речи родителей. Например: *дорогой сын; доченька; дочечка; мой сыночек; сыновья мои милые, сыновья мои любимые; сынок; сыночек, милочка* и др. Реже встречаются антропонимы (*Машенька, Терешечка*).

Им отец говорить: «Сыновья мои милыи, сыновья мои любимыи, натея вам по стрелки, и стреляйте!» (ЛК I, с. 10).

Придет [мать], бывало, на берег и зовет: «Терешечка, мой сыночек!» (ЛК II, с. 10).

Мать заболела и приказывает: «Доченька, в сундуке, в ящичке, лежит орешек» (ЛК III, с. 18).

3.1.2.2. Братья и сестры

Группа братьев и сестер представлена небольшим набором лексем. Ее основу составляют пары *брат* 152 – *сестра* 78 и *братец* 28 – *сестрица* 25, к которым примыкают композиты *Иванушка-братец* 3, *сестра-невеста* 1, *сестрица-красавица* 1 и единичное притяжательное прилагательное *братов* 1. Поскольку использование любого из перечисленных терминов подразумевает наличие в контексте другого подобного термина, целесообразнее всего характеризовать их через связь друг с другом.

Анализ показал, что, в курских сказках распространены следующие модели взаимоотношений: *брат* и *сестра*, *два брата*, *три брата*, *три сестры*.

В паре *брат* – *сестра* брату «приписывается особая роль: спасителя, наставника, попечителя, а иногда и подопечного <...>. Не исключено, что это связано с наследственными правами, которые касались именно детей мужского пола. Сестер же следовало оберегать как более слабых и беззащитных, права же на наследство они не имели в связи с грядущим замужеством» [Алещенко 2007₁: 10]. С литературоведческой позиции курские сказки дают ценный материал для описания отношений *брат* – *сестра*, они фиксируют многие характерные сюжетные ситуации, однако с лингвистической точки зрения в этой паре мало примечательного.

Взаимоотношения между братом и сестрой основаны на заботе и показаны в основном с положительной стороны.

...Кровь брызнула, брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает: «Милый мой, ненаглядный мой!» (ЛК II, с. 15).

*Понес ведро сам шлейник и узнал жениного брата, а своего шурина. Он его пригласил к себе. Сестра очень **обрадовалась, напоила, накормила...*** (ЛК IV, с. 40).

Брат-субъект может перенимать на себя функции родителей – опекать сестер и заботиться об их замужестве.

*А брат вскочил ни горелый, ни болелый, обнял сестру и **отдал** ее за хорошего человека* (ЛК II, с. 15).

*Брат согласился и **выдал старшую** <...> **Согласился брат и выдал за горшечника среднюю сестру*** (ЛК IV, с. 40).

Необычным в этой связи видится венчание самого брата с сестрой, которое случается из-за колдовства злой ведьмы в сказке «Князь Данила-говорила» (ЛК II, № 114). В тексте подчеркивается преступность поступка, нарушающего законы общества, противоречащего религиозному мировоззрению народа.

*«Ах, **сестра**, ты моя суженая, **ты мне будешь жена!**» – «Что ты, брат! **Вспомни бога, вспомни грех, женятся ль на сестрах?**»* (ЛК II, с. 13).

Диминутивы *братец* 28 и *сестрица* 25 в большинстве случаев используются в речи персонажей. Например, в обращениях братьев и сестер друг к другу, что выражает теплые, ласковые чувства между родственниками.

*«О чем ты, **братец**, кручинишься?» – спрашивает его сестра* (ЛК II, с. 13).

*«...Остались мы, дети: я – царевна, да вот **братец** мой, царевич...»* (ЛК II, с. 22).

*«**Сестрица** Алёнушка, я напьюсь водички»* (ЛК III, с. 22).

Однако в положительных отношениях между братом и сестрой бывают и исключения. Например:

Брат разобиделся на сестру за такой поступок и решил уйти из дома, чтобы посмотреть по свету, есть ли люди дурее его сестры (ЛК IV, с. 19).

Взаимоотношения детей одного пола в курских сказках ничем не отличаются от других русских сказок – они представлены преимущественно с негативной стороны. Если «в отношениях брата и сестры обыкновенно царит любовь, почитание», то «между братьями и братом, сестрами и сестрой, напротив, нет взаимопомощи, возникают зависть, вражда, возможно предательство ради корысти, что осуждается людьми» [Алещенко 2007₁: 11].

Богатый [брат] с попом был в хорошей дружбе и не любил бедного [брата] (ЛК IV, с. 32).

Отношения родных сестер не характерны для курских сказок. Так, пара *сестра – сестра* не встречается ни в одном из рассмотренных сказочных сюжетов. В немногочисленных сказках о трех родных сестрах отношения показаны в резко негативном ключе.

Иван-царевич <...> взял за себя меньшую сестру и стал с нею жить-поживать душа в душу; а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло мерить... (ЛК II, с. 26).

Жили отец и мать. У них было три дочери. Младшая девочка Маша <...>. Идут сёстры в лес за ягодами, девочка за ними гонится. Они её взяли. Пришли в лес, ягод собрали, девочку зарезали... (ЛК III, с. 15).

Отношения братьев, напротив, являются самыми распространенными в курских сказках, во многом поэтому слово *брат* занимает первую позицию по частотности среди всех терминов системы родства (см. Таблица № 15). Анализ его синтагматических связей позволяет выделить ряд смысловых оппозиций.

1. Возраст – основная дифференцирующая характеристика братьев (*больший 3, большой 1, меньший 5, меньшей 12, старший 11*). Отметим, что в курских сказках возраст брата лишь один раз определяется прилагательным *младший*. Вместо него используется определение *меньший* и устаревший просторечный вариант *меньшой* [БАС II: 10: 67].

Жили два брата родные. Один брат большой, а другой меньшой (ЛК I, с. 24).

Вот меньший брат говорит жане: «Дай посмотрим, как старший брат поедет хлеб сеять» (ЛК I, с. 26).

Поехали старшие братья; пошел и меньшей брат пешечком (ЛК II, с. 19).

2. Чаще всего в сказках братья противопоставляются по материальному благополучию, что, очевидно, являлось в ту эпоху значимым показателем мужчины-хозяина. Каждый из братьев может характеризоваться как *бедный* 2б, *бедный-пребедный* 1, *богатый* 31; они могут *беднеть* 1, *богатеть* 2, *жить бедно* 1, *жить богато* 1, *обеднеть* 1, *разбогатеть* 1.

Жили два брата да разделились. Старший брат разбогател, а меньший брат обеднел (ЛК I, с. 26).

Жили-были два брата: один богатый был, а другой бедный (ЛК IV, с. 32).

3. Большое количество детей подчеркивает тяжелое положение бедного брата.

Один брат жил богато и детей у него было мало, а другой жил бедно и детей у него было много (ЛК III, с. 16).

Жили два брата. Один бедный и детей много, а другой богатый и детей мало (ЛК III, с. 40).

4. Также братья противопоставляются по интеллектуальным способностям.

Жил один мужичек. В няво было два брата. Те были умные, а он дурак (ЛК I, с. 17).

Жил два брата умных, один дурак. Они поделились, и дураку достался вол (ЛК III, с. 41).

Жили два брата умных, один дурак. Вот они поехали в поле пахать... (ЛК III, с. 42).

5. Редким является противопоставление по образу жизни.

Второй брат жил в это время далеко в другом городе и жил несчастливо: пил, гулял да драки устраивал (ЛК IV, с. 37).

Если братьев больше двух (чаще всего трое), то главная роль отводится младшему ребенку, тогда как старшие «изображаются неиндивидуализированно, не всегда наделяются собственным именем и даже могут объединяться в границах одного образа» [Климас 2021₁: 30]. Младший (третий) брат традиционно во всем уступает старшим (первым двум), их характеристика также строится на антитезе.

Жил царь с царицей. У них было три сына: Адам-царевич, Любим-царевич и Иван-царевич. <...> Иван-царевич заплакал, сказал: «У тех братьев жены есть, а у меня нету» (ЛК I, с. 11).

Старшие два брата какие были молодцы: и рослы, и дородны! А меньшей, Ванюша, – как недоросточек, как защищенный утеночек, гораздо поплше (ЛК II, с. 18).

«В русском национальном менталитете заложено тёплое и сочувственное отношение к тем, кто обделён какими-то качествами, кому не свойственны внешние проявления силы, ума, красоты, успешности» [Климас 2021₁: 13]. Поэтому самые слабые и незаметные дети выделяются и становятся главными героями сказок.

3.1.3. Субкластер «Отношения свойства»

Субкластер «Отношения свойства» включает 40 лексем в 406 с/у. Он уступает субкластеру «Кровное родство» как в лексическом разнообразии, так и, что более показательнее, в количестве словоупотреблений – более чем в два раза (406 с/у – 894 с/у). Почти все лексеммы в нем низкочастотны или входят в состав гапакса, доля которого составляет около 40%. Однако есть и исключения: *жена* 113, *муж* 94, *жениться* 26, *свадьба* 21.

В структуре субкластера можно выделить 4 группы (см. Таблица № 14): 1) статусы до свадьбы; 2) лексеммы, называющие свадебный обряд; 3) статусы после свадьбы; 4) статусы с учетом родственников супругов.

1. *Статусы до свадьбы* представлены небольшим количеством лексем. Это *невеста* 27 и *жених* 14 (с фонетическим диалектным вариантом *жаних* 3 [СРНГ: 9: 71]), а также включающие их композиты *дочь-невеста* 1, *сестра-невеста* 1 и

Афанасий-жених 1. Выделяется здесь слово *суженая* 2 – ‘невеста’ [БАС I: 14: 1172]. Обращаем на него особое внимание, поскольку оно приводится в словаре с пометой *народно-поэт.*, то есть входит в разряд фольклоризмов.

Слова данной группы обладают невыразительными синтагматическими связями. Например, единственное зафиксированное определение – *нареченный жених* 2 и *нареченная невеста* 2. Несколько более информативным видится анализ их сочетаемости с глаголами. В языке курских сказок сохранилось традиционное распределение «обязанностей»: жених – активный субъект действия, который ищет или выбирает невесту, тогда как невеста – лишенный самостоятельности объект его поисков или выбора.

Выбирай себе невесту, старшую дочь мою... (ЛК I, с. 6).

Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут! (ЛК II, с. 8).

А ты возьмешь себе невесту в двадцать девятом царстве (ЛК IV, с. 40).

...Сядет она в этом храме на высоком троне и будет ждать жениха... (ЛК II, с. 18).

Однако, что интересно, есть и исключения. Так, в сказке «Тазана царевна-королевна» (ЛК I, № 4) дочь царя самостоятельно выбирает избранника, что, возможно, отсылает к обычаю смотра невест главой государства на Руси.

*Она яму сказала: «У нас будя завтра **выбор жанихов**, ты приходи, и я **выбярю тебе**»* (ЛК I, с. 13).

2. Отдельно была выделена группа лексем, называющих свадебный обряд. Анализ показал, что в курских сказках представлены его разные этапы: сватовство (*посвататься* 1, *сватать* 1, *свататься* 4), обручение (*обручиться* 1), венчание (*венчальный* 6, *обвенчать* 3, *обвенчаться* 2, *перевенчать* 1, *перевенчаться* 1) и непосредственно свадьба (*женить* 1, *жениться* 26, *замуж* 15, *замужем* 2, *ожениться* 1, *свадьба* 21).

Свадьба в курских сказках не получает каких-либо характеристик, в текстах отмечается лишь сам факт ее проведения. В языковом плане здесь можно

выделить обороты *играть свадьбу 1, сыграть свадьбу 2, погулять на свадьбе 1, сделать свадьбу 1*. Свадьба воспринимается как праздник, как радостное событие, обозначающее удачное разрешение конфликта, начало нового этапа и счастливого будущего для героев.

Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними... (ЛК II, с. 22).

Сыграли свадьбу, и стал охотник королем. Любились здорово они с женой и правил народом хорошо (ЛК IV, с. 36).

Сыграли свадьбу, а после свадьбы стали жить-поживать и добра наживать (ЛК IV, с. 38).

Понятие свадьбы раскрывается также частотным глаголом *жениться* 26 и наречием *замуж* 15, называющими процесс вступления в брак для разных полов. Если женитьба – это вопрос желания субъекта (*решил жениться, захотел жениться, собрался жениться*), то в замужестве, как и в случае со статусом *невеста*, прослеживается несамостоятельность девушки, выражаемая глаголами *выдать* (замуж), *отдать, взять, приневоливать пойдить*, а также оборотом *возвращаться с требованием выдачи замуж*. Однако нельзя сказать, что невеста в курских сказках полностью лишена свободы воли. Так, фиксируем устойчивые сочетания *выходить замуж 3* и *пойти замуж 4*, делающие девушку субъектом действия. В одной из сказок невесте предлагается выбор:

Приезжает к невесте, отдал драгоценный камушек. «Пойдёшь замуж за меня?» (ЛК III, с. 31).

Отметим, что, как и свадьба, женитьба и замужество в курских сказках воспринимаются в положительном ключе.

...Сам женился на ее подруге, которой и перстенок пришелся по ручке, и зажили все припеваючи (ЛК II, с. 15).

А сам женился на Елене Прекрасной и задал пир на весь мир (ЛК II, с. 18).

И невеста за него замуж вышла, и стали жить-поживать и добра наживать (ЛК III, с. 34).

3. Основу отношений свойства составляют *статусы, возникающие после свадьбы*, в частности наименования супругов – *жена* 121 и *муж* 104, на которые приходится более 50% словоупотреблений всего субкластера (225 из 406), что в очередной раз подчеркивает значимость модели нуклеарной семьи для фольклорной картины мира курских сказок. Отметим, что в анализируемых текстах встретился фонетический диалектизм *жана* 8 [СРНГ: 9: 71] и не зафиксированная в словарях форма обращения *мужа* 10. Поскольку их отличия от литературных вариантов минимальны, при подсчетах частотности их показатели суммировались.

Частотность лексем *муж* и *жена* высока. Они входят в состав ядра лексикона и занимают в нем 45 и 54 позиции соответственно (см. Приложение № 1). Кроме того, они выходят на второе и третье место по показателю частотности среди всех терминов родства в словнике (см. Таблица № 15).

Как и другие социофакты, термины родства *муж* и *жена* нередко используются в узкой номинативной функции для обозначения героев сюжета и их действий. Например, в сказочных зачинах с традиционными инициальными формулами.

Жили муж с женой... (ЛК II, с. 32);

Жил муж с женой. Мужа звали Тарас, а жену Пелагея (ЛК IV, с. 17);

Жил-был муж с женой (ЛК IV, с. 18).

Анализ атрибутивных связей показывает, что фигура мужа в курских сказках получает слабую качественную характеристику. Во всех 76 текстах фиксируем лишь несколько примеров.

Она опять убудила своево нареченного мужа (ЛК I, с. 6).

А муж Марьи, Василий, был мужик умный... (ЛК IV, с. 8).

«Милый мой муженек, на кого ты похож?» (ЛК IV, с. 21).

Бросилась мужу на шею, целует приговаривает: «Заждалась я тебя, ненаглядненького» (ЛК IV, 22).

Атрибутивные связи лексемы *жена* более разнообразны. Чаще всего она характеризуется в негативном ключе: *бойкая, ленивая, неверная, плохая; скрытна,*

мудрена (об умении лгать). Реже – в положительном: *красивая, прекрасная, весела, молода*.

Действия мужа и жены по отношению друг к другу также характеризуются глаголами с преимущественно отрицательной коннотацией.

Муж. V_s (по отношению к жене): *бояться, стегать, приказывать судить, упрекать, наброситься* (с руганью на жену), *нападать* (на ж.), *проследить* (за ж.), *отказаться* (от ж.).

Жена. V_s (по отношению к мужу): *бить, выслать, жаловаться, задумать, сгубить, избивать, изругать, недолюбливать, надоесть, обманывать, погубить, приказывать, сбывать, садиться* (верхом на мужа), *наброситься* (на м.).

*Жил мужик со своей женой. Жена была бойкая и часто **била** его* (ЛК IV, с. 15).

*Она **набросилась** на мужа и начала его **избивать**...* (ЛК IV, с. 16).

*Однажды он возвратился с поля усталым, заметил дома какую-то неуправку и **набросился с руганью** на жену* (ЛК IV, с. 17).

Отношение жены к мужу в курских сказках довольно неоднозначно. С одной стороны, она видит в нем защиту и относится к нему с теплыми чувствами, а его утрата становится для нее горем (ЛК III, № 11; ЛК IV, № 1, № 18).

*...Я, **бедная вдовушка**, стану кукушкой куковать, своего **мужа вспоминать*** (ЛК III, с. 22).

С другой стороны, жена воспринимает мужа как помеху, от которой она стремится избавиться.

*Жили муж с женой, по виду будто хорошо, да как-то жена была *мудрена* <...> так и **старается ему дело найти**, куда-нибудь **с рук сбывать**...* (ЛК II, с. 32).

*Однажды жена послала мужа в Рим купить римского масла. Это было сделано с целью **избавления** от мужа* (ЛК IV, с. 18).

*А жена было надеялась: **авось муж пропадет!*** (ЛК II, с. 20).

В противовес хитрости жены, ее «скрытности» и «аккуратности» основными качествами мужа становятся глупость, неведение и доверчивость.

*Придет муж – и чисто и прибрано; сама [жена] охает, больна, на лавочке лежит. Муж **верит**, чуть сам не плачет...* (ЛК II, с. 32).

*Жена недолюбливала мужа, а поэтому во время его отсутствия она заводила себе друзей <...> Муж **не знал** этих проделок жены* (ЛК IV, с. 18).

*Так муж и **поверил** жене, что ночью черти приходили* (ЛК IV, с. 22).

К паре муж и жена примыкают также лексемы *жинка* 7, *молодые* 6, *молодайка* 5, *баба* 3, *вдова* 1, *вдовушка* 1, *муженек* 1, *супруг* 1, *супруга* 1. Все они крайне низкочастотны, их использование ограничивается одним или двумя текстами.

Лексемы *супруг* и *супруга* обладают оттенком официальности, что выражается их сближением в контексте с фигурой царя или царской семьей.

*«Сыновья мои милыи, сыновья мои любимыи! Собирайтесь ко мне завтра на бал уместя с **супругами**». Тогда **Иван-царевич** пошел и заплакал* (ЛК I, с. 12).

*А **супруг** ее, князь-княжевич **Иван-королевич**, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой* (ЛК II, с. 20).

Согласно словарям, термин *молодайка* – ‘то же, что *молодица*’ [БАС II: 10: 336], то есть ‘молодая замужняя женщина’ [Там же: 340]. Но если *молодица* определяется как фольклоризм, то в вопросе отнесенности слова *молодайка* словари расходятся. Так, БАС приводит его с пометой *прост.*, а МАС – с пометой *обл.* В СРНГ данное слово не зафиксировано, что дает основание считать его просторечным.

Мы уже отмечали, что определение *молодой* воспринимается в курских сказках в положительном ключе. То же можно сказать и о слове *молодайка*, у которого указание на возраст заложено в семантике.

*...Особенно любили поухаживать за **хорошенькими молодайками*** (ЛК IV, с. 8).

*Недалеко от него жила **красивая молодайка*** (ЛК IV, с. 8).

Слово *жинка* признается словарями просторечным [БАС II: 5: 664; МАС]. Вероятно, в нем прослеживается влияние украинского языка, в котором есть слово *жінка* с тем же значением [РУС: 119].

«Жинка, вставай! Пряди» (ЛК III, с. 45).

Заболела у мужика жинка и говорит ему... (ЛК IV, с. 11).

4. *Отношения с учетом родственников супругов* оказались нехарактерны для анализируемого мегатекста. Были зафиксированы низкочастотные лексемы *теща* 9, *зять* 4, *шурин* 4, *лисичка-свateчка* 2, *лисушка-свашечка* 1 и *свекр* 1. В тексте они воспринимаются как фоновый факт наличия у персонажа родственных связей без каких-либо дополнительных характеристик.

И одна из них махнула рукавом, свекру глаз выбила (ЛК I, с. 12).

В отсутствие Тараса к нему в дом пришла его теща посмотреть, чем занимается ее дочь (они жили по соседству) (ЛК IV, с. 18).

Понес ведро сам шлейник и узнал жениного брата, а своего шурина (ЛК IV, с. 40).

Подводя итог, можно сказать, что отношения свойства в курских сказках выражены слабо. За исключением некоторых единичных случаев они представлены ограниченным набором единиц с низким или однократным показателем частотности. Субкластер «Отношения свойства» заметно уступает субкластеру «Кровное родство», что позволяет судить о разной степени приоритетности обоих видов отношений для языковой фольклорной картины мира курских сказок.

3.1.4. Субкластер «Бликие неродственные отношения»

Самый малочисленный субкластер образуют термины неродственных отношений – 22 лексемы в 124 с/у. Эта условная группа с расплывчатыми границами объединяет наименования людей, принимаемых за членов семьи не из-за биологического родства или брачных связей (кроме мачехи и падчерицы), а по причине дружбы, доверия, возникшей духовной связи.

В субкластере проявляются четыре вида отношений: 1) между ребенком и одним неродным родителем; 2) между приемными родителями и детьми; 3) между участниками обряда крещения; 4) между воспитателем и воспитанником. Рассмотрим каждый из них.

1. *Отношения между ребенком и одним неродным родителем* представлены парой *мачеха* 28 – *падчерица* 9. Указанные слова оказались самыми частотными во всем субкластере. Отметим, что их гендерные варианты *отчим* и *пасынок* не были зафиксированы ни разу, хотя само понятие пасынка в сказках встречается (ЛК III, № 15).

Вопрос отнесенности данных лексем к кластеру неоднозначен. С одной стороны, они могут считаться терминами свойства, поскольку возникают в результате заключения брака. С другой стороны (и мы придерживаемся этой позиции), отношения между мачехой и падчерицей или пасынком выступают аналогом отношений матери и детей, а потому относятся не к свойству, а к близким неродственным отношениям.

Сюжет о мачехе и ее нелюбви к детям мужа от первого брака широко распространен в сказках разных народов. Курские тексты не стали исключением, образ «чужой» мачехи в них связан со злом и резко противопоставляется любви и заботе «своей», родной матери. В языковом плане это выражается сочетаемостью с глаголами с яркой отрицательной коннотацией: *броситься* (на ребенка), *возненавидеть*, *невзлюбить*, *согнать* (со двора), *решить погубить*, (еще больше) *работы задать*.

И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали...» (ЛК II, с. 7).

Отец её женился на другой, взял жену с двумя девками. Мачеха и девки возненавидели девочку (ЛК III, с. 18).

Сохраняется в курских текстах и традиционное противопоставление в глазах мачехи любимого «своего» ребенка и нелюбимого «чужого».

*У мачехи была **падчерица** да **родная дочка**; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А **падчерица** как ни угождает – **ничем не угодит, все не так, все худо...** (ЛК II, с. 7).*

2. *Отношения между приемными родителями и детьми оказались нехарактерны для курских сказок. В мегатексте было зафиксировано всего два примера (ЛК II, № 147; ЛК IV, № 22). Внешне в них термины неродственных отношений совпадают с терминами кровного родства (*дети 4, отец 1, родители 1, сын 1*), и лишь в контексте, например, по сочетаемости с глаголами, можно провести их четкое распределение по субкластерам. Привычные для нас статусы *приемный ребенок / родитель* в текстах тех лет, конечно, не использовались.*

*Едет мимо царь; удивился, что малые дети не по силе работают <...>; дознался, что у них нет ни отца, ни матери. «Я, – говорит, – **хочу быть вашим отцом...**» (ЛК II, с. 16).*

*Понравились деду дети и решил он их **взять в сыновья**. Стали **дети жить хорошо у новых родителей...** (ЛК IV, с. 33).*

3. *Отношения между участниками обряда крещения представлены статусами *крестник 1, крестничек 3* – с одной стороны; *волчичек-куманечек 1, крестная 1, крестная мать 8, кум 1, кума 6, кумушка 2, лисушка-кумушка 7* – с другой.*

«У всех славян главным и наиболее почитаемым видом ритуального родства считается духовное родство (крестильное родство, кумовство), налагающее на восприемника ответственность за судьбу и нравственный облик своего крестника, который в свою очередь всю жизнь воспринимает своих крестных родителей как самых главных и авторитетных родственников (нередко ставит их выше родителей)» [Толстая 2009: 14].

Наиболее показательным в этом отношении является термин *крестная мать 8* (*крестная 1*). Ранее мы уже говорили о защитной функции родителей. В сказке «Мачеха-Ведьма» (ЛК III, № 15) эту обязанность перенимает на себя крестная, заменяющая крестнику умершую мать.

*Мачеха его была ведьма. И мачеха очень невзлюбила Ваню. Решила погубить <...>. А у Вани была **крёстная мать**, та была посильнее ведьмы* (ЛК III, с. 27).

Данный пример ценен для описания религиозного мировоззрения народа, отраженного в фольклорной языковой картине мира. В нем проблема борьбы добра и зла воплощается в противостоянии крестной матери, чья сила подкреплена верой в бога, и мачехи-ведьмы, ее колдовства, нарушающего законы религии. Таким образом, фольклор фиксирует особую значимость крещения. В представлении людей участники обряда наделяются духовной силой, способной оберегать человека, противостоять нечистой силе.

Отметим также сопряженность участников крещения с другими обрядами. Например, в сказках сохранилось указание на значимое участие крестного отца в свадьбе крестника. Еще одним примером выступает участие кумовьев в похоронном обряде, где они омывают и одевают умершего. Все это подчеркивает близкую связь, родство, возникающие между людьми в результате крещения.

*Приходит крестьянин на свадьбу кликать <...>. Пошёл он **благословлять крестника*** (ЛК III, с. 5).

*Купальщицы говорят: «Ну, **кума**, давай смертельное мужу»* (ЛК IV, с. 21).

Прочие термины крещения в курских сказках являются примерами персонификации животных. Вероятно, так выражается закрепившееся в сознании человека представление о них как о членах одной духовной семьи мира фауны. Константой всех случаев применения статусов крещения к животным выступает лиса.

*«А ты что, **Лисушка**, сюда мешаешься, не с тобою дело занято». «Ну, погоди, **Коза-лупяные глаза**, я пришлю своего **кума**, **Волчюшку**, он тебе отсюда выживет»* (ЛК I, с. 25).

*Прибежала [лиса], у неё спрашивают волк, медведь, зайчик: «**Как крестничка зовут?**»* (ЛК III, с. 9).

*«**Лисушка-кумушка**, что ты ешь?»* (ЛК III, с. 12).

Отдельно отметим композит *лисичка-сестричка* 3. Несмотря на то, что в его структуре находится диминутивный термин родства, он был включен в субкластер неродственных отношений, т.к. не подразумевает наличие кровной связи.

Бежит зайчик: «Лисичка-сестричка, свежи меня» <...> Бежит другая лисичка. «Лисичка-сестричка, свежи меня» (ЛК III, с. 11).

4. Отнесенность *отношений между воспитателем и воспитанником* к кластеру «Семья» довольно условна. Мы исходили из того, что это люди всегда в какой-то степени включены в семью, в той или иной мере заменяют родителей, между ними и детьми устанавливается духовная связь. Все это, на наш взгляд, вполне соответствует критериям субкластера.

В курских сказках из наименований воспитателей фиксируем лексемы *дядька* 31 (и имя прилагательное *дядькин* 2), *мамушка* 5, *нянюшка* 5, *няня* 2. Отметим, что частотность статуса *дядька* обусловлена сюжетом всего двух сказок (ЛК I, № 4, № 10), поэтому говорить о его особой значимости для всего мегатекста не приходится.

В языковом плане в статусах воспитателей мало примечательного. Все они служат фоном, окружением, дополняющим образ богатой, чаще всего царской семьи.

У то время Иван-царевич узял с собою дядькю и сел на коня, а дядька на другова (ЛК I, с. 19).

...На берегу кричали, плакали нянюшки, мамушки, только царь-отец, рассылал погоню во все концы... (ЛК II, с. 18).

Няня бежит к царю и кричит: «Какой-то паршивый мальчишка увез царевну Елену!» (ЛК IV, с. 41).

Итак, проведенный анализ показал, что в курских сказках представлены разные виды близких неродственных отношений, однако нельзя сказать, что им отводится такое же значимое место, как терминам родства или свойства. Субкластер представлен ограниченным набором лексем с низкой частотностью. И все же, несмотря на это, они выражают важные для раскрытия фольклорной

картины мира виды взаимоотношений, стоящие за ними концепты и культурные стереотипы.

3.2. Кластер «Животные»

3.2.1. Состав кластера «Животные»

В прежние времена животные играли особую роль в жизни человека, они составляли основу его быта, таких значимых для выживания занятий, как животноводство, земледелие, охота, обмен и торговля. Человек находился в постоянном контакте с миром фауны: наблюдал за домашними животными, птицами, насекомыми, сталкивался с дикими зверями в естественной среде их обитания. Животные наделялись в сознании людей множеством культурных смыслов, суеверий, религиозных представлений, связывались с приметами, мифами и обрядами. Поэтому вполне объясним тот факт, что зоонимы составляют немаловажную часть фольклорной языковой картины мира русского человека.

Зоонимическая лексика была выбрана в качестве материала для кластерного анализа, поскольку именно в сказочном жанре она предстает во всем своем разнообразии и выразительности: животные в текстах часто антропоморфны, выполняют нетипичные для себя функции в необычных ролях, обретают новые яркие характеристики, составляют основу устойчивых сказочных образов и архетипов.

Следует подчеркнуть, что зоонимическая лексика в курских сказках ранее практически не исследовалась. Этой теме было посвящено несколько работ [Климас 2023₂; Константинова 2023; Дьяченко, Праведников, Ковалев 2025], среди которых выделяется статья С.П. Праведникова [Праведников 2010₁], в которой с использованием методики сжатия конкорданса было дано описание всей зоонимической лексики курских текстов собрания А.Н. Афанасьева. Таким образом, перед нами стояла задача по продолжению и расширению исследования за счет привлечения нового фактического материала.

Таблица № 16. Состав кластера «Животные»

Субкластер		Лексемы
Млекопитающие 100 лексем, 916 с/у	общие	зверь 31
	домашние млекоп.	баран 1, баранчик 12, барашек 3, бык 5, бычок 4, вол 26, жеребёнок 1, жеребёнок 13, жеребёц 8, кобелек-ревунок 2, кобелек-сосунок 2, кобель 1, кобыла 10, кобылица 6, коза 74, козел 2, козленочек 22, козушка 1, конёчек 1, конь 95, конь-летун 2, корова 22, коровушка 6, коровушка-матушка 2, кот 10, котенок 1, коточек 26, кошечка 2, кошка 3, Лаптаик-конь 1, лошаденка 1, лошадка 3, лошадь 62, овца 14, овечка 1, овченка 1, поросенок 2, поросеночек 1, свинка 6, свинка-скороспинка 5, свинья 13, сивка-бурка 2, собака 24, собачка 8, сучка-продучка 13, теленок 4, теленочек 1, щенок 2; бараний 2, воловий 1, кобылий 5, козиный 1, кониный 1, коровий 2, лошадиный 3
	дикие млекоп.	белка 1, волк 90, волчица 2, волчишек-куманечек 1, волчище 1, волчонок 2, волчонок 1, волчушка 2, еж 5, ежик 6, ежиха 1, зайка 5, зайчик 23, зайченок 3, зайчонок 2, зайчушка-батюшка 3, заяц 18, кабан 3, лев 10, лиса 28, лисенок 1, лисица 16, лисичка 10, лисичка-сваточка 2, лисичка-сестричка 3, лисушка 8, лисушка-кумушка 7, лисушка-матушка 1, лисушка-свашечка 1, львица 2, медведчик 1, медведица 1, медведь 56, медвежонок 1, медведица 1, мышка 1, мышка-стрижка 1, мышь 3, олень 12; волчий 3, ежовый 1, заячий 1, львиный 2, медвежий 2
Птицы 43 лексемы, 229 с/у	общие	пискленок 4, пташка 1, птица 27, птичка 5
	домашние птицы	гусенок 1, гусеночек 8, гуска 2, кочет 1, кочетище 1, куреночек 7, курица 11, петух 7, утеночек 1, цыпленок 7; куриный 4, куриный 1
	дикие птицы	воробей 1, ворон 6, ворона 12, галка 2, голубчик 1, голубяточки 2, грач 1, гусенёк 5, гусь 25, гусь-лебедь 11, жар-птица 4, кукушечка 1, кукушка 6, ласточка 3, лебедь 2, орел 6, сокол 5, соколочек 1, соловей 8, соловушка 1, сорока 5, тетерь 2, тетерюшка 2, утка 11, уточка 10, ястреб 7; соловейский 1
Пресмыкающиеся 9 лексем, 121 с/у	Змеевич 5, змей 49, змея 19, матушка-Змея 2, мать-Змея 10, уж 29; змеевый 1, змеин 2, змеиный 4	
Насекомые 6 лексем, 14 с/у	жук 2, жучок-старичок 1, муха 6, пчелка 2, пчелушка 1, саранча 2	
Рыбы 5 лексем, 44 с/у	пескарик 2, рыба 13, рыбка 21, сом 3; щучий 5	
Другие животные 4 лексемы, 49 с/у	лягушка 17, рак 21, червь 9, червяк 2	
Части тел животных и схожие понятия	грива 2, гривица 4, клев 1, козлятина 1, копыто 3, копытце 3, крыло 4, крылышко 8, лапка 4, пасть 1, перо 12, перышко 5, рога 10, рожки 1, хвост 23, храп 2, шерсть 1, шкура 1, яичко 2; рогатый 1	
Действия животных	боднуть 1, брыкать 4, влететь 2, вывести 1, вылететь 1, выть 1, жигнуть 3, заклевать 1, зашипеть 2, клевать 4, крякнуть 3, куковать 2, летать 3, лететь 23, налетать 1, налететь 2, нанести 1, облететь 1, пасть 2, петь 4, подлетать 1, подлететь 3, поклевать 1, полетать 5, полететь 17, поналететь 1, прилетать 3, прилететь 3, пролететь 3, пропеть 6, разлететься 4, реветь 1, свить 1, склевать 1, слетать 1, снести 1, улететь 3, фыркнуть 1, шипеть 1	
Звукоподражания	гав 4, жжжи 2, ка-га 2, кря 8, ку-ку 51, курняв 20, ме-ке-ке 2, мяу 2, тьяв 6	
Общие понятия	гурт 5, дичина 1, дичь 1, зверек 3, охота 32, скот 1, скотина 3, стадо 8, стая 1, табун 2, тройка 11, шестерка 1	

Таблица № 17. Частеречный анализ кластера «Животные»

Имена существительные	Глаголы	Имена прилагательные	Звукоподражания (междометия)
179 лексема 1489 с/у	39 лексем 119 с/у	20 лексем 43 с/у	9 лексем 97 с/у

Итак, по результатам выборки в кластер «Животные» вошло 247 лексем в 1748 словоупотреблении. Его состав и структура были отражены в Таблицах № 16 и № 17.

Анализ показал, что курские тексты насыщены зоонимической лексикой, она встречается повсеместно в большом разнообразии и не ограничивается ни типами сказок, ни сюжетами. Подтверждением тому служит статистика, согласно которой единицы кластера фиксируются в 65 из 76 текстов (86%).

Говоря об общем составе кластера, следует отметить несколько его явных словообразовательных особенностей.

Во-первых, это большое количество диминутивной лексики, к которой тяготеет язык русского фольклора. Как правило, уменьшительно-ласкательные варианты функционируют в тексте параллельно с нейтральными, иногда даже превосходя их в частотности: *баран* 1 – *баранчик* 12, *бык* 5 – *бычок* 4, *коза* 74 – *козушка* 1, *лошадь* 62 – *лошадка* 3, *заяц* 18 – *зайчик* 23, *утка* 11 – *уточка* 10 и др.

Во-вторых, некоторые зоонимы могут выступать основой целого ряда производных слов. К примеру: *волк* → *волчий*, *волчица*, *волчичек-куманечек*, *волчище*, *волчонок*, *волчоночек*, *волчушка*; *заяц* → *заинька*, *зайчик*, *зайченька*, *зайчонок*, *зайчушка-батюшка*, *заячий*; *медведь* → *медведичек*, *медведище*, *медвежий*, *медвежонок*, *медведица*.

В-третьих, большую группу в кластере составляют композиты: *жучок-старичок*, *кобелек-ревунок*, *кобелек-сосунок*, *конь-летун*, *коровушка-матушка*, *свинка-скоростинка*, *сивка-бурка*, *сучка-продучка*, *волчичек-куманечек*, *зайчушка-батюшка*, *лисичка-свateчка*, *лисичка-сестричка*, *лисушка-кумушка*, *лисушка-матушка*, *лисушка-свateчка*, *матушка-Змея*, *мать-Змея*, *мышка-стрижка*. Они не обладают высокой частотностью и находятся в зоне периферии, однако

выступают отличительной особенностью сказочных текстов, добавляют им образности, выразительности, подчеркивают необычность животных-персонажей.

В основу структуры кластера в упрощенном виде легла биологическая систематизация царства животных, что способствовало выделению шести основных субкластеров. Прежде чем перейти к их описанию, нужно сказать несколько слов о проблеме их наименования. Сегодня в лингвистической науке не существует единой общепринятой классификации зоонимической лексики. Устойчивыми можно назвать термины *орнитонимы* (птицы) и *ихтионимы* (рыбы), тогда как названия прочих групп варьируются. Так, для обозначения млекопитающих И.П. Семеновой был введен в научный оборот термин *маммалионим* [Семенова 2017: 3], параллельно которому в литературе по теме встречается термин *терионим* [Пилипчук 2021: 192]. Для обозначения насекомых, например, могут использоваться термины *инсектоним* и *энтононим*. Даже на сам термин *зооним* существуют разные взгляды: в качестве альтернативы предлагаются термины *анималионим*, *анимализм*, *фауноним* [Николаева 2022: 15].

Учитывая описанные расхождения в терминологии, мы решили использовать в качестве обозначения наименования животных, принятые в биологии. Так, были выделены субкластеры «Млекопитающие» (100 лексем – 40% от кластера), «Птицы» (43 лексем – 18%), «Пресмыкающиеся» (9 лексем – 4%), «Насекомые» (6 лексем – 2%), «Рыбы» (5 лексем – 2%), и «Другие животные» (4 лексем – 2%).

Приведенные процентные показатели и данные Таблицы № 16 наглядно демонстрируют, что многочисленные наименования млекопитающих и птиц составляют основу кластера. Также внимания заслуживает субкластер «Пресмыкающиеся», который примечателен не столько лексическим разнообразием, сколько количеством словоупотреблений (121 с/у). По этому показателю он занимает промежуточное положение в кластере, значительно уступая млекопитающим и птицам, но превосходя другие субкластеры.

Названия животных других видов хотя и встречаются в текстах, а в отдельных случаях обладают сравнительно высокой частотностью, все же для

курских сказок нехарактерны. Они дают малое количество материала для анализа, поэтому рассматривать их отдельно нецелесообразно.

Например, совершенно невыразительным оказался мир насекомых, представленный всего 6 лексемами в 14 с/у: *жук* 2, *жучок-старичок* 1, *муха* 6, *пчелка* 2, *пчелушка* 1, *саранча* 2.

В составе ихтионимов частотностью выделяются лексемы *рыба* 13 и *рыбка* 21, которые используются в прямом значении, называя предмет ловли и продажи.

Потом пошел, наловил рыбы, повез продавать (ЛК I, с. 16).

...Подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьется-наестся и опять поедет ловить (ЛК II, с. 10).

Ехал мужик на базар, вёз в кошеле продавать рыбу (ЛК III, с. 12).

Интересным видится прилагательное *щучий* 5, отсылающее к сюжету «По щучьему велению» (675) [СУС 1979: 174], в котором «дурак шадит щуку», а потом «по щучьему велению делается все, что он приказывает». В курской сказке не упоминается ни дурак, ни щука, поэтому использование оборота объясняется, вероятно, влиянием других сказок, контаминацией сюжетных элементов, что, как мы отмечали ранее, характерно для курского сказочного фольклора.

«Сударыня-матушка, когда б, по моему прошенью, по щучью велению, по божью благословению, наша бочка лопнула!» Только он молвил, бочка развалилась надвое <...> «По моему прошенью, по щучью велению, по божью благословению, когда б здесь явилась банька!» Ту ж минуту как из земли выросла баня... (ЛК II, с. 27).

В субкластер «Другие животные» вошли названия червей (*червь* 9, *червяк* 2), ракообразного (*рак* 21) и земноводного (*лягушка* 17). Лексема *лягушка*, очевидно, отсылает к сюжету «Царевна-лягушка» (402): «три царевича идут искать себе жен по направлению брошенных предметов или пущенных стрел; младший находит на болоте лягушку», которая помогает ему выполнять поручения царя [Там же: 128].

«У тех братьяв жены есть, а у меня нету. Кто мне будет шить?» Тогда яму лягушка сказала: «Не плачь, все будить!» (ЛК I, с. 11).

В другой сказке лягушка выступает даром, волшебным помощником, который сопровождает главного героя, указывая ему верный путь.

«Ну, служивый, где лягушка будет скакать, туда ты иди». Лягушка поскакала и по лесам, и по горам, и по ярам, и по болотам (ЛК III, с. 35).

Необходимо заметить, что кластер «Животные» структурно неоднороден. В языке мир фауны не ограничивается группой зоонимов, он выходит далеко за ее пределы, находя выражение в других лексических единицах. Они не называют животных напрямую, однако тесно связаны с ними темой, а потому, по нашему мнению, должны включаться в кластер. В связи с этим нами были выделены дополнительные субкластеры: 1) «Части тел животных и схожие понятия»; 2) «Действия животных»; 3) «Звукоподражания»; 4) «Общие понятия» (см. Таблица № 16). Дадим их характеристику.

1. Единицы субкластера «Части тел животных и схожие понятия» нередко выполняют в текстах прямую номинативную функцию. В таких случаях они не наделяются необычными характеристиками или новыми смыслами, упоминаются как бы между делом, без акцента. Однако есть и исключения. Например, хвост коня или лошади в курских сказках выступает устойчивым способом расправы над злодеем.

Тогда Иван-царевич привезал сестру к кониному хвосту и пустил яво в чистая поля, и он ее растрепал (ЛК I, с. 10).

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю (ЛК II, с. 26).

А прислугу молодец велел неводчукам взять, к хвосту коня привязать и по полю разметать (ЛК III, с. 24).

И привязали кухарку к коню за хвост и пустили по полю (ЛК III, с. 25).

Перья птиц сопряжены с волшебством. Это чудесные предметы, которые помогают героям справиться с испытаниями.

«Выдярни из нас по пярю! Если мы тебе занадобимси, то прижги эти перья, и мы тотчас прилятим!» (ЛК I, с. 17).

«Шамраик, махни пером!» Он махнул, мост и провалился (ЛК III, с. 33).

Обрадовались дети такому подарку, вырвали по перу из хвоста жар-птицы... (ЛК IV, с. 32).

Через описание частей тела может подчеркиваться необычность животных, их красота, сверхъестественные силы.

На другой день, царь вышел на болкон и увидел, что ходит олень-золотыи рога (ЛК I, с. 14).

*...В последней конюшне видит он стоит конь <...> **Копыты** обиты жемчугом, **грива** блестит, словно золото* (ЛК IV, с. 38).

*...Бежит **кобыла** богатыря. Из рта пламя, из-под **копыт** огонь* (ЛК IV, с. 41).

2. Субкластер «Действия животных» включает большое количество низкочастотных единиц. В него вошли глаголы, в семантике которых прослеживается устойчивая связь с конкретными животными. Все их можно разделить на несколько групп:

– многочисленные глаголы движения, называющие полет: *влететь* 2, *вылететь* 1, *летать* 3, *лететь* 23, *налетать* 1, *налететь* 2, *облететь* 1, *подлетать* 1, *подлететь* 3, *полетать* 5, *полететь* 17, *поналететь* 1, *прилетать* 3, *прилететь* 3, *пролететь* 3, *разлететься* 4, *слетать* 1, *улететь* 3; они включались в кластер через связь с птицами (а также со змеем как волшебным крылатым существом);

– глаголы звучания, которые в данном конкретном значении характерны только животным: *выть* 1, *зашипеть* 2, *крякнуть* 3, *куковать* 2, *петь* 4, *пропеть* 6, *реветь* 1, *фыркнуть* 1, *шипеть* 1;

– глаголы физического воздействия: *боднуть* 1, *жигнуть* 3, *заклевать* 1, *клевать* 4, *поклевать* 1, *склевать* 1;

– прочие действия: *брыкать* 4, *вывести* (о выводке) 1, *пасть* 2, *нанести* (яичек) 1, *свить* 1, *снести* (яичко) 1.

Отметим, что в субкластер не включались глаголы, описывающие взаимодействия человека с животными: *выпрячь*, *выездить*, *запрягать*, *заседлать*, *надоить*, *объезжать*, *пасти*, *подоить*, *расседлать* и др. В их

семантике, безусловно, есть связь с животными, однако она, на наш взгляд, вторична, поскольку субъектом действия выступает человек.

3. С глаголами, описывающими действия животных, сближается группа звукоподражаний, или, как их определяет БАС, междометий, передающих звуки животных. Это малочисленный низкочастотный субкластер, в который вошли как типичные для языка единицы (*гав* 4, *кря* 8, *куку* / *ку-ку* 51, *мяу* 2, *тяв* 6), так и необычные случаи, например, слово *жжи* 2, описывающее звук полета пчелы, *ме-ке-ке* 2 как вариант бляения, а также диалектизм *ка-га* 2, который ‘обозначает крик гусей’ [СРНГ: 12: 296], и ранее уже упомянутый диалектизм *курняв* 20 – ‘о мяуканье кошки’ [СРНГ: 16: 138].

А Пчелка летит: жжи, жжи! (ЛК I, с. 25).

А гуси-лебеди отвечают: «Ка-га!» (ЛК II, с. 11).

...Стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!» (ЛК II, с. 22).

...Конь сделался коточком, подбежал под двери: «Курняв, курняв» (ЛК III, с. 31).

4. В субкластер «Общие понятия» вошло небольшое количество низкочастотных слов, называющих, но не конкретизирующих животных, а также слов, называющих их совокупность: *дичина* 1, *дичь* 1, *зверек* 3, *скот* 1, *скотина* 3, *стадо* 8, *гурт* 5, *табун* 2. Сюда же были отнесены наименования запряженных лошадей (*тройка* 11, *шестерка* 1).

Единственное исключение составляет слово *охота* 32 в значении ‘собаки, ловчие птицы и т.п., необходимые для поисков, преследования и поимки зверей или птиц’ [БАС II: 15: 170]. Оно характеризуется высокой частотностью и входит в состав ядра лексикона.

Марко Богатый заседлал коня, взял с собою свою охоту – собак и поехал искать дочь свою Марью (ЛК I, с. 23).

Отметим, что в курских сказках состав охоты может выходить далеко за пределы домашних животных, подчеркивая необычность, уникальность хозяина, его власть и силу.

*...Уж **охота** была, правду сказать, не нашим чета! Не только собаки да ястреба да сокола верой-правдой ему служили, но и **лисицы**, и **зайцы**, и **всякие звери**, и **птицы** свою дань приносили; кто чем мастерил, тот тем ему и служил: **лисица** хитростью, **заяц** прыткостью, **орел** крылом, **ворон** клевом. Словом, князь-княжевич **Иван-королевич** с **своею охотою был неодолим...** (ЛК II, 19-20).*

В таком случае охота формируется откупом диких животных, которые, спасая свою жизнь, дарят герою своих детенышей.

*...Попалась волчица, только что увидела князя-княжевича – в ноги ему повалилась, жалобным голосом взмолилась: «Князь-княжевич Иван-королевич, помилуй, прикажи что – все сделаю!» – «Давай своего молока!» Тотчас она молока для него надоила и в благодарность еще **волчоночка подарила** (ЛК II, с. 20).*

*Видят, бежит лисица. Хотели ее убить, а она тоже человеческим голосом просится на волю и **дала им двух лисят**. Идут дальше. Видят волчица бежит, и та **откупилась волчатами**. Идут дальше. И встретили по пути медведя, а потом и льва, те тоже **откупили свою жизнь детьми** (ЛК IV, с. 34).*

Несмотря на то, что описанные субкластеры составляют большую часть кластера (на них приходится около трети всех слов – 32%), нельзя сказать, что их роль в сказочном тексте велика. За редким исключением в них входят низкочастотные или единичные лексемы, не обладающие выразительными характеристиками или функциями. Это общие понятия, которые находятся на периферии кластера и не раскрывают в полной мере его особенностей.

Завершая описание структуры и состава кластера, сделаем общее наблюдение о функционировании зоонимов в текстах. Как правило, они выполняют в них прямую номинативную функцию, называют диких или домашних животных, которые окружают героев или сами становятся героями сюжета. Отметим, что зоонимы редко входят в состав средств художественной выразительности. Например, они могут использоваться в качестве основы

нечастых сравнений, однако наблюдается это только в текстах собрания А.Н. Афанасьева, возможную обработку которых мы уже отмечали.

...Копаются, как червяки, на широком поле (ЛК II, с. 16).

Другой брат, как белка, вскочил на верхушку столба... (ЛК II, с. 16).

...Корабль побежал по морю, как рыбка живая (ЛК II, с. 16).

...Корабль шел как гусь-лебедь... (ЛК II, с. 18).

Сел на коня, подбоченился и полетел, что твой сокол... (ЛК II, с. 19).

...Растворилась изба — хозяйка по ней лебедем носится... (ЛК II, с. 32).

Редко наименования животных используются в других художественных приемах, например, в гиперболах.

Бросили щетку – вырос тростник густой-густой: уж не проползет <...> Бросили гребенку – выросла дуброва темная-темная: муха не пролетит (ЛК II, с. 15).

3.2.2. Субкластер «Млекопитающие»

Субкластер «Млекопитающие» составляет самую обширную группу зоонимов, выделяющуюся как лексическим разнообразием, так и количеством словоупотреблений. Квантитативный анализ демонстрирует, что, несмотря на большую долю гапакса (31%), наименования млекопитающих востребованы в курских сказках, о чем свидетельствует количество частотных слов (с показателем 10 и выше – 24%), а также то, что некоторые зоонимы входят в ядро лексикона, занимая в нем высокие позиции: *конь* 95/59, *волк* 90/62, *коза* 74/78, *лошадь* 62/102, *медведь* 56/113.

Отметим, что из общих наименований в курских сказках фиксируется лишь лексема *зверь* 31. Она может использоваться, например, для прямого обозначения совокупности млекопитающих. Если *зверь* один, то он характеризуется как *огромный* 1, *лютый* 1, а также *заморский* 2, что подчеркивает его необычность. Здесь следует уточнить, что в текстах сказок встречается большое количество названий млекопитающих, характерных для территории Курской области, но есть

и исключения – экзотические для нашего региона *лев* 10 (*львиный* 2) и *львица* 2. Интересно то, что сам народ подчеркивает их необычность.

Захотелось князевичу видеть жену здоровою, веселою; пошел искать львицу. Дело было не легкое, зверь-то заморский (ЛК II, с. 20).

В другом случае заморским называют домашнего кота. Очевидно, что определение здесь используется в качестве лести, особенно с учетом того, что произносит его традиционно хитрый и льстивый персонаж.

Встрелась с ним Лисица. «Здрастуй, Кот Иванович Брыцов, заморский зверь!» (ЛК I, с. 16).

Иногда зверь связан с волшебством, предстает неким могучим существом, в которого превращаются персонажи.

Сделаюсь я зверем и буду к нему бечь на устречу и уведу собак за девять земель! (ЛК I, с. 9).

Старый чорт рассердился, ударился о землю и сделался лютым зверем (ЛК IV, с. 40).

Все зоонимы в субкластере возможно разделить на две большие группы: наименования домашних и диких млекопитающих. Если с точки зрения лексического разнообразия можно сказать, что обе группы представлены близкими показателями (55 и 45 лексем соответственно), то сравнение количества словоупотреблений показывает, что домашние животные упоминаются в текстах намного чаще (545 против 371).

В первую очередь следует выделить лошадь, репрезентированную наиболее частотными лексемами *конь* 95 и *лошадь* 62. В фольклорной языковой картине курских сказок между ними прослеживается определенная разница. Конь – почти всегда необычное антропоморфное животное, выступающее помощником героя-богатыря, его спасителем, другом, боевым товарищем.

Иван-царевич пошел, сел на своего коня богатырского (ЛК I, с. 21).

В некоторых сказках конь даже наделяется именем – *Лаптаик* (ЛК III, № 16) и *Полкан-Полканыч*, которое может отсылать к древнерусской мифологии, в которой Полкан – полуконь-получеловек из числа берегинь мужского рода

[Дьяченко, Праведников, Ковалев 2025: 11]. Возможно, поэтому в сказке Полкан-Полканыч обладает удивительной силой, выражаемой чередой гипербол.

У царя был конь Полкан-Полканыч, съедал триста мер овса и выпивал сто ведер воды, делал семь верст одним шагом (ЛК IV, с. 41)

Отметим, что это не единственный случай, когда конь вводится в текст гиперболизированным описанием. Похожий способ фиксируем в сказке «Сивко-бурко» (ЛК II, № 180).

...Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей, из ушей пламя пышет... (ЛК II, с. 19).

Данное описание интересно также и тем, что конь в нем наделяется явно волшебными свойствами, что подчеркивается его огненной природой, о которой писал В.Я. Пропп [Пропп 1986]. Связь с огнем, по мнению исследователя, объясняется тем, что огонь, как и конь, согласно мифам разных народов, служил посредником между царством живых и царством мертвых. Как и конь, он переправлял души умерших.

В этой же сказке подчеркивается и другой волшебный признак коня – способность полета, необычайно высоких прыжков, которая выражается композитом *конь-летун* 2.

*...Сядет она в этом храме на высоком троне и будет ждать жениха, удалого молодца, который бы на **коне-летуне** с одного взмаха поцеловал ее в губки* (ЛК II, с. 18).

Помимо этого конь наделяется в текстах нечастыми, но красноречивыми характеристиками:

Конь. А: *вороной 4, богатырский 1, добрый 1, лихой 1, любимый 1, милый 1, подходящий 1, ретивый 1.*

В слове же *лошадь* ключевой является сема «рабочее животное»: лошадь – незаменимый помощник в сельском хозяйстве, перевозке людей и грузов и т.д.

*Запряг старик **лошадь**, затеял в город просо везть...* (ЛК II, с. 8).

*Ничего, батюшка, да вот скучно будет вечером, муж уводит **лошадей** в ночное* (ЛК IV, с. 8).

Купили лошадь и забыли про горе: без коровы не то, что без лошади (ЛК IV, с. 13).

В курских сказках лошади лишены индивидуальности, у них отсутствуют какие-либо отличительные признаки (зафиксировано уточнение цвета – *бурый 1*), зачастую они вводятся в повествование как неделимая группа животных и сочетаются со словами *тройка, шестерка, табун* или заменяются ими.

Шестерка лошадей запряжено у каретя (ЛК I, с. 12).

...Шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей... (ЛК II, с. 21).

Показательным для сравнения животных видится пример, в котором Иван-царевич, чтобы выполнить царское поручение, меняет полученную от него обычную лошадь на коня-помощника (ЛК I, № 4).

Тазана-царевна пошла к отцу, сказала: «Дай батюшка моему мужу лошадь!» <...> Тогда Иван-царевич вывел ее у поля, дернул за хвост и содрал кожу, а сам свиснул-гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом. Прибег к нему конь (ЛК I, с. 14).

Необычность ситуации подчеркивается тем, что конь отвечает на зов в виде «богатырского посвиста», что словно служит проявлением признания силы хозяина. Отметим, что это не единственный пример. Точно таким же способом призывают волшебного коня в ранее упомянутой сказке «Сивко-бурко» (ЛК II, № 180), а также (с небольшими отличиями) в сказке «Иван-Царевич» (ЛК I, № 10).

Тотчас старик вытянулся, выпрямился, свистнул-гаркнул молодецким голосом, соловейским посвистом; откуда ни взялся – конь бежит... (ЛК II, с. 19).

Он умылси и вышел на долину и крикнул-гаркнул своим громким голосом: «Гей, мой сивка-бурка, вечная коурка! Явись сюда». Он сичас явилси (ЛК I, с. 21).

Прямое признание конем хозяина фиксируем в сказке «Сын воеводы» (ЛК IV, № 23). Главный герой изображается в ней молодым человеком с необычайной силой, растущим «не по дням, а по часам». Отправляясь в странствия, он

выбирает себе необычного коня, который в конюшне «тремя цепями к столбу привязан».

*Конь, увидя молодца-богатыря, ударил копытами о землю и произнес человеческим голосом: «**Вот когда нашелся мне хозяин**» (ЛК IV, 38 с.).*

Таким образом, конь, в отличие от лошади, не только выступает волшебным помощником главного героя-богатыря, но и наделяется своей волей, оценивает качества потенциального хозяина и признает его власть над собой.

К прочим наименованиям лошади относятся лексемы *жеребеночек* 13, *жеребец* 8, *конечек* 1, *кобыла* 10 (*кобылий* 5), *кобылица* 6. В большинстве случаев по смыслу они сближаются с лексемой *лошадь*, называя обычных домашних животных, однако есть и исключения. Например, в сказке «Сын – отцу послушник» (ЛК, № 24) кобыла (кобылица) заменяет герою коня, выступает волшебным помощником, помогает похитить и взять в жены Елену прекрасную. В текст она вводится той же конструкцией, что и конь, в которой совпадает описание их огненной природы.

...к нему бежит кобыла богатыря. Из рта пламя, из-под копыт огонь <...> Сел на кобылу, поехал к царю Додону. Дождаль двенадцати часов ночи, вышла Елена, он ее украл и сам сел на кобылицу и ускакал (ЛК IV, с. 41).

Высокочастотной в курских сказках оказалась лексема *коза* 74 (78 позиция в составе ядра), однако данный показатель в большинстве своем формален: слово *коза* входит в состав кумулятивной цепочки (ЛК III, № 3) и типичных для сказочных композиций многократных повторов.

Дед у них спрашивает: «Козы мои милые, козы мои любые, что вы ели, что вы пили?» <...> Бабка у коз и спрашивает: «Козы мои милые, козы мои любые, что вы ели, что вы пили?» (ЛК III, с. 5).

Коза в языке курских сказок наделяется отрицательными качествами, что выражается как отличительными характеристиками (*драная, один бок булатный; коза-лупяные глаза; ободранный бок; лупленный бок*), так и действиями: в двух сказках (ЛК I, № 13; ЛК III, № 1) встречается сюжет о козе, которая «убегает в

лес, отнимает дом у зайца; разные животные помогают ему, но выгнать козу не могут; выгоняет козу петух (пчела, рак)» [СУС 1979: 86].

*...А коза ушла в заячью хатку. Легла под загнётку и не выходит. Зайчика **выгнала**... <...> Схватил рак козу за ободранный бок и выгнал (ЛК III, с. 5–6).*

*Коза <...> стала Зайчишку из суровинки **выживать** <...> Пчелка влетела в трушиобинку да как жигнет Козу за лупленный бок. Как понесла Коза из суровинки, как понесла! (ЛК I, с. 25).*

Употребление сравнительно частотного слова *козленочек* 22 ограничено всего одной сказкой (ЛК II, № 261), в которой представлен распространенный сюжет о сестре и ее братце, послушавшемся предостережения, напившемся воды и превратившимся в козленочка [Там же: 135].

– Ах, сестрица, я напьюся.

*– Не пей, братец, а то будешь **козленочком**.*

*Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал **козленочком**... (ЛК II, с. 22).*

Отметим, что превращение в животных является типичным сказочным элементом, который неоднократно встречается в курских текстах. Так, например, похожий сюжет о сестре и братце фиксируем в сказке из другого собрания, в ней мальчик превращается уже не в козленочка, а в барашка (ЛК III, № 12).

*«Не пей, Ивашечка, **баранчиком** станешь». Она пошла и не видит, а он напился и стал **барашком** (ЛК III, с. 22).*

Помимо названных домашних животных, в качестве возможных вариантов превращения называются также теленочек, жеребеночек, поросеночек, конечек и бычок.

– Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется».

*– Не пей, братец, а то сделаешься **жеребеночком**» (ЛК II, с. 21).*

– Сестрица Алёнушка, я напьюсь водички.

*– Не пей, Ивашечка, **бычком** станешь (ЛК III, с. 22).*

С превращением связан также коточек (кот), чей облик принимает волшебный конь.

Подъехали под двор Змеи, конь сделался коточком... (ЛК III, с. 31).

В контексте описания волшебства следует упомянуть сказку «Мачеха-Ведьма» (ЛК III, № 15), в которой домашние животные (свинья, корова, лошадь), наделяются явной отрицательной коннотацией, выступают проявлениями нечистой силы, магии ведьмы, желающей погубить героя.

Врывается в овин огромная свинья и бросается на Ваню. А Ваня вскочил на свинью и стал её бить промеж ушей палочкой. Носила его свинья, носила, а как только пропели петухи, она исчезла. Наступило утро, пришел Ваня домой, а мачеха лежит больная (ЛК III, с. 28).

Несколько слов стоит сказать о домашних питомцах. Кот и кошка, репрезентированные лексемами *кот* 10, *котенок* 1, *кошечка* 2, *кошка* 3, а также *коточек* 26, не получают в курских текстах каких-либо выразительных характеристик.

Жил старик с старухой. В них был Кот, старый, мышей не стал ловить. Они узяли яво, отвяли у лес и бросили (ЛК I, с. 16).

Он все вызнал, выведал; услышал, что в этой земле нет кошек, нарядился купцом, взял кошечку... (ЛК II, с. 17).

Собаки же изображаются умными, мудрыми и хитрыми животными. Например, сучка-продучка, название которой, как мы уже говорили, может отсылать к прилагательному *продувной*, характеризующему хитрого плута, выступает волшебным помощником, предлагает Ивану-царевичу отказаться от денег в угоду выбора собак. Впоследствии эти собаки спасают героя от гибели.

Сучка-продучка яму говорить: «Будить она табе давать денег, то ты не бяри. Скажи что мне денег не надо. <...> Лучче отдай мне кобелька-ревунка» (ЛК I, с. 8).

В одной из сказок собака оберегает хозяйку, как бы предчувствуя недобрый замысел прислуги, предостерегает от зла, напоминая о запрете матери.

А Ганне-панне мать не велела купаться. Кухарка говорит:

– Ганна-панна, давай искупаемся.

А собачка:

– Гав, гав, Ганна-панна, нельзя купаться.

Кухарка отрубила ножку собачке (ЛК III, с. 24).

В другом примере собака наделяется сверхъестественными силами, предрекает гибель родной дочери мачехи, и ничто не способно изменить ее слов.

А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» – «Молчи, дура! На блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» (ЛК II, с. 7).

Завершая описание наименований домашних животных, следует сказать, что в контексте историй они нередко связаны с бытом народа, используются для обрисовки бытовых ситуаций, в которых ежедневно участвовал человек. Например, животные становятся предметом торговли, являются средством передвижения, помогают в хозяйстве, выступают способом пропитания; люди занимаются их разведением, выпасом, уходом за ними. При этом животные не обладают волшебными свойствами или функциями, не наделяются человеческими чертами.

Ехал, ехал. Стерегеть настух свиней (ЛК I, с. 13).

...Пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец (ЛК II, с. 21).

А навстречу идут мужики, везут волов продавать (ЛК III, с. 42).

«...Давай зарежем корову, накормим мужиков (соседей) мясом, а они нам хлеба дадут» (ЛК IV, с. 21).

В группу диких животных вошли преимущественно низкочастотные зоонимы: *белка 1, еж 5, ежиха 1, кабан 3, лев 10, львица 2, мышка 1, мышь 3, олень 12* и некоторые другие (см. Таблица № 16).

Основу же группы составляют такие типичные для русской сказочной традиции животные, как лиса, волк, медведь и заяц. Они встречаются в большом

количестве текстов, в разных сюжетах и вариациях взаимодействия; иногда они все сразу фигурируют в пределах одного текста.

Жили медведь, волк, лиса и зайчик (ЛК III, с. 9).

Бежит зайчик <...>. Бежит другая лисичка <...>. Бежит волк <...>.

Бежит медведь <...> (ЛК III, с. 11).

Анализ показывает, что в подавляющем количестве случаев они наделяются способностями мыслить и говорить и обладают чертами человеческого характера. Крайне редко зоонимы используются для обозначения неантропоморфных зверей.

...Лес надо переходить, а там волки воют, медведи ревут – жуть! (ЛК IV, с. 21).

Лиса репрезентирована лексемами *лиса* 28, *лисенок* 1, *лисица* 16, *лисичка* 10, *лисичка-свateчка* 2, *лисичка-сестричка* 3, *лисушка* 8, *лисушка-кумушка* 7, *лисушка-матушка* 1, *лисушка-свашечка* 1. Как известно, за животными в русских народных сказках закрепляются определенные характеристики. Лиса предстает в них традиционно хитрой, изворотливой обманщицей, лжи которой безоговорочно верят другие животные. Неслучайно одна из сказок называется «Хитрая лиса» (ЛК III, № 5), в тексте которой это качество неоднократно подчеркивается.

Хитрая лиса притворилась человеком и пошла побираться, по дворам ходить (ЛК III, с. 10).

Лиса хитрая. Притворилась, легла на дорогу, как будто бы дохлая. Ехал мужик на базар, вёз в кошеле продавать рыбу. И эту лису поднял <...>. Положил её в кошеле в рыбу. Эта лиса хитрая. Рыбка по рыбке с кошеля повыкидала и сама ушла (ЛК III, с. 12).

Нередко лиса изображается вредителем, похитителем, воровкой, действующей скрытно от других персонажей.

А лиса кишочки покрала и попрятала (ЛК III, с. 7).

Вот лиса задумалась: «Как мёду поесть, чтоб никто не знал: ни волк, ни медведь, ни зайчик?» (ЛК III, с. 9).

У кого салазки большие, сани, украла, хомут украла, вожжи украла и этого бычка запрягла (ЛК III, с. 11).

Никто среди сказочных животных не получает такого большого количества статусных характеристик, как лиса. Помимо уже обозначенных композитов *лисичка-сватечка* 2, *лисичка-сестричка* 3, *лисушка-кумушка* 7, *лисушка-матушка* 1, *лисушка-свашечка* 1 в контексте зоонимы, называющие лису, сочетаются с именами социофактов *кумушка* 1, *матушка* 1, *невеста* 1.

Встрелась с ним Лисица. <...> – «Здрастуй, кумушка!» (ЛК I, с. 16).

«Пойдем, Лисушка, матушка» (ЛК I, с. 25).

Волк репрезентирован зоонимами *волк* 90, *волчица* 2, *волчичек-куманечек* 1, *волчище* 1, *волчонок* 2, *волчоночек* 1, *волчушка* 2. Несмотря на устрашающий образ дикого зверя, в курских сказках во взаимодействии с другими животными волк изображается глупым и пугливым существом.

«Я Лисица, выдерну ножишиша, зарезу волчишиша!» Испугалси волк, ушел (ЛК I, с. 15).

Волк испужалси да ушел (ЛК I, с. 16).

Испугался волк и ушёл (ЛК III, с. 6).

В качестве показательного примера доверчивости и глупости волка можно привести сказки «Волк и Лисица» (ЛК I, № 6) и «Хитрая лиса» (ЛК III, № 5), в которых встречается популярный сюжет «волк у проруби»: «по совету лисы волк опускает хвост в прорубь, чтобы наловить рыбы; хвост примерзает; волк спасается от людей (мужиков, баб с коромыслами), оборвав хвост» [СУС 1979: 52].

Она [Лисица] узяла лукошко, Волку навязала на хвост, пустила яво на речку. Он там примерз. Бабы пришли за водою и отбили яму хвост (ЛК I, с. 16).

Замёрз и кошель в проруби, и хвост примёрз. Бабы – за водой на речку – стоит волк. Они закричали: «Волк! Волк!» И начали его коромыслом бить (ЛК III, с. 13).

Черты дикого хищника, проступающие в образе волка, выражаются в его прозорливости, в исходящей от него угрозе для домашних животных.

Один брат узял яво да загнал [волка] к овцам. Нараня устал, и там овец ничяво нету (ЛК I, с. 17).

Навстречу ей Волк <...> Опосля этого оставил ей рожки да ножки, а Козу всю съел (ЛК I, с. 26).

...Волк пошёл козу резать (ЛК III, с. 9).

Медведь репрезентирован лексемами *медведичек* 1, *медведице* 1, *медведь* 56, *медвежонок* 1, *медведица* 1. «Стереотипные представления о медведе кодифицированы в сказках, где подчёркивались огромная (иногда разрушительная, агрессивная) его сила и мощь» [Данилова, Бубекова, Ибрагимова 2020: 23]. В курских текстах это проявляется в сочетаемости с глаголами со значением грубого действия.

Кот увидел волка, сабе испужалси, на бярезу как сигнеть, а медведь оттуда загремел (ЛК I, с. 16).

Побежал медведь в лес за оглобельной, с корнем дуб своротил ещё толще (ЛК III, с. 12).

Медведь схватил так чертенка, что у него кости запрещали (ЛК IV, с. 39).

Заяц (*заинька* 5, *зайчик* 23, *зайченька* 3, *зайчонок* 2, *зайчушка-батюшка* 3, *заяц* 18) изображается в курских сказках жалким, трусливым зверем, что выражается, например, сочетаемостью с глаголами *плакать* 18, *заплакать* 2, а также в качестве объекта – с глаголами *выгнать* з. 6, *выживать* з. 1, *обидеть* з. 1.

Зайчик пошел на дорогу, сел и плачет (ЛК I, с. 15).

Зайчик бегить да плачеть (ЛК I, с. 25).

Зайчика выгнала, он стоит и плачет (ЛК III, с. 5).

Заяц – аллегорический образ слабого, безвольного, неспособного постоять за себя человека. Среди других животных он занимает самое низкое положение.

А Лисица сперва жила у волка да медведя куховаркою, а заяц лакеем (ЛК I, с. 16).

А Лисица узялась бить зайца (ЛК I, с. 16).

Проснулись звери, а хозяин их без головы лежит. Горько заплакали звери и все на зайца свалили, он, мол, виноват (ЛК IV, с. 35).

Помимо уже упомянутых сказок, в которых коза *выживает* и *выгоняет* зайца из его дома, фиксируем также похожий сюжет с участием лисы.

Пришла весна – лисички дом растаил. Тогда она пошла из дома, выгнала Зайчика (ЛК I, с. 15).

3.2.3. Субкластер «Птицы»

В состав субкластера «Птицы» вошло большое количество лексем (см. Таблица № 16), однако многие из них характеризуются невысокой или крайне низкой частотностью (доля слов с показателем 10 и выше – 16%; доля гапакса – 30%). Принимая это во внимание, считаем подходящим построение анализа не через описание отдельных слов, а путем рассмотрения одновременно всех наименований с целью установления их сходств и различий. Это также целесообразно потому, что у птиц в сказках класс преобладает над видом, то есть, несмотря на различия в биологическом плане, все птицы выполняют схожие функции и наделяются общими смыслами.

Единственным уместным разделением, на наш взгляд, видится выделение домашних и диких птиц. Анализ показал, что у данных групп в курских сказках есть значимые отличия.

Стоит отметить, что иногда такое деление было несколько субъективным, потому что наименования некоторых птиц могли относиться к обеим группам (например, дикие и домашние утки, гуси), а однозначно определить отнесенность по имеющемуся контексту было невозможно. В таких случаях учитывались личные ощущения исследователей и общий сюжет сказки.

Итак, из Таблицы № 16 наглядно видно, что названия домашних птиц значительно уступают в лексическом разнообразии названиям диких, что довольно интересно с учетом того, что для человека домашние животные всегда находились ближе. Анализ языкового материала демонстрирует, что домашние птицы изображаются в текстах невыразительно. Как правило, они являются

объектом разведения / покупки / пропитания и т.д., крайне редко наделяются способностью говорить, мыслить или другими человеческими чертами.

*Идёт муж на базар **купить гусёночка** к рождеству **разговеться*** (ЛК III, с. 46).

*Он сделал так: затопил печь, **выпустил** на волю **цыплят**...* (ЛК IV, 17).

*Испугалась она, схватила скорее **курицу зарубила** ее, а сердце и печенку жар-птице вложила* (ЛК IV, с. 33).

Даже в сказках, где встречаются другие антропоморфные животные, домашние птицы остаются неразумными существами, выступающими в качестве пищи.

*Лисица повадилась к ним ходить – **кур есть**. Старик узьял – выкопал яму, посадил туда **цыпленка**: оттуда не вылезить. Пришел старик. **Она говорит** яму: «Батюшка!...»* (ЛК I, с. 15–16).

*Лиса ночью поднялась, **курёночка** этого уловила, пёрышки обобрала и его **съела**. А пёрышки вынесла во двор, в землю закопала* (ЛК III, с. 10).

*Лиса принесла **курицу**, медведи меду <...> Обрадовались охотники и хотели кашу варить...* (ЛК IV, с. 34).

Единственным исключением стал зооним *кочет* (*кочетище*), называющий антропоморфного петуха, наделенного способностью говорить.

*Идет **кочет**: «Зайчушка-батюшка! Чаго ты плачешь?»* (ЛК I, с. 15).

Дикие птицы в курских сказках показаны не столь однозначно, на них в текстах есть два взгляда. Во-первых, как и домашние птицы, они могут выступать в роли обычных, не наделенных сознанием животных. Например, в контексте охоты в роли дичи.

***Набил грачей, галок, ворон, сшил кожу, которую он содрал с лошади, напихал туда этих битых птиц**...* (ЛК I, с. 14).

*Идёт, сидит охотник, нацеливается **бить уток**. Он прошёл, крякнул да плюнул. **Утки** поднялись и улетели* (ЛК III, с. 43).

*Вот летит стая **птиц** и надо **убить** первую и последнюю* (ЛК IV, с. 33).

Крайне редко в текст вводятся певчие птицы.

*...В саду на веточках **птички поют**... (ЛК II, с. 27);*

*Она вырыла орех и посадила его у мужа. В нём до сих пор **поют соловьи и кукушки**.*

Во-вторых, (и чаще всего) дикие птицы наделяются в сказочных текстах необычными способностями, свойствами, нередко антропоморфны и часто сопряжены с волшебством. Рассмотрим основные особенности.

1. *Волшебные птицы* в курских сказках – это почти всегда вольно или невольно превращенные люди. Невольное превращение является результатом злого волшебства, направленного на героев.

*Только окунувшись, женщина ударила ее по спине: «**Плыви ты, – говорит, – белой уточкой!**» И поплыла княгиня белой уточкой (ЛК II, с. 24).*

У них была крестьянка-прислуга. Она их разлучила. Царицу сделала уточкой (ЛК III, с. 17).

Вольное превращение наблюдаем, например, в сказке «Купеческий сын Иван» (ЛК I, № 1), в которой девушка превращает себя и мужа в птиц, чтобы скрыться от преследователей. При этом превращение не остается стабильным: в первом случае герои превращаются в тетеря ('птица тетерев' [СРНГ: 44: 101]) и тетерюшку, а позднее принимают облик уток.

*Она бросила два вертена. Изделались две березы. На березах сидят две птицы: **тетерь и тетерюшка**. <...> Она говорит: «Надгоняют нас». Кинула шиетку. Сделалси тростник и у том тростнику озеро, а ув озера плавают **две утки** (ЛК I, с. 7).*

Нечто подобное встречаем в другой сказке (ЛК III, № 9), в которой царица превращается из уточки в кукушку.

*А **уточка превратилась в кукушку**, полетела к царскому двору, села на окошко и поёт... (ЛК III, с. 17).*

Заметим, что такая смена облика имеет определенное значение. Кукушка в курских сказках символизирует горе персонажей, связанное с потерей близкого человека. Например, в приведённом примере мать оплакивает гибель сыновей,

поэтому неслучайно каждая строчка ее песни завершается эпифорой ку-ку, имитирующей плач.

А вас, детки, ку-ку // Порезала, ку-ку, // В ясельцы, ку-ку // Положила, ку-ку, // Соломкою, ку-ку // Притрусил, ку-ку (ЛК III, с. 17).

В двух сказках (ЛК III, № 11; ЛК IV, № 18) встречается превращение всех членов семьи в птиц, при этом роль кукушки отводится вдове, оплакивающей убитого мужа.

Ты же, мой сыночек, будь соколочек, рано вставай, своего батюшку вспоминай. Ты, девочка, будь ласточка, по-над водой летай, батюшку вспоминай, а я, бедная вдовушка, стану кукушкой куковать, своего мужа вспоминать (ЛК III, с. 22).

«Ты, моя дочь, лети ласточкой, а ты, мой сын, лети соловушкой, а я сделаюсь кукушечкой и буду целый век куковать» (ЛК IV, с. 26).

Значительно реже в курских сказках встречаются птицы, созданные с помощью волшебства. Фиксируем всего несколько примеров.

Тода рукавом махнула лягушка, и в саду стали лебяди и разныя птицы (ЛК I, с. 12).

Стали у Афанасья-жениха пирог резать, из пирога голубчик вылетел (ЛК I, с. 23).

2. Птицы-помощники спасают героев в сложных или опасных ситуациях, выступают проводниками, помогают им попасть домой. Все это, вероятно, обусловлено свободой передвижения птиц, их способностью летать, за которой наблюдали люди и которую считали недостижимой.

Летят семь птиц и говорят: «Что дашь, мы тебе выташим из воде» (ЛК I, с. 17).

Сжалился зашипанный гусенок, подставил Терешечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним (ЛК II, с. 11).

Отдельного внимания заслуживает сказка «Про вдовьего сына» (ЛК IV, № 21), в которой герой спускается в «бездонную яму», попадая в «уже другой свет совсем». Там он встречает птицу «громадных размеров», которая выносит

его на себе, помогая вернуться домой. Как отмечает В.Я. Пропп, птица в религиозных представлениях народов разных стран служит проводником в загробный мир, «уносит душу в потустороннее царство» [Пропп 1986], следовательно, может перемещаться между миром живых и мертвых. В курской сказке, спасая птенцов птицы, герой получает возможность покинуть «другой свет», который, по-видимому, выступает аналогом мира мертвых.

Мужик и рассказал ей все, как было дело.

– Ну, тогда что хочешь, то и требуй с меня, – говорит птица.

*– А мне мало нужно: **вывези меня отсюда** (ЛК IV, с. 32).*

3. С предыдущей функцией связана помощь в исцелении или воскрешении персонажей. Именно птицы в курских сказках приносят живую воду, причем интересно, что в текстах отсутствуют пояснения, где и как птицы ее добывают, словно это является чем-то самым собой разумеющимся. В.Я. Пропп связывает живую и мертвую воду с загробным миром, восходящим к мифологии древних греков, их представлениям о царстве Аида [Там же]. Возможно, таким образом в сказках подчеркивается удаленность этого места, до которого могут добраться и из которого могут вернуться только птицы, способные преодолевать большие расстояния и, как мы уже отмечали, пересекать границу между мирами.

*Тотчас поймали **сороку**, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать **воды живящей**, в другой говорящей (ЛК II, с. 25).*

***Ворона** ему говорит: «Лаптай, не мучай меня, пусти ты меня. Я тебе пригожусь, я твоего хозяина **вылечу**» <...> **Ворона** влетела и взяла пузырек с **живой водой** (ЛК III, с. 30).*

*Собрали их, сбрызнули **водой**, которой им принес **ворон**, и их шурин ожил (ЛК IV, с. 41).*

4. Встречается в курских сказках и функция птицы-вестника. Это ворона или ворон, наделенные способностью говорить, которые сообщают попавшему в беду персонажу о приближающемся спасении.

Ворона летит и говорит: «Ну, Иван-царевич, твоя охота осталась за восемь земель» <...> **Ворона летит и говорит** яму: «Ну, Иван-царевич, осталась твоя охота за шесть земель» (ЛК I, с. 10).

...А ворон <...> кричит: «Пой, пой, Иван-королевич! Твоя охота три двери прогрызла!» Спел другую – **ворон кричит:** «Пой, пой, уже твоя охота девятую дверь прогрызает!» (ЛК II, с. 21).

Сюда же отнесем петухов, предвещающих наступление утра, завершение ночи, поры, когда, по представлениям народа, проявляют себя нечистые силы. Так, в одной из сказок пение петухов служит чертой, дожив до которой, герой спасает себя от воскресшей мачехи-ведьмы.

Наступила полночь. Вдруг открывается покрывало, поднимается мачеха и говорит: «Ну, вот когда я тебя съем» <...> **Петухи пропели, все исчезло, мачеха на место легла** (ЛК III, 28).

5. Иногда птицы напрямую связываются со смертью, изображаются в качестве падальщиков или пожирателей человеческой плоти.

...А ворон, что мертвечину клевал... (ЛК II, с. 21).

Змея звери в клочки расхватала, жену птицы мигом заклевали... (ЛК II, с. 21).

...Налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней [ведьмы] ни следа, ни памяти! (ЛК II, с. 26).

А его Лаштаик-конь взял, притворился как будто бы сдох. Поналетели вороны Лаштаика клевать (ЛК III, с. 30).

Таким образом, можно сделать вывод, что птицы в курских сказках обладают двойкой характеристикой. С одной стороны, это обычные животные, окружающие человека в быту или в дикой среде, выступающие фоном для повествования, тогда как с другой стороны, это волшебные или антропоморфные существа, наделяемые новыми функциями и смыслами, символы, связанные с религиозными и мифологическими представлениями народа о жизни и смерти.

3.2.4. Субкластер «Пресмыкающиеся»

В курских текстах мир пресмыкающихся представлен названиями змей (9 лексем в 121 с/у): *змея* 49, *Змеевич* 5, *змея* 13, *матушка-Змея* 2, *мать-Змея* 10, *уж* 29, а также именами прилагательными *змеевый* 1, *змеин* 2, *змеиный* 4.

Анализ субкластера демонстрирует, что змея наделяется в сказках исключительно отрицательными смыслами. Самым выразительным в этом плане является образ змея – архетипического сказочного злодея, волшебного существа, репрезентированного частотной лексемой *змея* 49 и именем собственным *Змеевич* 5, которое «в большинстве случаев встречается в тавтологическом сочетании *Змей Змеевич*, имитирующем имя-отчество отрицательного героя сказки и усиливающим негативную коннотацию образа» [Климас 2023₂: 15].

В.Я. Пропп отмечает: «...Змей в сказке, в подлинной народной русской сказке, никогда не описывается. Мы знаем, как выглядит змей, но знаем это не по сказкам. Если бы мы пожелали нарисовать змея только по материалам сказки, то это было бы затруднительно» [Пропп 1986]. Однако, как признает сам исследователь, некоторые черты его облика все же можно установить. «Змей прежде всего и всегда – существо многоголовое» [Там же]. Подтверждение этому находим и в курских текстах.

Прилятаит двенадцатиголовый змей и говорить... (ЛК I, с. 17).

...Кто спасет его дочь от пятиглавого змея, тому отдает ее в жены и в приданое все королевство (ЛК IV, с. 35).

Также сказочный змей наделен крыльями и способен летать, что выражается глаголами с соответствующей семантикой.

Разлетелся и хотел яво съест. А Иван-царевич шашкой отрубил яму крыло. Змей вдарилси наземь (ЛК I, с. 10).

Идет царевна одна и вдруг – гром, шум страшный: сам змей пятиглавый летит, земля дрожит (ЛК IV, с. 35).

Описывая образ змея, В.Я. Пропп выделяет несколько его основных ролей, функций. Одна из них – стремление съесть героя («змей-поглотитель»). Находим ее проявления в курских сказках.

С ним встречаитца змей и говорить: «Вот я тебе съем!» (ЛК I, с. 7).

«Батюшка отказал нас змею». «Ох, съест он вас» (ЛК I, с. 8).

...И пошел к развалинам того города, где змей будет есть дочь короля (ЛК IV, с. 35).

Встречается и роль «змея-похитителя».

Потом приходит к этой девице, начал спрашивать, кто она? «Я царская дочь и унесена этим змеем» (ЛК I, с. 17).

Есть в курских сказках и то, что в работе В.Я. Проппа названо «поборами змея». Чтобы спасти свою жизнь, люди должны откупиться от змея, предложить ему дань, как правило, в виде молодой девушки. Так, например, в сказке «Братья» (ЛК IV, № 22) царь отдает змею свою дочь, чтобы спасти государство. Позднее является герой, который побеждает змея и освобождает царевну.

А тот ему и говорит, что есть у короля дочь, завтра она будет отдана в жертву пятиглавому змею <...>. Этот змей по всем городам ходит и рушит их, и вот вчера соседний город весь разорил и там остановился (ЛК IV, с. 34).

Среди прочих особенностей сказочного змея отметим его способность изменять свой облик.

Слыхали вы о Змее Змеевиче? <...> Как он, скинувшись молодым молодцом, удалым удалцом, хаживал к княгине-красавице (ЛК II, с. 20).

Пусть и в меньшей мере, но все же распространен в курских сказках и образ змеи: змея 13, матушка-Змея 2, мать-Змея 10. Как и змей, она всегда обладает отрицательной коннотацией. Приведем особенно выразительное сравнение, в котором используется устойчивое определение *подколотная*.

Погубила вас ведьма старая, // Ведьма старая, змея лютая, // Змея лютая, подколотная... (ЛК II, с. 25).

Так или иначе змея связана с гибелью или причинением физического вреда.

...А под ногами у него вьется змея, да как прыгнет, да впилаась ему в горло (ЛК I, с. 26).

Люта змея сердце высосала! (ЛК II, с. 23).

Змея своим дочерям, старшей и средней, поотсекала головы (ЛК III, с. 30).

Образ волшебной змеи сближается с фольклорными представлениями о змее. Как и он, она обладает способностью летать и дышать огнем.

Летит Змея, пасть разинула. Губа одна до неба, другая – до земли. Тяжко, огнём пыл; пышет, сил нет (ЛК III, с. 33).

Помимо лексем *змея* и *змея* в субкластер вошел также серпентоним *уж* 29 (с формой обращения *ужа* 6). Его частотность обусловлена сюжетной спецификой двух сказок (ЛК III, № 11; ЛК IV, № 18), в которых уж, будучи змеей, также наделяется негативными смыслами. Как и змей, он является похитителем, уносит девушку из дома в свои владения на дно реки.

Потом один в клубок свернулся, окно выбил. Влезли ужи и потащили Машеньку неведомо куда (ЛК III, с. 21).

Ужи свернулись клубком и ворвались в дом <...> Вечером взяли с собой девушку и унесли в реку (ЛК IV, с. 25).

3.3. Выводы

Кластерный анализ показал, что тема семьи занимает значимое место в фольклорной языковой картине мира курских сказок. Об этом красноречиво говорит статистика, согласно которой единицы кластера фиксируются в 67 из 76 текстов (90%). Всего в состав кластера вошло 135 лексем в 1516 с/у.

В результате анализа удалось установить, что основной моделью семьи в курских сказках выступает нуклеарная семья, представленная парами 1) муж и жена, 2) родители и дети, 3) братья и сестры, которые репрезентированы в текстах частотными лексемами *брат* 152, *жена* 121, *муж* 104, *мать* 95, *дочь* 91, *сын* 84, *отец* 81, *сестра* 78 и др. На модель нуклеарной семьи приходится 55 лексем (40%) и 877 с/у (58%) всего кластера, что подтверждает ее особую значимость для курских сказок.

Модель расширенной семьи оказалась для курских сказок нехарактерной. В мегатексте были зафиксированы единичные низкочастотные примеры терминов прямой линии (*внук 1, внучка 1, внучонок 1, дед 5*) и боковой линии родства (*дядя 6, двоюродная сестра 1*).

Наибольшим количеством единиц представлен субкластер «Кровное родство» – 61 лексема в 894 с/у. Отношения свойства выражены меньшим количеством – 40 лексем в 406 с/у. За исключением некоторых единичных случаев (например, лексем *муж* и *жена*, входящих в состав ядра), они представлены ограниченным набором единиц с низкой частотностью, что позволяет судить об их меньшей степени значимости.

Также в курских сказках представлены разные виды близких неродственных отношений (22 лексем в 124 с/у), например, между приемными родителями и детьми, между участниками обряда крещения, однако их роль в тексте не так велика, как у кровного родства или отношений свойства.

Анализ семантики и сочетаемости единиц кластера демонстрирует, что на лексику родства в фольклорном тексте наслаиваются многие коннотативные смыслы, культурные стереотипы, установки, которые служат средством выражения моральных и этических идеалов и ценностей народа. Описание лексики родства затрагивает такие важные социальные темы, как забота членов семьи друг о друге, уважение и почитание родителей, непреложность их воли, продолжение рода и сохранение традиций, воспитание детей, распределение ролей в семье и мн. др.

Также кластерный анализ показал, что курские тексты насыщены зоонимической лексикой, которая встречается в большом разнообразии и не ограничивается ни типами сказок, ни сюжетами. Подтверждением тому служит статистика, согласно которой единицы кластера фиксируются в 65 из 76 текстов (86%).

Всего в кластер вошло 247 лексем в 1748 с/у. Его основу составили наименования млекопитающих (100 лексем – 40%) и птиц (43 – 18%). Прочие

виды животных для курских сказок оказались нехарактерны: пресмыкающиеся (9 лексем – 4%), насекомые (6 – 2%), рыбы (5 – 2%).

Представление животных в курских сказках носит двойственный характер. С одной стороны, это обычные животные, окружавшие человека на протяжении всей его жизни, а с другой стороны, волшебные антропоморфные существа, недеяющиеся новыми смыслами, получающие выразительные характеристики, выполняющие необычные для себя, но свойственные сказочному жанру функции.

Домашние животные связаны с бытом человека, они становятся предметом торговли, являются средством передвижения, помогают в хозяйстве, выступают способом пропитания; люди занимаются их разведением, выпасом, уходом за ними; в то же время домашние животные (млекопитающие) могут выступать антропоморфными волшебными помощниками людей, защищающими их от зла, помогающими им в испытаниях (например, конь, собака); наиболее частотные лексемы: *конь* 95, *коза* 74, *лошадь* 62, *вол* 26, *коточек* 26, *собака* 24, *козленочек* 22, *корова* 22.

Антропоморфные дикие животные, среди которых следует выделить четыре основных вида (лиса, волк, медведь, заяц), репрезентированные разными вариантами (*волк* 90, *зайчик* 23, *заяц* 18, *лиса* 28, *лисица* 16, *лисичка* 10, *медведь* 56 и др.), наделяются устойчивыми человеческими чертами, характерными для всех русских народных сказок: лиса – сообразительностью и хитростью, волк и медведь – доверчивостью и глупостью, заяц – трусостью и слабостью.

Если домашние птицы почти всегда связаны с описанием крестьянского быта, то дикие птицы чаще всего сопряжены с волшебством: в них вольно или невольно превращаются люди, они исцеляют или воскрешают героя, выступают символами, связанными с религиозными и мифологическими представлениям народа о жизни и смерти. Это *ворон* 6, *ворона* 12, *гусь* 25, *кукушка* 6, *утка* 11 и др.

Пресмыкающиеся, представленные в текстах наименованиями змей (*Змеевич* 5, *змея* 44, *змея* 19, *уж* 29 и др.), наделяются в фольклорной языковой картине мира исключительно отрицательной коннотацией: они связаны с гибелью героя, с потенциальной опасностью для него или других персонажей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, изучение языка фольклора является актуальной темой современной лингвистики. Ее разработка осуществляется в рамках лингвофольклористики – сравнительно молодого направления, возникшего в отечественной науке в 70-ых гг. XX в. Учеными, работающими в данной области, был определен ряд направлений исследований, одним из которых стала фольклорная лексикология, рассматривающая лексический состав фольклорных текстов разных жанров.

Основной задачей лингвофольклористики является сохранение и изучение малоизвестных региональных фольклорных текстов, представляющих особую лингвокультурологическую ценность в условиях постепенной и постоянной утраты народного творчества.

Курские народные сказки вошли в научный оборот около двадцати лет назад. За это время они не раз привлекались в отдельных исследованиях по фольклорной лексикологии, диалектологии, концептологии, послужили основой для ряда работ в области фольклорной лексикографии. Однако, как показал обзор, немногочисленные научные работы по данному направлению не исчерпывают всей глубины темы.

Исследование лексики курской народной сказки осуществлялось нами посредством применения доминантного анализа. В ходе работы было выделено ядро лексикона, в которое вошло топ-200 частотных лексем словника. Его анализ показал, что в текстах курских сказок на первый план выходит предметный и процессуальный мир, о чем свидетельствует доля имен существительных и глаголов в ядре – 31,1% (63 лексем) и 28,1% (57 лексем) соответственно. Признаковое пространство оказалось представлено крайне слабо: в ядро вошло 16 наречий (7,9%) и всего 5 имен прилагательных (2,5%). Данное наблюдение весьма значимо, поскольку в текстах других фольклорных жанров, например, в былинах или лирических песнях, имена прилагательные играют немаловажную роль. Подобное явление может быть обусловлено спецификой самих сказок, их событийной насыщенностью, из-за чего основной акцент в них делается на

персонажах и их активных действиях, тогда как качественные характеристики оказываются не столь востребованными.

В ходе исследования подтвердился тезис о неоднородности лексического состава фольклорных текстов: в курских сказках были зафиксированы группы разговорной (15% словника), просторечной (3%), устаревшей (3%) лексики, а также группы диалектизмов (5%), фольклоризмов (1%) и темных слов (менее 1%).

Из наиболее важного здесь отметим, что лексика курских сказок обладает явно выраженной территориальной спецификой. Основным для нас стал принцип словарной фиксации. Согласно диалектологическому словарю, в мегатексте было зафиксировано 233 диалектизма (в 512 с/у), что составляет около 5% словника. Однако фактически диалектных особенностей в текстах значительно больше, т.к. курские сказки насыщены фонетическими и грамматическими диалектизмами, которые не отмечаются словарями. Анализ показал, что самую обширную группу составляют единицы междиалектной лексики (65%), на втором месте находятся единицы южных говоров (30%), тогда как единицы северных говоров практически не фиксируются (5%).

Эффективной для исследования фольклорного лексикона оказалась методика кластерного анализа. Это методика, позволяющая исследователю сконцентрироваться на группе лексики, представляющей определенную часть языковой картины мира. Границы кластера носят условный характер, что делает такой вид анализа достаточно гибким и дает возможность расширения поля исследования в случае необходимости.

С помощью методики кластерного анализа удалось рассмотреть и описать особенности значимых компонентов фольклорной языковой картины мира курских сказок. Прежде всего, это семья – неотъемлемая часть жизни и культуры народа. Проанализировав состав кластера «Семья», в который вошло 135 единиц в 1516 с/у, мы установили, что основной моделью в курских сказках выступает модель нуклеарной семьи, представленная такими высокочастотными лексемами, как *брат* 152, *жена* 121, *муж* 104, *мать* 95, *дочь* 91 и др. Наименования представителей модели расширенной семьи встречаются крайне редко. В ходе

работы были выделены три основных субкластеры: кровное родство (45%), отношения свойства (30%), близкие неродственные отношения (16%). Анализ показал, что их доля в мегатексте неравна, что позволяет судить о разной степени приоритетности данных видов отношений для русского народа.

Анализ кластера «Животные» показал, что зоонимы, как и термины родства, играют важную роль в курских сказках. В основу кластера легла биологическая классификация. Согласно ей, в курских сказках доминируют наименования млекопитающих (40%) и птиц (18%), наименования всех прочих животных встречаются редко: пресмыкающиеся (4%), насекомые (2%), рыбы (2%).

Итак, настоящее исследование представляет собой попытку описания лексического состава курских народных сказок с привлечением фактического материала собраний разных лет с целью выявления общих языковых особенностей жанра. В ходе работы был уточнен понятийный аппарат фольклорной лексикологии, рассмотрены основные направления исследований в данной области, описана история собирания и изучения русских народных сказок в отечественной науке (как с точки зрения фольклористики, так и с точки зрения лингвистики); был проанализирован лексический состав мегатекста курских народных сказок, выделены и охарактеризованы ядро и периферия лексикона, установлены особенности предметного, процессуального и признакового мира, выделены лексические доминанты фольклорной языковой картины мира курских сказок, подтвержден тезис о неоднородности лексикона фольклорного текста, рассмотрены отдельные группы разговорной, просторечной, устаревшей лексики и др.

Перспективы дальнейшей разработки темы видятся нам в возможности расширения границ исследования посредством привлечения нового фактического материала, в работе по составлению новых лексикографических материалов, в выявлении жанровой специфики лексикона курских народных сказок путем их сопоставления с региональными текстами других жанров, в изучении территориальной специфики языка курских сказок через их сравнение с народными сказками других регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Афанасьев* – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984–1985. Т. 1–3.
2. *Белкин* – Сказки, записанные в Тимском уезде. Собраны Ф. Белкиным // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1863. Вып. 1. С. 518–542.
3. *Бобравские сказки* / вступ. ст. Ю.И. Юдина. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2015. 114 с.
4. *Криволапов В.Н.* Русские народные сказки Курского края / В.Н. Криволапов, С.П. Праведников, Н.В. Францова. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2023. 217 с.
5. *Курские сказки* / Сост. С.П. Праведников, Н.В. Францова. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. 210 с.
6. *Фольклор* – Фольклор. Частушки, песни, сказки, записанные в Курской области: сборник произведений народного творчества / под ред. А. Аристова и М. Павлова. Курск: Курское областное изд-во, 1939. 88 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/003138_000105_19/ (дата обращения: 26.11.23).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Бабенко* – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: 1999. 704 с.
2. *БАС I* – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Наука, 1948–1964. Т. 1–17.
3. *БАС II* – Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. М.; СПб.: Наука, 2004–2021. Вып. 1–27.
4. *БРЭ* – Большая российская энциклопедия / глав. ред. С.Л. Кравец. 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).
5. *Даль* – Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. М.: Мир книги, 2002–2003. Т. 1–12.
6. *МАС* – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. стереотип. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.05.2025).
7. *РУС* – Русско-украинский словарь / глав. ред. М.Я. Калинович. М.: ОГИЗ, Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1948.
8. *СКГ* – Словарь курских говоров. Вып. 7: О (обабить – ощупкою) / Сост. Ю.А. Дьяченко (обабить – опамятоваться), С.П. Праведников (опануть – ощупкою). Курск : Курск. гос. ун-т, 2021. 160 с.
9. *СРНГ* – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Азадовский М.К.* Русские сказочники // Русская сказка [Текст]: избранные мастера: редакция и комментарии Марка Азадовского. Т. 1. Л.: Academia, 1931. 9–90 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005484916/ (дата обращения: 12.09.2024).
2. *Азбелев С.Н., Мельц М.Я.* Литература по русскому фольклору за 1966–1975 годы // Русский фольклор: Библиографический указатель. 1966–1975. Ч. 1 / сост. М.Я. Мельц, под ред. С.Н. Азбелева и С.П. Луппова. Л.: БАН, 1984. С. 9–24.
3. *Аксаков К.С.* О различии между сказками и песнями русскими // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические / 2-е изд., доп. М.: Унив. тип., 1889. С. 379–389 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/437940> (дата обращения: 08.09.2024).
4. *Алеценко Е.И.* Взаимоотношение брата и сестры в русской народной сказке как один из сценариев концепта «семья» // Альманах современной науки и образования. 2007₁. № 3–1. С. 9–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18020060> (дата обращения: 19.05.2024).
5. *Алеценко Е.И.* Концепт «Крещение» в русской народной сказке, 2006₁. № 5 (56). С. 48–53 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11612764> (дата обращения: 05.09.2024).
6. *Алеценко Е.И.* Лексико-фразеологические средства вербализации христианской языковой картины мира в русской народной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007₂. № 2 (20). С. 54–59 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12158616> (дата обращения: 26.04.2025).
7. *Алеценко Е.И.* Сказочный текст как отражение христианской языковой картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006₂. № 3 (16). С. 47–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9207085> (дата обращения: 05.09.2024).
8. *Алеценко Е.И.* Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008. 432 с.

9. *Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: издание Гос. русского географического о-ва, 1929. 118 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008563266/ (дата обращения: 15.09.2024).
10. *Артеменко Е.Б.* Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. 160 с.
11. *Артеменко Е.Б.* Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление // Традиционная культура. 2004. Т. 5. № 3 (15). С. 3–12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trad-culture.ru/article/folklornaya-kategorizaciya-deystvitelnosti-i-mifologicheskoe-myshlenie> (дата обращения: 16.10.2024).
12. *Артеменко Е.Б.* Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. Т. 2. № 2 (4). С. 11–17 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trad-culture.ru/article/folklornoe-tekstoobrazovanie-i-etnicheskiy-mentalitet> (дата обращения: 16.10.2024).
13. *Артеменко Е.Б.* Язык русского фольклора и традиционная народная культура // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 2003. Вып. 5. С. 7–21.
14. *Артеменко Е.Б.* Языковые основы сказки в их отношении к разговорной речи // Исследования по лингвофольклористике. 1994. № 1. С. 23–28.
15. *Астахова А.М.* Вопросы изучения русского фольклора в годы 1917–1944 // Русский фольклор: Библиографический указатель. 1917–1944 / сост. М.Я. Мельц, под ред. А.М. Астаховой и С.П. Луппова. Л.: БАН, 1966. С. 11–50.
16. *Афанасьев А.Н.* Предисловие А ко 2-ому изданию 1873 г. // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 Т. Т. 1. М.: Наука, 1984. С. 5–10 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/skazki/texts/af0/af1/af1-005-.htm?cmd=p> (дата обращения: 13.09.2024).
17. *Бобунова М.А.* Где муж, там и жена (наименования супругов в курской необрядовой лирике) // Курское слово. 2009. № 6. С. 69–74.

18. *Бобунова М.А.* Лексикографический комплекс как источник изучения языка фольклора // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 3 (22) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/022-003.pdf> (дата обращения: 18.10.24).
19. *Бобунова, М.А.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Орловской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2023₁. 293 с.
20. *Бобунова М.А.* Предлог *pri* в русском фольклоре // Лингвофольклористика. 2024. 39–1. С. 3–14.
21. *Бобунова М.А.* Русская фольклорная лексикография начала XXI века // Традиционная культура. 2023₂. Т. 24. № 3. С. 170–176.
22. *Бобунова М.А.* Термины свойства в курском фольклоре // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023₃. № 12. С. 43–49.
23. *Бобунова М.А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. 240 с.
24. *Бобунова М.А., Климас И.С.* Состав кластера «Пища» в фольклоре // Фольклорная лексикография. 2001. № 18. С. 4–12.
25. *Бобунова М.А., Ковалев А.Е.* Музыкальные инструменты в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 2 (57). С. 24–36 [Электронный ресурс]. URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/new-number> (дата обращения: 06.07.2025).
26. *Бобунова М.А., Праведников С.П.* Существуют ли «фольклорные диалекты» и возможна ли «фольклорная диалектология» // Фольклорная диалектология. 2001. № 1. С. 3–10.
27. *Бобунова М.А., Праведников С.П., Хроленко А.Т.* Проблемы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 72 с.
28. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2008. 316 с.

29. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 258 с.
30. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Курская лингвофольклористика и национальные научные фонды // Лингвофольклористика. 2021. № 34. С. 81–89.
31. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть первая: Мир природы. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006₁. 125 с.
32. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть вторая: Мир человека. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006₂. 192 с.
33. *Богатырев П.Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 106–116 [Электронный ресурс]. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1973-5.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).
34. *Будде Е.* Образцы народного говора Скопинского уезда Рязанской губернии // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 21, № 2. С. 143–152 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/225354/1/MDAwMDAyNTBfRXRub2dy0LBmaWNoZXNrb2Ugb2JvenJlbmllIGdvZCA2IGtuLiAyMSDihJYyLnBkZg> (дата обращения: 01.09.2024).
35. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Т. 1–2. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1861. 643 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004437355/ (дата обращения: 15.09.2024).
36. *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжетов // Историческая поэтика / под ред. М.: Высшая школа, 1989. С. 300–307 [Электронный ресурс]. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Veselovskij_A._N._Istoricheskaya_poetika._1989.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
37. *Волощенко О.В.* Об обусловленности портретных характеристик персонажей сказочной картины мира // Народная культура и проблемы ее изучения. 2006₁. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://vantit.ru/library/item/683-ob-obuslovlennosti-portretnyx-karakteristik-personazhej-skazochnoj-kartinoj-mira.html> (дата обращения: 03.09.2024).

38. *Волощенко О.В.* Языковые и речевые особенности фольклорной объективации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. 2006₂. № 2. С. 49–55 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9588135> (дата обращения: 03.09.2024).
39. *Волощенко О.В.* Языковые основы фольклора в свете явлений традиционной народной культуры: на материале русской волшебной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006₃. 21 с.
40. *Горбачева О.Г.* Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003445722> (дата обращения: 06.09.2024).
41. *Горшкова Т.М., Ручина Л.И.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6–2. С. 130–135 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17216394> (дата обращения: 04.09.2024).
42. *Гузунова Е.А.* Особенности синтаксиса русских народных сказок, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1952. 21 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005785366> (дата обращения: 02.09.2024).
43. *Гультяева Н.В.* Язык русского заговора: лексика: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 172 с.
44. *Гулянкова Т.И.* Вставочная связь в текстах русских народных сказок // Исследования по лингвофольклористике. 1994. № 1. С. 34–39.
45. *Давлетов К.С.* Фольклор как вид искусства. М.: «Наука», 1966. 365 с.
46. *Данилова Ю.Ю., Бубекова Л.Б., Ибрагимова Э.Р.* Этнолингвокультурные стереотипы в русских народных сказках о животных // Филология и культура. 2020. № 4 (62). С. 21–28 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44649445> (дата обращения: 21.04.2025).

47. *Девущая Е.Н.* Цветовая характеристика мира в лексике русских и немецких народных сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2014. 18 с.
48. *Демидова Т.Д., Косицына Н.О.* Архетипический образ семьи в фольклорном и массмедийном пространстве // *Лингвофольклористика*. 2024. № 39–2. С. 34–40.
49. *Доброва С.И.* Образный параллелизм в его структурно-семантических модификациях: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 277 с.
50. *Доброва С.И., Черванева В.А.* Полувековой юбилей воронежской школы лингвофольклористики // *Дело всей жизни: сборник научных трудов*. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 13–20 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vspu.ac.ru/download/lib/D/D2_2010_06.pdf (дата обращения: 15.10.2024).
51. *Доброва С.И., Халилова Д.Х.* К вопросу о типологии словников номинаций бытовых реалий (артефактов) в фольклорном тексте: структура, содержание, функциональное значение (на материале сказок А.Н. Корольковой) // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2019. № 2 (283). С. 238–244 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38579950> (дата обращения: 16.10.2024).
52. *Дьяченко Ю.А.* *Повяжу я, повяжу беленький платочек (платок в курском фольклоре)* // *Лингвофольклористика*. 2023. № 37. С. 68–75.
53. *Дьяченко Ю.А., Праведников С.П., Ковалев А.Е.* Концепт «конь / лошадь» в русских народных сказках // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2025. Т. 47. № 3. С. 8–15.
54. *Евгеньева А.П.* *Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.* М.; Л. 1963. 353 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-heritage.ru/Book/10095166> (дата обращения: 10.10.2024).
55. *Еремина В.И.* Книга В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и ее значение для современного исследования сказки // *Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / под ред. В.И. Ереминой Л.*: Изд-во Ленинградского университета, 1986. С. 5–15.

56. *Золотова Н.О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2005. 44 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/yadro-mentalnogo-leksikona-cheloveka-kak-estestvennyi-metayazyk> (дата обращения: 09.11.2024).
57. *Иванова Т.Г.* Литература по русскому фольклору в 1800–1855 годах // Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800–1855 / под ред. А.А. Горелова, сост. Т.Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 7–17.
58. *Иванова Т.Г.* Литература по русскому фольклору за 1881–1900 гг. // Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881–1900 / под ред. А.А. Горелова и Н.П. Копаневой, сост. Т.Г. Иванова. Л.: БАН, 1990. С. 9–24.
59. *Иванова Т.Г.* Литература по русскому фольклору за 1981–1985 годы // Русский фольклор: библиографический указатель. 1981–1985 / сост. Т.Г. Иванова, под ред. А.А. Горелова и Н.П. Копаневой. Л.: БАН, 1993. С. 10–33.
60. *Иванова Т.Г.* Литература по русскому фольклору за 1991–1995 годы // Русский фольклор: библиографический указатель. 1991–1995 / сост. Т.Г. Иванова, под ред. Т.Г. Ивановой и М.В. Рейли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 8–24.
61. *Карнова В.В.* Концепт “Чудо” в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2018. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008705910> (дата обращения: 06.09.2024).
62. *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 325 с.
63. *Климас И.С.* Дружба в курском фольклоре // Традиции фольклора в современной культуре детства: Юдинские чтения-2021. 2022. С. 15–20.
64. *Климас И.С.* Как закипел народ у княжских ворот! (курский фольклор о НАРОДЕ) // Лингвофольклористика. 2023₁. № 37. С. 56–67.
65. *Климас И.С.* К вопросу о просторечиях в языке фольклора // Лингвофольклористика. 2010. № 17. С. 15–19.
66. *Климас И.С.* Компаративные и контрастивные характеристики возраста в сказках // Лингвофольклористика. 2021₁. № 33. С. 29–35.

67. *Климас И.С.* К проблеме окказиональных и «темных» слов в фольклоре // Лингвофольклористика. 2007. № 12. С. 33–41.
68. *Климас И.С.* Матушка в фольклорной картине мира // Образ и текст: Сб. материалов международной научной конференции. Курск.: Изд-во МГСУ «Союз», 2004₁. С. 163–171.
69. *Климас И.С.* «“Милее всего внучек Иванушка!” (концепт “ВНУК” в сказочном фольклоре) // Лингвофольклористика. 2015. № 22. С. 11–17.
70. *Климас И.С.* Не ради басы, а ради крепости (об одном гнезде диалектных слов в северном фольклоре) // Лингвофольклористика. 2021₂. № 31. С. 3–12.
71. *Климас И.С.* Объект фольклорной лексикологии. Курск: Изд-во КГПУ, 2001. 112 с.
72. *Климас И.С.* Своеобразие лексикологических категорий в языке фольклора. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004₂. 147 с.
73. *Климас И.С.* Слыхали вы о Змее Змеевиче? (ЗМЕЙ в русских и арабских сказках) // Лингвофольклористика. 2023₂. № 38. С. 11–16.
74. *Климас И.С.* «Сыновья» и «Дочери» в северорусской и южно-русской фольклорной лирике // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. Сб. науч. трудов. Архангельск, 2013. С. 154–158.
75. *Климас И.С.* Фольклоризмы в былинном и песенном словниках // Лингвофольклористика. 2005₁. № 9. С. 3–8.
76. *Климас И.С.* Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: дис. ... докт. филол. наук. Курск, 2005₂. 408 с.
77. *Климас И.С.* Ядро фольклорного лексикона. Курск: Изд-во КГПУ, 2000. 94 с.
78. *Климас И.С., Кононова А.А., Пономарева В.В., Ткаченко О.А.* «Мысль семейная» в курских фольклорных песнях. Часть I. До брака: в своей семье // Лингвофольклористика. 2021. № 33. С. 38–46.

79. *Климас И.С., Праведников С.П. Ворота в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 4 (43). С. 89–100 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47497100> (дата обращения: 13.05.2025).*
80. *Ковалев А.Е. Артефактная лексика в курских народных сказках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023₁. № 2 (49). С. 238–253 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54079598> (дата обращения: 13.05.2025).*
81. *Ковалев А.Е. Изучение языка русской народной сказки на современном этапе // Лингвофольклористика. 2023₂. № 38. С. 28–38.*
82. *Ковалев А.Е. Концепт «Мать» в фольклорной языковой картине мира (на материале курских народных сказок) // Лингвофольклористика. 2025₁. № 40. С. 130–138.*
83. *Ковалев А.Е. Лексика системы родства в русском фольклоре (на материале курских народных сказок) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025₂. № 5. С. 33–39.*
84. *Ковалев А.Е. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Курские сказки 30-х гг. XX в. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024₁. 448 с.*
85. *Ковалев А.Е. Представители царской семьи в курских народных сказках // Курское слово. 2024₂. № 29. С. 49–58.*
86. *Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: Ленанд, 2024. 352 с.*
87. *Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. 54 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kolosov/text.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).*
88. *Константинова С.К. Лексема конь в курской сказке // Лингвофольклористика. 2023. № 37. С. 117–123.*
89. *Косс Е.В. Термины родства: изученность терминосистемы и перспективы дальнейших исследований // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов:*

Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции. В 2-х частях. Том Часть 1. Санкт-Петербург, 2022. С. 107–110 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49407117> (дата обращения: 15.04.2025).

90. *Костюхин Е.А.* 1920-е годы: становление отечественного сказковедения // Из истории русской фольклористики. 2007. № 7. С. 33–42.

91. *Котов А.А.* Исследователь и педагог, настоящий ученый (к 75-летию профессора З.К. Тарланова) // Стил: international journal. 2011. № 10. The international Association Style, Republic of Serbia. Белград (Сербия), 2011. С. 410–417 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/32Jubileji.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).

92. *Кравцов Н.И., Лазутин С.Г.* Русское устное народное творчество. Учебник для филол. фак. ун-тов. М.: «Высш. школа», 1977. 375 с.

93. *Кретов А.А.* Исследование языка сказок // История собирания и изучения фольклора и этнографии в Воронежском крае. Воронеж, 2016. С. 65–70.

94. *Кретов А.А.* Составные номинации в русских народных сказках // Народная культура и проблемы ее изучения: сборник статей. Материалы научной региональной конференции 2014 г. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. С. 171–264 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kretov5.pdf> (дата обращения 03.09.2024).

95. *Кретов А.А., Шмыглева В.В.* Цветовой спектр и цветообозначения в сказках А.К. Барышниковой // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы X Международной научной конференции. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. 2019. С. 227–230 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43133072> (дата обращения: 03.09.2024).

96. *Криволапов, В.Н., Праведников С.П., Францова Н.В.* Курские сказки в записях второй половины XX – начала XXI века // Русские народные сказки Курского края. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2023. С 3–8.

97. *Ли Исинь*. Репрезентация ключевых концептов русских народных сказок и авторских сказок как отражение коллективного и индивидуального языкового сознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2020. 26 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010251704> (дата обращения: 06.09.2024).
98. *Мальцева Т.И.* К вопросу о составе и особенностях варьирования инициальных формул русской волшебной сказки // Лингвофольклористика. 2000. № 4. С. 68–75.
99. *Мальцева Т.И.* Конструкции, репрезентирующие персонажей русской волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 213 с.
100. *Мальцева Т.И.* Особенности использования фольклорно-языковых средств воронежскими сказочницами А.К. Барышниковой и А.Н. Корольковой // *Philologos*. 2020₁. № 5 (84). С. 302–304 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43010073> (дата обращения: 02.09.2024).
101. *Мальцева Т.И.* Разнообразие формул русской волшебной сказки как результат их варьирования // Мир науки, культуры, образования. 2020₂. № 5 (84). С. 302–304.
102. *Мальцева Т.И.* Формула ввода антагониста в текст волшебной сказки и былины: сходства и различия // Филологический аспект. 2017. № 9 (29).
103. *Медведева А.А.* Жанровые и региональные особенности языка частушек Шекснинского района Вологодской области: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2019. 218 с.
104. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.–СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
105. *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. С. 11–121 [Электронный ресурс]. URL: <https://ctsf.ru/publication/struktura-volshebnoy-skazki-em-meletinskiy-syu-neklyudov-es-novik-dm-segal-m-rggu-2001> (дата обращения: 26.09.2024).

106. *Моргунова Н.И.* Фольклорные имена существительные в народно-песенном тексте // Текст как единица анализа и единица обучения. Курск, 1999. С. 58–61.
107. *Москвин В.П.* Эпитет в художественной речи // Русская речь. 2001. № 4. С. 28–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2001-4/28-32> (дата обращения: 09.11.2024).
108. *Муратова М.И.* Лексикон псковской сказки в лингвокультурологической словарной интерпретации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 10 (143). С. 203–206.
109. *Мызников С.А.* «Словарь русских народных говоров»: некоторые итоги лексикографической работы // Славянское языкознание. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 335–350 [Электронный ресурс]. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/myznikov.pdf> (дата обращения: 13.11.2024).
110. *Никифоров А.И.* Жанры русской сказки // Сказка и сказочник / сост. Е.А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008₁. С. 70–103.
111. *Никифоров А.И.* К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Сказка и сказочник / сост. Е.А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008₂. С. 313–318.
112. *Никифоров А.И.* Русская докучная сказка // Сказка и сказочник / сост. Е.А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008₃. С. 122–186.
113. *Никифоров А.И.* Русская сатирическая сказка // Сказка и сказочник / сост. Е.А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008₄. С. 187–217.
114. *Никифоров А.И.* Сказка, ее бытование и носители // Сказка и сказочник / сост. Е.А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008₅. С. 20–69.
115. *Николаева Н.В.* Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2022. 302 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2022/05/nikolaeva_nv-disser.pdf (дата обращения: 03.05.2025).
116. *Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Издательство «Наука», 1974. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klex.ru/1kbq> (дата обращения: 21.09.2024).

117. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. СПб.: изд. Д.Е. Жуковского, 1902. 312 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2577903/ (дата обращения: 01.09.2024).
118. *Ольденбург С.О.* Собрание русских народных сказок в последнее время // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Т. 64. № 8. С. 296-322 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB18001677/ (дата обращения: 11.09.2024).
119. *Осадчева О.Л., Кидямкина С.А., Зленко А.А.* О терминах родства в русском языке // Русский язык за рубежом. 2012. № 6 (235). С. 97–102 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18426882> (дата обращения: 05.04.2025).
120. *Оссовецкий И.А.* Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60-х годов // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 301–385.
121. *Оссовецкий И.А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93–112.
122. *Оссовецкий И.А.* О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77 [Электронный ресурс]. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1975-5.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).
123. *Отделение литературы и языка (134)* // Вестник Российской академии наук. 1953. № 10. С. 134-139 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/FStorage/fstructure.aspx?id=1de57673-d52c-4a37-861a-79703bc33b69> (дата обращения: 02.09.2024).
124. *Партенадзе М.Х.* О природе слов с пометой «областное» // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 109–117 [Электронный ресурс]. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1978-1.pdf> (дата обращения: 09.11.2024).
125. *Пенская И.Е.* Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 24

с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003448051> (дата обращения: 06.09.2024).

126. *Петров А.М.* Петрозаводская школа лингвофольклористики: теоретические основы, методы, жанры // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. науч. статей. Петрозаводск, 2011. Вып. 14. С. 110–120 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25092303> (дата обращения: 18.10.2024).

127. *Петрухина М.В.* Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук. Курск. 2006. 260 с.

128. *Пилипчук Н.А.* Особенности фразеологических единиц с компонентом-ихтионимом *щука* в славянской народной традиции // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 190–197 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47443197> (дата обращения: 03.05.2025).

129. *Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 128 с.

130. *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки. М.: Издательство «Наука», 1965. 219 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pomeranc/text.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).

131. *Попова З.Д., Стернин И.А., Беляева Е.И.* Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 198 с.

132. *Праведников С.П.* Дети в текстах русских народных сказок // Детский фольклор: Традиции и современность. Юдинские чтения. Курск: КГУ, 2012₁. С. 14–17.

133. *Праведников С.П.* Диалектная лексика в курских сказках // Курское слово. 2012₂. № 9. С. 74–81.

134. *Праведников С.П.* Диминутивная лексика в курских сказках // Курское слово. 2011₁. № 8. С. 76–82.

135. *Праведников С.П.* Изучение курской народной сказки: о формировании исследовательской базы // Курское слово. 2021. № 24. С. 54–62.

136. *Праведников С.П.* Курские сказки как объект фольклорной диалектологии // *Пространство фольклора, литературы и педагогики.* 2019₁. С. 13.
137. *Праведников С.П.* Лексика, описывающая животный и растительный мир, в курских сказках А.Н. Афанасьева // *Курское слово.* 2010₁. № 7. С. 56–67.
138. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 1. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019₂. 245 с.
139. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 2. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019₃. 392 с.
140. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 3. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2020. 349 с.
141. *Праведников С.П.* Наименование артефактов в курских сказках // *Курское слово.* 2007₁. № 4. С. 93–106.
142. *Праведников С.П.* Ономастическое пространство курской сказки // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология.* 2019₄. С. 274-276.
143. *Праведников С.П.* О своеобразии языка курских сказок // *От конгресса к конгрессу.* 2010₂. С. 125–136.
144. *Праведников С.П.* Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010₃. 230 с.
145. *Праведников С.П.* Признаковое пространство курских сказок // *Курское слово.* 2008. № 5. С. 85–91.
146. *Праведников С.П.* Признаковый мир русских народных сказок (на материале «Сказок, записанных в Тимском уезде») // *Курское слово.* 2009₁. № 6. С. 74–79.
147. *Праведников С.П.* Прилагательное царский в русских народных сказках // *Лингвофольклористика.* 2016. № 23. С. 27–31.
148. *Праведников С.П.* Региональная специфика антропонимов курских и олонекских сказок // *Лингвофольклористика.* 2011₂. № 18. С. 38–47.
149. *Праведников С.П.* «Слово и по сказке правдит» // *Лингвофольклористика.* 2012₃. № 19. С. 21–29.
150. *Праведников С.П.* Территориальная дифференциация языка русского фольклора: дис. ... докт. филол. наук. Курск, 2011₃. 338 с.

151. *Праведников С.П.* Тимские сказки, записанные Ф. Белкиным, как элемент исследовательской базы при выявлении территориальной специфики фольклорного текста. Анализ имен существительных // *Лингвофольклористика*. 2007₂. № 12. С. 3–28.
152. *Праведников С.П.* Топонимы в олонечких и курских сказках (сопоставительный аспект) // «Свое» и «чужое» в культуре: Материалы XI Международной научной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 160–162.
153. *Праведников С.П.* Формирование фольклорных диалектов // *Ученые записки*. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009₂. № 2 (10). С. 70–77.
154. *Праведников С.П.* «Что народ, то и вера, а что купец, то мера» // *Русская речь*. 2010₄. № 4. С. 109–111.
155. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / под ред. В.И. Ереминой Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 368 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/ist/ori/che/sky/kor/ny/ska/zki/propp/index.htm> (дата обращения: 06.05.2025).
156. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/propp_morfologiya_skazki_1969_ocr.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
157. *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора (Собрание трудов В.Я. Проппа) / составление, предисловие и комментарии А.Н. Мартыновой. М.: Издательство «Лабиринт», 1998. 352 с.
158. *Пропп В.Я.* Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа) / научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. М.: Издательство «Лабиринт», 2000. 416 с.
159. *Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881–1900* / под ред. А. А. Горелова и Н. П. Копаневой, сост. Т. Г. Иванова. Л.: БАН, 1990. 502 с.

160. *Русский фольклор*: Библиографический указатель. 1966–1975. Ч. 1 / сост. М.Я. Мельц, под ред. С.Н. Азбелева и С.П. Луппова. Л.: БАН, 1984. 422
161. *Русский фольклор*: Библиографический указатель. 1976–1980 / сост. Т.Г. Иванова, под ред. А.А. Горелова и Н.П. Копаневой. Л.: БАН, 1987. 402 с.
162. *Русский фольклор*: Библиографический указатель. 1981–1985 / сост. Т.Г. Иванова, под ред. А.А. Горелова и Н.П. Копаневой. Л.: БАН, 1993. 546 с.
163. *Ручина Л.И., Горшкова Т.М.* Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 124-130 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9067842> (дата обращения: 16.10.2024).
164. *Селиверстова Е.И.* Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/russkaya-poslovitsa-v-paremiologicheskom-prostranstve> (дата обращения: 16.11. 2024).
165. *Семенова И.П.* Чувашские названия животных в сравнительно-историческом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2017. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/chuvashskie-nazvaniya-zhivotnykh-v-sravnitelno-istoricheskom-osveshchenii> (дата обращения: 03.05.2025).
166. *Словарь концептов 2011* – Словарь концептов русской народной сказки. Ч. 1: Родственные связи / Е.В. Анисимова, Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина, А.В. Синелева. Н. Новгород: Нижегор. ун-т, 2011. 170 с.
167. *Словарь концептов 2015* – Словарь концептов русской народной сказки. Ч. 2 / Л.В. Грехнева, Т.М. Горшкова, Е.Р. Переслегина, Л.И. Ручина, А.В. Синелева. Н. Новгород: Нижегор. ун-т, 2015. 170 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/slovarcon.pdf (дата обращения: 04.09.2024).
168. *Соколов М.Е.* О языке сказок, песен и областных словарях (по поводу фонетической записи сказки об Илье Муромце) // Труды Саратовской ученой

- архивной комиссии, 1908. Вып. 24. С. 128–129 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13384-vyp-24-1908> (дата обращения: 01.09.2024).
169. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор: Учебное пособие. 3-е изд. / Отв. редактор В.П. Аникин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
170. *Соловьева Н.В.* Особенности семантической структуры фольклорного слова // Филология. 2016. № 6 (6). С. 53–55 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27215019> (дата обращения: 13.11.2024).
171. *Стекольников Н.В.* Лексические парадигмы в текстах рекурсивной структуры: на материале русских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/leksicheskie-paradigmy-v-tekstakh-rekursivnoi-struktury-na-materiale-russkikh-skazok> (дата обращения: 24.11.2024).
172. *Степанова И.А.* Сравнительный анализ кластера «Одежда и украшения» в языке исторических песен XVII и XIX веков // Лингвофольклористика. 2014. № 21. С. 45–51.
173. *Супряга С.В.* Отражение семейных ценностей в лирических и обрядовых песнях русского устья // Христианство, искусство, образование: диалог культур, традиции и современность: Материалы междунар. научно-практической конференции в рамках юбилейных XX Международных научно-образовательных Знаменских чтений. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. С. 68–76.
174. *СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка /* Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sravnit1/text.pdf> (дата обращения: 27.08.24).
175. *Тарланов З.К.* Предисловие ответственного редактора // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1996. С. 3–4.
176. *Токарев Г.В.* Сто названий волшебного мира русского фольклора: Словарь. Тула: ТППО, 2019. 44 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46460640> (дата обращения: 04.09.2024).

177. *Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. редактор С.М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7–22 [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2009_rodstvo.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
178. *Холтобина А.С.* Лексика былинного текста: жанровый, диалектный и идиолектный аспекты (на материале эпических текстов Т.Г. Рябинина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015. 21 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/leksika-bylinnogo-teksta-zhanrovyi-dialektnyi-i-idiolktnyi-aspekty-na-materiale-epicheskikh> (дата обращения: 16.11.2024).
179. *Хроленко А.Т.* Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 192 с.
180. *Хроленко А.Т.* Курское фольклорное слово: опыт истории его изучения // Курское слово. 2021. № 23. С. 67–73.
181. *Хроленко А.Т.* Лексика русской народной поэзии (на материале лирической песни). Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ин-та, 1976. 64 с.
182. *Хроленко А.Т.* Лингвофольклористика: перспективы развития // Русская речь. 2017. № 6. С. 25–30.
183. *Хроленко А.Т.* Наблюдения над спецификой фольклорного слова // Семантическая сторона языковых явлений. Воронеж, 1989. С. 92–98.
184. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
185. *Хроленко А.Т.* Основы современной филологии: учеб. пособие / науч. ред. О.В. Никитин. М.: ФЛИНТА, 2013. 344 с.
186. *Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. 163 с.
187. *Хроленко А.Т.* Проблемы лингвофольклористики: к вопросу о комплексном подходе к изучению языка фольклора // Очерки по стилистике русского языка. 1974₁. Вып. 1. С. 9–23.

188. *Хроленко А.Т.* Своеобразие фольклорного слова // Русский фольклор. Т. 26. Л., 1991. С. 122-133 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=3K7GDe5ZRs8%3d&tabid=10331> (дата обращения: 18.10.2024).
189. *Хроленко А.Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992₁. 140 с.
190. *Хроленко А.Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Т. 19. Л., 1979. С. 147–156 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=WsZigvdtCbA%3d&tabid=10331> (дата обращения: 18.10.2024).
191. *Хроленко А.Т.* Существует ли курский «фольклорный диалект»? // Центральночерноземная деревня: история и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции (Белгород, 13–14 ноября 1992 г.). М., 1992₂. С. 79–80.
192. *Хроленко А.Т.* Что такое лингвофольклористика? // Русская речь. 1974₂. № 1. С. 36–41.
193. *Цертелев Н.А.* Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений // СПб.: тип. Н. Греча, 1820. 36 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.koob.ru/certelev_d_n/look_russian_fairy (дата обращения: 08.09.2024).
194. *Черванева В.А.* Квантитативная семантика сказочных характеристик времени. 2005. URL: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb2/cherwaneva.pdf (дата обращения: 23.06.2023).
195. *Черванева В.А.* Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира (количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003₁. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20332304> (дата обращения: 03.09.2024).

196. *Черванева В.А.* Концепт «Дистанция» в волшебной сказке. 2003₂. URL: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/nasled_afanasiev2003/chervaneva.pdf (дата обращения: 29.06.2023).
197. *Черванева В.А.* Культурологическое содержание характеристик возраста человека в волшебной сказке. 2007. URL: <http://www.trad-culture.ru/article/> (дата обращения: 28.06.2023).
198. *Черванева В.А.* Скорость пространственного перемещения в сказке // Народная культура и проблемы ее изучения. 2009. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://vantit.ru/component/k2/item/741-skorost-prostranstvennogo-peremeshheniya-v-skazke.html> (дата обращения: 03.09.2024).
199. *Черванева В.А., Артеменко Е.Б.* Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2004. 184 с.
200. *Черноусова И.П.* Концепт благословение в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров) // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 26–31 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21542870> (дата обращения: 02.09.2024).
201. *Черноусова И.П.* Концепт птица в сказочной картине мира // Третьи Щеулинские чтения. Липецк, 2023. С. 35-42 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55165125> (дата обращения: 02.09.2024).
202. *Черноусова И.П.* Репрезентация сказочной концептосферы в диалоговой модели // Филоlogos. 2012₁. № 12 (1). С. 116–126 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17822221> (дата обращения: 02.09.2024).
203. *Черноусова И.П.* Структура и художественные функции диалога в русской волшебной сказке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 21 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000109602> (дата обращения: 02.09.2024).
204. *Черноусова И.П.* Фольклорная концептосфера своего и чужого миров (на примере русской волшебной сказки) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные науки. 2012₂. № 1 (6). С.

- 105–114 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38549492> (дата обращения: 02.09.2024).
205. *Черноусова И.П.* Язык фольклора как отражение этнической ментальности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Елец, 2015. 52 с.
206. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. Л. : Наука, 1986. 304 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nartrad/text.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).
207. *Шаколо А.В.* Оппозиция «свой–чужой» и ее реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-svoy-chuzhoy-i-ee-realizatsiya-posredstvom-kontseptov-dom-i-les-v-diskurse-russkih-volshebnyh-skazok/viewer> (дата обращения: 06.02.2025).
208. *Шейн П.К.* К диалектологии великорусских наречий: извлечения из Сборника сказок и преданий Самарского края, составленных и записанных Д.Н. Садовниковым. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1899. 41 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/87359> (дата обращения: 01.09.2024).
209. *Шеппинг Д.О.* Ответ г. Аксакову // Москвитянин. 1853. № 2. С. 50-54 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000189729/ (дата обращения: 08.09.2024).
210. *Шмыглева В.В., Кретов А.А.* Составление конкорданса сказок Анны Куприяновны Барышниковой // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 188–191 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36899292> (дата обращения 04.09.2024).
211. *Эпоева Л.В.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 20 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003160624> (дата обращения: 06.09.2024).
212. *Юдин Ю.И.* О группировке и издании сказок в своде русского фольклора // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977. Т. 17. С. 45–58 [Электронный ресурс]. URL:

<http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/RusFolk/RusFolklore%20vol.17%201977.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

213. *Юдин Ю.И.* Русская народная бытовая сказка // Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / под ред. В.Ф. Шевченко. М.: «Лабиринт», 2006₁. С. 6–208.

214. *Юдин Ю.И.* Сказка и история // Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / под ред. В.Ф. Шевченко. М.: «Лабиринт», 2006₂. С. 282–290.

215. *Юдина Н.В.* Терминология родственных отношений в русскоязычном дискурсе XXI века // Научное мнение. 2014. № 8. С. 13–23 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22258127> (дата обращения: 15.04.2025).

216. *Ясенев М.* Предисловие // Фольклор. Частушки, песни, сказки, записанные в Курской области: сборник произведений народного творчества / под ред. А. Аристовой и М. Павлова. Курск: Курское областное изд-во, 1939. 88 с.

217. *Яцкевич Л.Г.* Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора. Вологда: ВоГУ, 2017. 135 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kvasjunin/text.pdf> (дата обращения: 16.11.2024).

218. *Bailey James.* Three Russian lyric folk song meters. Slavica Publishers, Inc, 1992. 432 p.

219. *Jerzy Bartmiński.* O języku folkloru. Gdansk, 1973.

220. *Niebrzegowska-Barutminska S.* Wzorce tekstow ustnych wperapektywie etnolingwistycznej. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. 452 p.

221. لغة دراسة في الواعدة والتوجهات الاوسائل ..بس ب راف يذ ي كوف , بس ا ك ل يماس // الأجد ن بية ال ثقافة // الروسي ال فول كلور. 2023. raqm 3–4. s 231–242.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Ядро лексикона курской сказки

1. и 2195	41. тогда 131	81. старик 73
2. он 1258	42. дать 124	82. хотеть 73
3. а 939	43. сам / сама / сами 124	83. бежать 72
4. в / во 801	44. себя 123	84. сидеть 72
5. не 779	45. жена 121	85. богатый 71
6. она 733	46. мы 121	86. голова 71
7. на 717	47. видеть 117	87. ехать 71
8. я 660	48. вы 117	88. день 70
9. они 510	49. из 114	89. знать 70
10. говорить 495	50. другой 112	90. когда 70
11. что 483	51. там 110	91. но 70
12. ты 468	52. как 108	92. его 69
13. с / со 404	53. жить 105	93. приходиться 69
14. у 348	54. муж 104	94. плакать 68
15. быть 345	55. домой 103	95. спать 68
16. к / ко 341	56. мать 103	96. такой 68
17. пойти 319	57. кто 99	97. люди 67
18. идти 298	58. нет 96	98. остаться 65
19. за 284	59. конь 95	99. три 65
20. весь 253	60. дочь 91	100. стоять 64
21. вот 241	61. еще 91	101. б / бы 62
22. по 235	62. волк 90	102. лошадь 62
23. сказать 235	63. под 88	103. ходить 62
24. стать 227	64. сестра 88	104. давать 61
25. этот 224	65. сын 85	105. отвечать 61
26. да 220	66. только 83	106. принести 60
27. тот 206	67. спрашивать 82	107. сделать 59
28. мой 200	68. то 82	108. бить 58
29. прийти 182	69. отец 81	109. дом 58
30. свой 167	70. чтоб / чтобы 81	110. есть (питаться) 58
31. взять 166	71. так 79	111. от 57
32. один 160	72. сестра 79	112. пустить 57
33. ж / же 157	73. ни 78	113. медведь 56
34. царь 156	74. два 77	114. тут 56
35. брат 152	75. лес 76	115. хозяин 56
36. мужик 142	76. барин 74	116. всё 55
37. Иван-царевич 140	77. вода 74	117. дуб 55
38. как 140	78. коза 74	118. твой 55
39. ну 140	79. поехать 74	119. Бог / бог 54
40. опять 136	80. поп 73	120. дверь 54

121. дети 54
122. отдать 54
123. куда 51
124. куку / ку-ку 51
125. пить 51
126. приехать 51
127. съесть 51
128. время 50
129. деньги 50
130. солдат 50
131. бабушка 49
132. думать 49
133. Змей / змей 49
134. где 48
135. звать 48
136. потом 47
137. глаз 46
138. выйти 45
139. двор 45
140. делать 45
141. начать 45
142. огонь 45
143. до 44
144. дорога 44
145. охота 44
146. старуха 44
147. дурак 43
148. земля 43
149. который 43
150. лечь 43
151. ли / ль 43
152. просить 43
153. море 42
154. рука 42
155. уйти 42
156. дальше 41
157. поле 41
158. уже 41
159. если 40
160. нога 40
161. ночь 40
162. надо 39
163. дочка 38
164. мужичок 38
165. охотник 38
166. посадить 38
167. рассказать 38
168. убить 38
169. дед 37
170. ее 37
171. лежать 37
172. побежать 37
173. третий 37
174. увидеть 37
175. бедный 36
176. город 36
177. дело 36
178. красный 36
179. спросить 36
180. брат 35
181. ведьма 35
182. какой 35
183. кричать 35
184. снова 35
185. хороший 35
186. видать 34
187. никто 34
188. положить 34
189. купить 33
190. Марко 33
191. схватить 33
192. туда 33
193. юноша 33
194. девочка 32
195. Ивашечка 32
196. король 32
197. служивый 32
198. хлеб 32
199. это 32
200. так 32

Приложение № 2. Частеречный состав ядра

Имена существительные (63):

царь 156	люди 67	земля 43
брат 152	лошадь 62	море 42
мужик 142	дом 58	рука 42
Иван-царевич 140	медведь 56	поле 41
жена 121	хозяин 56	нога 40
муж/мужа 104	дуб 55	ночь 40
мать 103	Бог / бог 54	дочка 38
конь 95	дверь 54	мужичок 38
дочь 91	дети 54	охотник 38
волк 90	время 50	дед 37
сын 85	деньги 50	город 36
отец 81	солдат 50	дело 36
сестра 79	батюшка 49	ведьма 35
лес 76	Змей / змей 49	Марко 33
барин 74	глаз 46	юноша 33
вода 74	двор 45	девочка 32
коза 74	огонь 45	Ивашечка 32
поп 73	дорога 44	король 32
старик 73	охота 44	служивый 32
голова 71	старуха 44	хлеб 32
день 70	дурак 43	один 2

Глаголы (57):

говорить 495	приходить 69	выйти 45
быть 345	плакать 68	делать 45
пойти 319	спать 68	начать 45
идти 298	остаться 65	лечь 43
сказать 235	стоять 64	просить 43
стать 227	ходить 62	уйти 42
прийти 182	давать 61	посадить 38
взять 166	отвечать 61	рассказать 38
дать 124	принести 60	убить 38
видеть 117	сделать 59	лежать 37
жить 105	бить 58	побежать 37
сесть 88	есть (питаться) 58	увидеть 37
спрашивать 82	пустить 57	спросить 36
поехать 74	отдать 54	брат 35
хотеть 73	пить 51	кричать 35
бежать 72	приехать 51	видать 34
сидеть 72	съесть 51	положить 34
ехать 71	думать 49	купить 33
знать 70	звать 48	схватить 33

Служебные части речи (32):

и 2195	по 235	ни 78
а 939	да 220	когда 70
в / во 801	ж / же 157	но 70
не 779	как 140	б / бы 62
на 717	ну 140	от 57
что 483	из 114	до 44
с / со 404	нет 96	ли / ль 43
у 348	под 88	если 40
к / ко 341	только 83	это 32
за 284	то 82	так 32
вот 241	чтоб / чтобы 81	

Местоимения (24):

он 1258	мой 200	один 78
она 733	свой 167	его 69
я 660	сама / сам / сами 124	такой 68
они 510	себя 123	твой 55
ты 468	мы 121	который 43
весь 253	вы 117	ее 37
этот 224	другой 112	какой 35
тот 206	кто 99	никто 34

Наречия (16):

опять 136	так 79	уже 41
тогда 131	тут 56	дальше 41
там 110	всё 55	снова 35
как 108	куда 51	туда 33
домой 103	где 48	
еще 91	потом 47	

Имена прилагательные (5):

богатый 71
бедный 36
красный 36
один 36
хороший 35

Имена числительные (4):

два 77
три 65
один 44
третий 37

Другое (2):

куку / ку-ку 51
надо 39

**Приложение № 3. Топ-100 частотных имен существительных
и глаголов**

1. царь 156	35. Змей / змей 49	69. золото/злато 30
2. брат 152	36. глаз 46	70. сад 30
3. мужик 142	37. двор 45	71. царевна 30
4. Иван-царевич 140	38. огонь 45	72. Ваня 29
5. жена 121	39. дорога 44	73. девка 29
6. муж/мужа 104	40. охота 44	74. сторона 29
7. мать 103	41. старуха 44	75. уж 29
8. конь 95	42. дурак 43	76. человек 29
9. дочь 91	43. земля 43	77. избушка 28
10. волк 90	44. море 42	78. лиса 28
11. сын 85	45. рука 42	79. мачеха 28
12. отец 81	46. поле 41	80. молодец 28
13. сестра 79	47. нога 40	81. правда 28
14. лес 76	48. ночь 40	82. свет 28
15. барин 74	49. дочка 38	83. корабль 27
16. вода 74	50. мужичок 38	84. мешок 27
17. коза 74	51. охотник 38	85. Настечка 27
18. поп 73	52. дед 37	86. невеста 27
19. старик 73	53. город 36	87. птица 27
20. голова 71	54. дело 36	88. Аленушка 26
21. день 70	55. ведьма 35	89. вол 26
22. люди 67	56. Марко 33	90. год 26
23. лошадь 62	57. юноша 33	91. коточек 26
24. дом 58	58. девочка 32	92. молоко 26
25. медведь 56	59. Ивашечка 32	93. печка 26
26. хозяин 56	60. король 32	94. баба 25
27. дуб 55	61. служивый 32	95. гусь 25
28. Бог / бог 54	62. хлеб 32	96. Климка 25
29. дверь 54	63. братец 31	97. мясо 25
30. дети 54	64. дядька 31	98. рубль 25
31. время 50	65. зверь 31	99. сестрица 25
32. деньги 50	66. речка 31	100. собака 25
33. солдат 50	67. топор 31	
34. бабушка 49	68. Шамраик 31	

1. говорить 495	35. приехать 51	69. выгнать 26
2. быть 345	36. съесть 51	70. жениться 26
3. пойти 319	37. думать 49	71. закричать 26
4. идти 298	38. звать 48	72. лететь 26
5. сказать 235	39. выйти 45	73. петь 26
6. стать 227	40. делать 45	74. подумать 26
7. прийти 182	41. начать 45	75. попасть 26
8. взять 166	42. лечь 43	76. посылать 26
9. дать 124	43. просить 43	77. бросить 25
10. видеть 117	44. уйти 42	78. смотреть 25
11. жить 105	45. посадить 38	79. украсть 25
12. сесть 88	46. рассказать 38	80. глядеть 24
13. спрашивать 82	47. убить 38	81. сделаться 24
14. поехать 74	48. лежать 37	82. встать 23
15. хотеть 73	49. побежать 37	83. нести 23
16. бежать 72	50. увидеть 37	84. поднять 23
17. сидеть 72	51. спросить 36	85. посмотреть 23
18. ехать 71	52. брать 35	86. узнать 23
19. знать 70	53. кричать 35	87. читать 23
20. приходиться 69	54. видать 34	88. поставить 23
21. плакать 68	55. положить 34	89. резать 23
22. спать 68	56. купить 33	90. зарезать 23
23. остаться 65	57. схватить 33	91. умереть 22
24. стоять 64	58. везти 31	92. испугаться 21
25. ходить 62	59. велеть 31	93. полететь 21
26. давать 61	60. подойти 31	94. собрать 21
27. отвечать 61	61. обрадоваться 30	95. согласиться 21
28. принести 60	62. поглядеть 30	96. выпустить 20
29. сделать 59	63. решить 30	97. искать 20
30. бить 58	64. стать (стоять) 30	98. поймать 20
31. есть (пищу) 58	65. есть (быть) 29	99. прибежать 20
32. пустить 57	66. заплакать 28	100. снять 20
33. отдать 54	67. мочь 27	101. уехать 20
34. пить 51	68. приказать 27	

Приложение № 4. Диалектизмы

Аржаной 1. → **Оржаной.** ‘Ржаной’

*С загона богатого брата да навалилась саранча на загон бедного, выбирает зерна, зерна **аржанья** и таскает на загон богатого (ЛК I, с. 26).*

Басловéние 3. ‘Благословение’

*«Когда ты вышла замуж без моего позволения, без моего **басловенья**, так сделай ты с мужем, что я выдумаю» (ЛК I, с. 22).*

Басловíть 1. ‘Благословлять’

*...А сам пошел к отцу, испросил у няво басловения. Отец **басловил** яво (ЛК I, с. 13).*

Ба́чить 1. ‘Видеть’

*«Чуешь ли солома, **Бачишь** ли солома, Что водится дома?» (ЛК IV, с. 19).*

Безо́тмéнно 1. ‘Непременно, обязательно’

*«Воротись, воротись **безотменно**; я сам дока, я пойду с тобою!» (ЛК II, с. 32).*

Беревно́ 1. ‘То же, что бервено’ → **Бервенó.** ‘Бревно’

*Он немного подтесал и наложил **беревна** три (ЛК I, с. 6).*

Бечь 1. ‘Бежать’

*«Сделаюсь я зверем и буду к нему **бечь** на встречу...» (ЛК I, с. 9).*

Бо́йло 1. ‘Битье, побои, драка’

*После **бойла** она садится на мужа верхом и приказывает везти ее в баню (ЛК IV, с. 16).*

Бо́лелый 1. ‘Больной, нездоровый, болезненный’

*А брат вскочил ни горелый, ни **болелый**, обнял сестру и отдал ее за хорошего человека... (ЛК II, с. 15).*

Бутéть 1. ‘То же, что ботеть’ → **Бо́тéть.** ‘Сильно, быстро расти’

*Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина все **бутеет**... (ЛК II, с. 29).*

Ва́ленцы 1. ‘Валенцы’

*Заехал к крёстной матери, она ему дала тулуп, две пары **валенцев** и связку монистов (ЛК III, с. 29).*

Вар 2. ‘Кипяток’

*Он узял этим **варом** облил волка так, что с няво шерсть послезла (ЛК I, с. 18).*

Вата́житься 1. ‘Поддерживать знакомство, дружить с кем-либо’
...С дурными людьми не вата́житься... (ЛК II, с. 24).

Вéретье 1. ‘Грубая ткань, изготавливаемая из оческов льна, пеньки и употребляемая в качестве подстилки, полога и т.д.’

Проела веретья, по рыбки выбрасывала наземь, потом сама улезла... (ЛК I, с. 16).

Верхник 1. → **Вéршник.** ‘Всадник’

Вот он послал по всем по дорогам верхников своих работников в погоню за дочерью (ЛК I, с. 22).

Взбéгаться 2. ‘Начать усиленно бегать’

Поп испугался, как всходился, взбегался, кричит... (ЛК IV, с. 8).

Взметáться 1. ‘Начать усиленно метаться’

Поп как взметался, взбегался... (ЛК IV, с. 9).

Возворотíться 2. ‘Возвратиться’

Возворотилси Иван-царевич назад, жанилси на князьковой дочери... (ЛК I, с. 21).

Вóлчушка 2. ‘Волк’

«Ну, погоди, Коза-лупяные глаза, я пришлю своего кума, Волчюшку, он тебе отсюда выживет» (ЛК I, с. 25).

Ворóжка 1. ‘То же, что ворожбитка’ → **Ворожбítка.** ‘Ворожея’

Ему ворожки сказали: «Пошли его туда, не знать куда, принести то, не знать что» (ЛК III, с. 34).

Вспóмниться 1. ‘Прийти в себя, опомниться’

Очутился там, глянул на детей, глянул на жену – узнал и не вспомнился от радости... (ЛК II, с. 28).

Встревáть 1. ‘Встречать’

Воротилси купец домой. Жана яво встреваитъ с сыном (ЛК I, с. 6).

Встревáться 2. ‘Встречаться’

С ним встреваитца змей и говорить... (ЛК I, с. 7).

Встреть 2. ‘Встречать’

Растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь... (ЛК II, с. 8).

Встрéться 5. ‘Встречаться’

Встрелась с ним Лисица (ЛК I, с. 16).

Всходиться 1. ‘Начать и продолжать ходить быстро, энергично’
Поп испугался, как всходился, взбегался, кричит... (ЛК IV, с. 8).

Говору́ха 1. ‘Говорунья, болтунья, любительница поговорить’
А старуха-говору́ха и скучила без падчерицы... (ЛК II, с. 8).

Головонька 4. ‘Головушка’
«Меня сёстры сгубили, Ножик в сердце устремили, А под бочка пшеницы, В головоньку камушек» (ЛК III, с. 15).

Гостевать 1. ‘Гостить’
«Кто в лесе, кто в темном – приди ко мне гостевать!» (ЛК II, с. 8).

Гулюшка 1. ‘Гулянка, кутеж, попойка’
...Нынче пошлет его туда, завтра в другое место, а без него у нее гулюшки, пирушки! (ЛК II, с. 32).

Гусенёк 5. ‘Гусь’
«За нами летит зашипанный гусенек, он тебя возьмет, донесет» (ЛК II, с. 11).

Гуска 2. ‘Гусыня’
Она ему говорит: «Мужа, купи мне гуску» (ЛК III, с. 46).

Дак 1. ‘Так’
Навстречу ей Волк. «А, дак это-то Коза, что мне прозвище клала?!» (ЛК I, с. 25).

Доглядеться 1. ‘Посмотреть, увидеть’
«Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?» (ЛК II, с. 9).

Дождать 2. ‘Ждать, дожидаться’
Дождал двенадцати часов ночи, вышла Елена, он ее украл и сам сел на кобылицу и ускакал (ЛК IV, с. 41).

Дождать 4. ‘Ждать, дожидаться’
Вот идет домой, а поп снова на дороге стоит и его дожидает (ЛК IV, с. 12).

Домовина 1. ‘Гроб’
...Заплакал и пошел на могилу к отцу. Услышал его отец в домовине... (ЛК II, с. 19).

Дрѡвцы́ 1. ‘Ласк. к дрова’

Лисица состроила сабе домок из ледочку, а Заяц из дрѡвец (ЛК I, с. 15).

Дудá 8. ‘Простейший музыкальный инструмент; дудка’

«Съезди, у моей матери-Змеи в поставце возьми дуды-самогуды» (ЛК III, с. 31).

Дуже́ 1. ‘То же, что дюже’

...Они его дуже побили (ЛК III, с. 13).

Дурый́ 2. ‘Глупый’

Брат подумал, что есть люди еще дурее его сестры и решил итти дальше (ЛК IV, с. 19).

Дыть 2. ‘Да ведь’

«Дыть вы кода мне сожгли, то я попал на небо...» (ЛК IV, с. 24).

Дюже́ 4. ‘Очень, сильно, весьма’

Вот поп обедню служит, а сам смотрит на нее, дюже она хороша (ЛК IV, с. 9).

Евѡный́ 1. ‘Принадлежащий ему, его’

...Расщепил пень громадный и евоную бороду клином и загнал в расщелину (ЛК IV, с. 30).

Жанá 8. ‘Жена’

Жана яво встречаить с сыном (ЛК I, с. 6).

Жанитьсá 1. ‘Жениться’

Возворотилси Иван-царевич назад, жанилси на князьковой дочери... (ЛК I, с. 21).

Жанíх 3. ‘Жених’

«У нас будя завтра выбор жанихов, ты приходи, и я выбяру тебе» (ЛК I, с. 13).

Жигнуть 3. ‘Жалить, кусать (о насекомых, змеях)’

Пчелка влетела в трушиобинку да как жигнет Козу за лупленный бок (ЛК I, с. 25).

Жíто 3. ‘Любой хлеб (на корню, в снопах, зерне)’

Взял за работу мешок жита и ушел домой (ЛК IV, с. 30).

Завернуть 2. ‘Повернуться’

Гуси подлетели, поглядели-поглядели: Настечки не видно, завернули назад (ЛК III, с. 14).

Завернутьсá 1. ‘Повернуться, повернуть назад’

Завернулись и пошли (ЛК III, с. 37).

Зави́стный 1. ‘1. Завистливый. 2. Жадный’

Некоторые завистные бабы поспешили и поспихали своих мужей в море... (ЛК IV, с. 23).

За́втра, за́втра 6. ‘Завтра’

«У нас будя завтра выбор жанихов, ты приходи, и я выбяру тебе» (ЛК I, с. 13).

Загнётка 2. 1. ‘Угол, углубление в углу шестка или внутри русской печи, куда сгребают горячие угли, жар. 2. Шесток у русской печи. 3. Устье русской печи, ход в печь. 4. Заслонка, загораживающая устье русской печи’ и др.

Хлеб испекси ясный, как солнца! Братья сабе так сделали, но тесто вылилось на загнетку (ЛК I, с. 11).

Зажури́ться 1. ‘Опечалиться, загрузить, загоревать’

«Ну как, Марьюшка, о чем загорюнилась, зажурилась?» (ЛК IV, с. 8).

За́злѳбно 1. ‘Обидно, огорчительно, оскорбительно’

Царь что ни задумает сделать, солдат больше него знает. Царю стало зазлѳбно (ЛК III, с. 34).

Заимѳть 1. ‘Приобрести, стать обладателем чего-либо’

Заимел он себе собаку охотничью и соловья (ЛК III, с. 25).

Заку́тка 1. ‘Уменьш.-ласк. к закута; то же, что закута’ → **Заку́та.** ‘Хлев’.

‘Отгороженное в хлеву место, помещение, отделение для какого-либо скота. Отгороженное место в хлеву для овец и телят. Отгороженное место (в хлеву) для свиней. Отгороженное место в хлеву для коровы’

Они пошли в закутку – гусёночка нету (ЛК III, с. 10).

Заку́точка 3. ‘Уменьш.-ласк. к закута’

Они пошли – баранчика в закуточке нету (ЛК III, с. 11).

Замилова́ть 1. ‘Заласкать кого-либо’

«Если б он показался и рассказал нам об нашей матушке, мы б его зацеловали, замиловали и в братья к себе приняли» (ЛК II, с. 27).

Замоло́тки 2. 1. ‘Первый день молотьбы, начало которой иногда отмечается выпивкой’. 2. ‘То же, что замолот’ → **Замоло́т.** ‘Пробный обмолот, показывающий, сколько зерна дает копна’

Пошел он тогда в работники на замолотки (ЛК IV, с. 29).

Занудить 1. ‘Мучить работой, утомлять’

...Над работою каждый день занудили, заморили... (ЛК II, с. 9).

Запопасть 1. ‘Поймать, захватить, застать, встретить кого-либо неожиданно’
Не успели переглянуться, перешепнуться, а она 15 к ним в двери, легка на помине, запопала врасплох... (ЛК II, с. 14).

Запахать 1. ‘То же, что запсать’ → **Запсать.** ‘Убрать, спрятать что-либо куда-либо и забыть, где лежит’
*...Там у вершина лежит кость, мозг из ее выпушиен, а талан твой туда **запахат**...* (ЛК I, с. 26).

Знатун 1. ‘Знахарь, колдун’
*Влезает в хату самый главный **знатун*** (ЛК III, с. 28).

Игдэ 1. ‘Где’
*«У мене ключей нету, и не знаю **игде**»* (ЛК I, с. 19).

Идэ 7. ‘Где’
*Но мать яво была волшебница и знала, **иде** он был...* (ЛК I, с. 12).

Идить 2. ‘Идти’
*Вот как он будет **идить**...* (ЛК I, с. 9).

Издэлать 3. ‘Сделать’
*Те братья тожа сабе **изделали**...* (ЛК I, с. 11).

Издэлаться 2. ‘Приобрести какое-либо качество, стать каким-либо’
*А Иван-царевич **изделалси** опять пастухом* (ЛК I, с. 14).

Испужаться 3. ‘Испугаться’
*Волк **испужалси** да ушел* (ЛК I, с. 16).

Кабы 1. ‘Если бы’
*«Нет, – говорит старик, – **кабы** троих сразу»* (ЛК IV, с. 30).

Ка-га 2. ‘Обозначает крик гусей’
*А гуси-лебеди отвечают: «**Ка-га!**»* (ЛК II, с. 11).

Кафтаник 1. ‘Небольшой кафтан’
*...Лоскутики собирать, **кафтаники** шивать...* (ЛК II, с. 24).

Клев 1. ‘Клюв (птицы)’
*Кто чем мастерил, тот тем ему и служил: лисица хитростью, заяц прыткостью, орел крылом, ворон **клевом*** (ЛК II, с. 20).

Княже́вич 7. ‘Сын князя особенно молодой, княжевич’
Словом, князь-княжевич Иван-королевич с своею охотою был неодолим... (ЛК II, с. 20).

Ковале́к 3. ‘Уменьш.-ласк. к коваль’ → **Кова́ль.** ‘Кузнец’
«Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!» (ЛК II, с. 29).

Кожу́х 1. ‘Кожа, шкура’
*Кода она [лягушка] приехала, начала искать, но не нашла (свой **кожух**)* (ЛК I, с. 12).

Кози́ный 1. ‘Козий’
*Волк понял **козиныя** речи, поднял хвост на плечи и пошел прочь* (ЛК I, с. 25).

Коло́дезек 2. ‘Колодец’
*Шла-шла. **Колодезек** с водичкою* (ЛК III, с. 26).

Коло́дезь 8. ‘Колодец’
*...Да вздумал водицы напиться, нагнулся в **колодезь**...* (ЛК II, с. 28).

Конё́чик 1. ‘Конек’
*«Не пей, Ивашечка, **конёчком** станешь»* (ЛК III, с. 22).

Кони́ный 1. ‘Относящийся к коню, конский’
*Тогда Иван-царевич привезал сестру к **кониному** хвосту...* (ЛК I, с. 10).

Кони́чек 2. ‘Коник’ → **Коник.** ‘Широкая лавка у входной двери избы, имеющая вид ларя, с откидной крышкой или задвижными дверцами, и служащая местом для спанья, хранения посуды, продуктов, инструментов и т.п.’
*Они его посадили в **кони́чек*** (ЛК III, с. 10).

Кохáть 1. ‘1. Любить кого-либо. 2. Воспитывать’
*У нее был один только сын. Берегла она его и **кохала**, как только могла* (ЛК IV, с. 29).

Кочет 1. ‘Петух’
*Идет **кочет**: «Зайчушка-батюшка! Чаго ты плачешь?»* (ЛК I, с. 15).

Красови́тый 1. ‘Красивый, хороший, приятный; прекрасный’
*«Теперь я и здорова и весела, а еще бы я **красовитей** была...»* (ЛК II, с. 20).

Кругови́на 1. ‘Сидеть в круговине, посадиться в круговину’
*Посадились все караульщики в **круговину**, погребец поставили в середину* (ЛК II, с. 30).

Крупочка 8. ‘Уменьш.-ласк. к крупка’ → **Крупка.** ‘Крупинка’
Мы бежали через ручеёчек, схватили кленовый листочек, крупочку водицы... (ЛК III, с. 5).

Курняв 20. ‘О мяуканье кошки’
Подъехали под двор Змеи, конь сделался коточком, подбежал под двери: «Курняв, курняв» (ЛК III, с. 31).

Курюшка 1. ‘Недогоревшее полено, головня’
Вот старший брат задумал поджигать меньшаго, несет в руках курушку... (ЛК I, с. 26).

Кутóчек 1. ‘Уменьш.-ласк. к куток’ → **Куток.** ‘Угол, уголок’
Она: «Я хоть вот тут, у куточка, у лавочки приткнусь» (ЛК III, с. 27).

Куховáрка 1. ‘Кухарка, стряпуха’
А Лисица сперва жила у волка да медведя куховаркою, а заяц лакеем (ЛК I, с. 16).

Лéчбá 1. ‘Лекарство; снадобье’
«В Крым-град за лечбой!» – «Кто болен?» – «Жена!» (ЛК II, с. 32).

Лíствицы 1. ‘Листья’
Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые... (ЛК II, с. 10).

Лубяно́й 3. В сочетании **лубяные глаза:** ‘Глаза навывают’
«Что ты, Коза-лупяные глаза, сделала, обидела Заиньку?» (ЛК I, с. 25).

Лы́тка 2. ‘Нога’
...А сама, поднявши лытки, пошла опять на раздобытки (ЛК II, с. 11).

Ма́тернин 1. ‘Материн’
Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла... (ЛК II, с. 9).

Мизéнец 1. ‘Мизинец’
И он им сказал: «Я денег ня бяру, а дайте у вас отрежу по мизеницу!» (ЛК I, с. 14).

Моргонúть 1. ‘Моргнуть, мигнуть’
...Сидят, чубом не тряхонут, глазом не моргонут, хозяйское добро берегут (ЛК II, с. 30).

Мосольга 1. ‘Большая кость’
Она кинулась масалыгами тянуть, а у ней стали пальцы (ЛК III, с. 26).

Мудрёный 3. ‘Умный, разумный, сообразительный’
Она была мудряна (ЛК I, с. 7).

Мылице 1. ‘Мыльце’
«Дык продай мне мылица, ситчику, ишишо кой-што» (ЛК IV, с. 13).

Надгонять 3. ‘Догнать’
Вот опять слуги поехали. Едут и надгоняют их (ЛК I, с. 7).

Наедки 6. ‘Еда; питание; яства; угощения’
Тут и столы, и стулья позастучали, и ножи, и вилочки, и ложечки, и тарелочки, напитки, наедки, стоги водки (ЛК III, с. 35).

Назира́ть 1. ‘Наблюдать, смотреть’
...Сам над нею день и ночь сидит, в ее очи глядит, каждый шаг назирает, каждый след охраняет (ЛК II, с. 31).

Напха́ть 1. ‘Набить, напихать что-либо до предела’
Наловил в меньший раков, а в больший чертей полный напхал (ЛК IV, с. 12).

Нара́не 3. ‘1. Завтра (рано) утром. На следующий день, завтра. Рано утром’
В мене было четыре овченки. Я их пустил на ночь туда. Нараня устал, там их Бог знает сколько... (ЛК I, с. 18).

Наруга́ть 1. ‘Обругать, изругать’
«Ну, спасибо, ёжик, не обижайся, что я тебя наругала» (ЛК III, с. 14).

Наря́дница 1. ‘Нарядно одетая женщина’
Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! (ЛК II, с. 7).

Насме́литься 1. ‘Осмеливаться’
А подойти к нему боятся. Ну, насмелились, подошли (ЛК IV, с. 23).

Незави́стный 2. ‘Независтливый’
«Ну, я человек независтный, взял себе немного – хватит с мене» (ЛК IV, с. 23).

Нема́ 13. ‘Нет, отсутствует’
Пришёл козёл с лыками, а козы нема (ЛК III, с. 7).

Немого́та 1. ‘Немощь, слабость’
Как услышал это мужик, взял и перелил бочонки. Силу в слабый бочонок, а немоготу в сильный (ЛК IV, с. 31).

Несть 4. ‘Нести’

*«Бабушка мне ее катить – не докатить, **несть** – не донести, весть – не довесть»* (ЛК I, с. 8).

Нетути 8. ‘Нет’

*«Батюшка, а батюшка, ты не пойдешь к нам служить, а то у нас **нетути?**»* (ЛК IV, с. 10).

Нонче 3. ‘В настоящее время, теперь; ныне’

*«Э, батюшка, иде **нонче** прожить правдою! Кривдою луччи»* (ЛК I, с. 24).

Обзыватья 3. ‘Откликаться на обращение, на зов, отзываться’

*«Что же это за красавица была? И откуда такая девка?» – «Да это я.» – «Вот ещё, дуручка **обзывается**»* (ЛК III, с. 19).

Обратать 1. ‘Накинуть узду на коня; оседлать’

*Выбежал на двор, **обратал** лошадь и поехал* (ЛК IV, с. 14).

Оброточка 1. ‘Узда, недоуздок’

*...Спустил в конюшню бочонок вина на **оброточке**, бочонком помахивает...* (ЛК II, с. 30).

Овчонка 1. ‘Овца’

*В мене было четыре **овченки*** (ЛК I, с. 18).

Оглобельно 1. ‘Деревце, срубленное для изготовления оглобель’

*Побежал медведь в лес за **оглобельной**, с корнем дуб своротил ещё толще* (ЛК III, с. 12).

Опосля 4. ‘После, потом’

***Опосля** стола оне начали танцовать* (ЛК I, с. 12).

Оскори́на 1. ‘Ракита, ива’

*Он увзял, унес у одной девицы платья и сам спряталси за **оскорину*** (ЛК I, с. 12).

Отвозить 1. ‘Избить, поколотить’

*С этими словами она опять начала возить Николая угодника. **Отвозила** его второй раз...* (ЛК IV, с. 16).

Отжить 1. ‘Оживать’

*Он узял поленом убил ее. <...> На одном возу сел сам, а на другой воз в рыбу закопал Лисицу. Она там **отжила*** (ЛК I, с. 16).

Отлечить 1. ‘Вылечивать’

«Что вчера ни делали, все **отлечено**: сляпой глаза вылячил...» (ЛК I, с. 25).

Отпороть 4. ‘Оторвать, отделить от чего-нибудь’

Дурак одну ногу и **отпорол** (ЛК III, с. 41).

Парь 2. ‘Парень; друг, приятель, товарищ (обычно в обращении)’

«**Парь, а парь, тут солдат не проходил с вещами?**» (ЛК IV, с. 14).

Пасать 1. ‘Пасти’

...По утрам он двор убирал, вечерами скот **пасал**... (ЛК II, с. 28).

Пасха 3. ‘Пасхальный кулич’

Пошел он на базар, купил себе **пасху** и пошел тоже святить (ЛК IV, с. 12).

Пёнушек 4. ‘Пенек, пенышек’

Сел на **пенушик** и плача (ЛК I, с. 20).

Перепо́й 1. ‘То же, что перепойка’ → **Перепойка.** ‘Обычай завершать сватовство выпивкой’

Потом обрुчились перстнями и сделали между собою **перепой** (ЛК I, с. 6).

Побéчь 2. ‘Побежать’

Вот охота яво **побегла** уперет... (ЛК I, с. 9).

Побладарить 1. ‘Поблагодарить’

Они яво **побладарили**... (ЛК I, с. 19).

Пóвэк 1. ‘То же, что повеки’ → **Пóвэки.** ‘Никогда; во век’

«Скажи яму, что он мене **повек** не увидить!» (ЛК I, с. 13).

Повестить 1. ‘Сообщать, извещать; оповещать’

...А король в это время приказал **повестить**, что кто спасет его дочь от пятиглавого змея, тому отдает ее в жены и в приданое все королевство (ЛК IV, с. 34).

Повы́здыха́ть 1. ‘Подохнуть; поумирать’

«Пусть они [козы] все **повыздохнут**, я их кормила, кормила, а они всё голодные» (ЛК III, с. 5).

Подделать 1. ‘Доделывать; делать что-л. дополнительно’

«Иди, подделывай углы, чтоб батюшка не знал мою работу». Он пошел **подделал** бревна три (ЛК I, с. 6).

Поддѣлывать 2. ‘Доделывать; делать что-л. дополнительно’
*«Иди, **подделывай** углы, чтоб батюшка не знал мою работу». Он пошел подделал бревна три (ЛК I, с. 6).*

Подкидышек 3. ‘В сказках – ребенок-подкидыш’
*А она, горемычная, плавала по морю по океану с **подкидышком**, и рос этот **подкидышек** не по дням, а по часам (ЛК II, с. 27).*

Подожма́ть 1. ‘Поджечь’
*Оделась она в шубу, **подожмала** ножки, сидит (ЛК II, с. 7).*

Подъявѣться 1. ‘Являться, появляться’
*«Ах, такой-сякой, откуда ты **подъявился?!**» (ЛК III, с. 43).*

Пойдѣть 1. ‘Пойти’
*Отец и стал ее приневоливать **пойдуть** замуж... (ЛК I, с. 22).*

Пойтѣть 1. ‘Пойти’
*...А она не захотела **пойтуть** замуж за дворянина (ЛК I, с. 22).*

Покра́сть 1. ‘Украсть’
*А Иван-царевич женился на ее старшей сестре, на той самой, что детей его **покрала...** (ЛК II, с. 27).*

Понѣва 1. 1. ‘Нижняя юбка’. 2. ‘Женское платье с рукавами из домотканой материи’. 3. ‘Род жакета из домотканого сукна’. 4. ‘Овчиная шуба, покрытая холстом’ и др.
*А любил он надевать на себя что зря: то бабью **поневу** наденет, то ведро на голову, и ходит так себе и улыбается (ЛК IV, с. 10).*

Поотда́ть 1. ‘Отдать (все, многое)’
*«Вот видишь, царь-батюшка, как много у тебя дураков, что и погончики свои мне **поотдали**» (ЛК IV, с. 29).*

Поотрубѣть 2. ‘Отрубить’
*Он ей пальцы **поотрубил...** (ЛК III, с. 25).*

Пѣпел 1. ‘Пепел, зола’
*Марья-царевна раскопала **попел**, нашла этот зуб и зашла в подушку (ЛК I, с. 10).*

Попло́шее 1. ‘Похуже’
*Старшие два брата какие были молодцы: и рослы, и дородны! А меньшей, Ванюша, – как недоросточек, как защипанный утенок, гораздо **поплоше** (ЛК II, с. 18).*

Поприехать 1. ‘Приехать (обо всех, многих)’
Поприехали все цари... (ЛК III, с. 38).

Посадиться 1. ‘Сесть’
Посадились все караульщики в круговину... (ЛК II, с. 30).

Посеред 1. ‘Среди (ночи, дня и т.п.), во время чего-л.’
Посеред дня опять просится он у царя... (ЛК II, с. 23).

Послу́хать 1. ‘Послушать’
*«Припадь к сырой земли, **послухай**, не едет ли батинька за нами?»* (ЛК I, с. 22).

Потоло́к 7. ‘Чердак’
*Тарас голый прибежал домой, но видит, что там теща – залез на **потолок*** (ЛК IV, с. 18).

Походить 1. ‘Присмотреть, позаботиться, оказывая помощь, создавая необходимые условия и т.п.’
*«Я стара, я хила, за мной **походить** некому»* (ЛК II, с. 8).

Пра́льник 3. ‘Валек для стирки белья на речке’
*Вот жены и говорят: «Давайтя яво у мешок завяжем, на речки **пральниками** (вальками) будем колотить»* (ЛК I, с. 18).

Прибе́чь 2. ‘Прибежать’
Прибег к няму конь (ЛК I, с. 14).

Приметить 1. ‘Узнавать’
*«А мужчину этого знаешь?» – «Нет, не **приметил**»* (ЛК IV, с. 27).

Пробе́чь 1. ‘Пробежать’
*А Марья с мужем **пробегла** девяносто пять верст...* (ЛК I, с. 23).

Пробыва́ть 3. ‘Быть, находиться где-л., пребывать’
*«Где вы были-**пробывали**, что видели-повидали?»* (ЛК II, с. 27).

Про́лубка 1. ‘Небольшая прорубь’
*Прорубили **пролубку*** (ЛК I, с. 18).

Простуди́ть 1. ‘Освежать, вызывать чем-л. ощущение свежести, бодрости’
*«Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду проишлась, тоску размыкала, голову **простудила**»* (ЛК II, с. 24).

Прощипать 1. ‘Прореживать, пропалывать что-л.’

*Бросили щетку – вырос тростник густой-густой: уж не проползет. Ведьма распустила когти, **прощипала** дорожку...* (ЛК II, с. 15).

Пужать 1. ‘Пугать’

*«Что ты мене, Лисушка, **пужаешь** Волчюшкой, я самага чорта не боюсь!»* (ЛК I, с. 25).

Пушай 2. ‘Пусть, пускай’

*«...**Пушай** меня завтра дожидать, я приеду на двенадцати кораблях...»* (ЛК I, с. 13).

Пчелушка 1. ‘Пчела’

*«Как мне, **Пчелушка**, не плакать»* (ЛК I, с. 25).

Разговаривать 1. ‘Рассказывать’

*Обошли весь город, приходят уже в последнюю гостиницу и стали там **разговаривать**, что им дана задача, а они не могут разгадать* (ЛК IV, с. 28).

Раздобыток 2. ‘То же, что раздобудка’ → **Раздобудка.** ‘Доставание, приобретение чего-л. путем розысков или каких-л. действий (на охоте, ловле и т.п.)’

*...А сама, поднявши лытки, пошла опять на **раздобытки*** (ЛК II, с. 11).

Разнарядить 6. ‘Снимать наряд, раздеваться’

*«Орех, орех, раскусись, красну девку **разнаряди, разнаряди, разрумянь**». И стала она такой, какой была.*

Разобраться 3. ‘Раздеваться’

*Приходит мачеха домой со своими дочерьми. **Разобралась** и говорит...* (ЛК III, с. 19).

Разузнать 1. ‘Устанавливать различие между кем-, чем-л., отличать что-л.’

*А братья въехали во двор вдвоем и просят их **разузнать**. Братья были как две капли воды и невозможно было их признать* (ЛК IV, с. 38).

Распечься 2. ‘Сильно разогреться (на солнце)’

*...Забыла матушкино приказанье, **распеклась** на солнышке, разлеглась на травушке...* (ЛК II, с. 9).

Рачить 1. ‘Быть старательным, проявлять усердие’

*«Видно, я худо **рачил**, мало трудился, теперь стану усердней!»* (ЛК II, с. 28).

Роскошь 1. ‘Богатство, роскошь’

*Какое ей было житье, какое приволье, какое **роскошь**!* (ЛК II, с. 28).

Рость 1. ‘Расти, подрастать’

*...И вместо колодочки стал **рость** в пеленочках сынок Терешечка... (ЛК II, с. 10).*

Рúшка 1. ‘То же, что рушилка’ → **Рúшилка.** ‘Мельница крупорушка ручная и с конным приводом или водяная’

*«У нас **рушка** не работает, а я тебя должен наказать, так вот я много наказывать не буду, вот эти три чувала проса перетереть, потолочь...» (ЛК IV, с. 9).*

Рып 6. ‘Скрип чего-л.’

*Идёт дурак и видит дерево. «Дуба-дуба, купи вола». «**Рып-рып**» (ЛК III, с. 41).*

Рядить 5. ‘Судить, распоряжаться’

*«Ня вмею ни судить, ни **рядить**, хочуть у судьи становить» (ЛК I, с. 18).*

Свáшечка 1. ‘Сваха’

«Лисушка-свашечка, я пойду принесу» (ЛК III, с. 12).

Свекр 1. ‘Свекор’

*И одна из них махнула рукавом, **свекру** глаз выбила (ЛК I, с. 12).*

Сготóвиться 1. ‘Подготовиться, приготовиться к чему-л.’

*Климка взял лопату и заступ, пошел на кладбище, вырыл мертвеца и **сготовился** на дело... (ЛК II, с. 30).*

Сеструшечка 1. ‘Сестра’

*«Душечка, **сеструшечка!** Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю...» (ЛК II, с. 14).*

Сигнúть 1. ‘Вскакивать на что-л.’

*Кот увидел волка, сабе испужалси, на бярезу как **сигнеть**... (ЛК I, с. 16).*

Сказáться 1. ‘Признаваться, сознаваться’

*Видит – сестра его здесь, слуга не соврал, но которая – ему не узнать; она сердита – не **скажется**; что делать? (ЛК II, с. 15).*

Скíнуться 3. ‘Превращаться в кого-, что-л.’

*Леший откликнулся, **скинулся** молодцом, новгородским купцом... (ЛК II, с. 8).*

Скок 1. ‘Танец, пляска’

*Вошел на двор, приложил ухо к избе – там игры, там **скоки**, гульба! <...> Растворилась изба – хозяйка по ней лебедем носится, перед ней молодой парень вприсядку рассыпается... (ЛК II, с. 32).*

Скря́чить 1. ‘Скрутить, связать веревкой’

*Солдат пошел; набрал соломы, завернул туда мужа, **скрячил** веревкой... (ЛК II, с. 32).*

Ску́чить 1. ‘Скучать, тосковать без кого-, чего-л.’

*А старуха-говоруха и **скучила** без падчерицы... (ЛК II, с. 8).*

Смерте́льное 1. ‘Одежда для умершего’

*...Он нарочно заболел и постепенно стал слабеть, а к концу недели притворился мертвым. Жена созвала соседок, выкупала его <...> Купальщицы говорят: «Ну, кума, давай **смертельное** мужу» (ЛК IV, с. 21).*

Смоли́ть 3. ‘Держа над огнем, обжигать волосяной покров, пух; палить’

*Подходит к нему, а около огня сидит дед и **смолит** что-то на огне (ЛК IV, с. 30).*

Смысл 1. ‘Ум, рассудок; сообразительность’

*...Этот подкидышек не по дням, а по часам; скоро пришел в **смысл**, стал разумен и говорит: «Сударыня-матушка!» (ЛК II, с. 27).*

Снаря́женный 1. ‘1. Нарядно одетый. 2. Ряженный’

*Вот достал он раз где-то поповскую ризу и колпак и нарядился. **Снаряженный** пошел по деревне (ЛК IV, с. 10).*

Сни́зка 1. ‘Связка чего-л.’

*Над речкой он увидел кружащего ястреба со **снижкой** цыплят (ЛК IV, с. 18).*

Соколóчек 1. ‘Сокол’

*«Ты же, мой сыночек, будь **соколочек**...» (ЛК III, с. 22).*

Соловёйский 1. ‘Похожий на соловья, такой как у соловья’

*Тотчас старик вытянулся, выпрямился, свистнул-гаркнул молодецким голосом, **соловейским** посвистом... (ЛК II, с. 19).*

Сполня́ть 1. ‘Исполнять, выполнять’

*Митряй и службу хорошо **сполняет** и берет не помногу (ЛК IV, с. 11).*

Спрове́дать 1. ‘Испытать, узнать что-л. на опыте, изведать’

*«Сядь же ты здесь, – говорит дока, – я **спроведаю**, какова хворая?» (ЛК II, с. 32).*

Станови́ть 1. ‘Назначать на какое-л. место, должность’

*«Ня вмею ни судить, ни рядить, хочуть у судьи **становить**» (ЛК I, с. 18).*

Стража́ться 1. ‘Сражаться’

*Змей говорит: «Давай **стражатца!**»* (ЛК I, с. 17).

Стражда́ 1. ‘Страдание’

*«Я через него такую **стражду** перенесла, три года проклятая лежала!»* (ЛК I, с. 23).

Стражда́ть 2. ‘Страдать, мучиться’

*«Ох, умястительный и удивительный мужичек! За тебе я **страждаю!**»* (ЛК I, с. 20).

Сусто́ять 1. ‘Удержаться на ногах, устоять’

*...Маша не **сустояла** на ногах, так и повалилась наземь* (ЛК I, с. 23).

Сыма́ть 1. ‘Срезать, срубая, отделять, удалять часть чего-л.’

*«...А если не выбиришь, то я с тебе голову **сыму!**»* (ЛК I, с. 6).

Тала́н 5. ‘Счастливая доля, судьба; счастье’

*«Я твой **талан** – твоё счастье, – говорит зверек, – и ишио есть у тебе **талан**: там у вершина лежит кость, мозг из ее выпушшен, а **талан** твой туда захват...»* (ЛК I, с. 26).

Тётёрь 2. ‘Птица тетерев’

*«Мы видяли две березы. На березах сидят две птички: **тетерь** и тетерюшка»* (ЛК I, с. 7).

Тода́ 31. ‘1. Тогда, в то время. 2. После этого, потом’

Тода они пошли ишио просить ситцу... (ЛК I, с. 11).

Топле́нка 2. ‘Топленое молоко’

*Ему сказали, что они пекут блины и в погреб бегают обмакивать в **топленку*** (ЛК IV, с. 20).

Топу́ 6. ‘Употребляется по знач. глаг. топотить’

*«Я коза драния, один бок булатный, **топу**, **топу** ногами...»* (ЛК III, с. 5).

Тпру 1. ‘Слово, которым понукают лошадей’

*Жена, выехав на двор, сказала: «**Тпру**, Гаврила, мыло забыла, вези обратно»* (ЛК IV, с. 16).

Трескун-мороз 1. ‘О сильном, трескучем морозе’

*«...Да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на **трескун-мороз!**»* (ЛК II, с. 7).

Ту́точки 1. ‘В этом месте, здесь, тут’
«Да нет, мама, она **туточки**, в сенях, за дверьми стоит» (ЛК III, с. 46).

Уби́тый 1. ‘Искалеченный’
Теща вошла в хату и видит затопленную печь, недомешанный хлеб и **убитого** ребенка (ЛК IV, с. 18).

Убла́живать 1. ‘Угождать, доставлять удовольствие кому-л.; тешить кого-л.’
Ухаживают, **ублаживают**: мышка платице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет (ЛК II, с. 29).

Убо́яться 2. ‘Испугаться, утрашиться’
Убоился старик итти ночью... (ЛК IV, с. 21).

Убра́тый 1. ‘Украшенный чем-л.’
А перед ним стоят царские палаты, серебром-золотом **убраты**... (ЛК II, с. 29).

Ува́диться 1. ‘Привыкнуть делать что-л.’
Нынче придет покалякает, завтра придет – гостинец принесет; **увадился**, наносил столько, что девать некуда! (ЛК II, с. 8).

Увесь 1. ‘Целиком, весь’
Змей **увесь** сжогси, осталси один только зуб (ЛК I, с. 10).

Увзя́ть 13. ‘Взять’
А она **увзяла** ситяц, разрежала на шматочки... (ЛК I, с. 11).

Увойти́ 2. ‘Попасть внутрь чего-л., войти’
Стоит трехэтажный дом. Он **увошел** в няво и увидял там девицу (ЛК I, с. 17).

Удари́ть 1. ‘Одаривать кого-л. чем-л.’
Так нет, нечестивого дарами не ударишь (ЛК II, с. 29).

У́жа 6. ‘Уж, неядовитая змея’
Искупались, вышли, все девушки оделись, а на её рубашке сидит уж. Она говорит: «**Ужа, ужа**, слезь, отдай рубашку» (ЛК III, с. 21).

Узрасти́ть 1. ‘Выращивать, растить кого-л.’
«Чтоб был у вас, Марьюшка, за ночью дите **узрощенное**, грамати наученое» (ЛК I, с. 22).

Улови́ть 4. ‘Хватать, ловить кого-л.’
Лиса ночью поднялась, курёночка этого **уловила**, пёрышки обобрала и его съела (ЛК III, с. 10).

Успра́шивать 2. ‘Спрашивать, обращаться к кому-л. с вопросом’
*Волк **успрашивает** у медведя...* (ЛК I, с. 16).

Успроси́ть 2. ‘Спрашивать, обращаться к кому-л. с вопросом’
*...Подъехали к нему и **успросили**: «Хто ты?»* (ЛК I, с. 14).

Устрева́ть 1. ‘Встречать кого-л.’
*Жана яво **устревая** с сыном и дочьярю* (ЛК I, с. 7).

Ухвати́ть 4. ‘Взять, схватить что-л. поспешно’
*«Постойте, лепёшечку **ухвачу**». Лепёшку **ухватила**, опять – на потолок* (ЛК III, с. 9).

Фортка 1. ‘Небольшая дверь в заборе, калитка’
*Настечка чуть-чуть успела, прибежала к двору. Закрыла ворота и **фортку**, и сама вскочила в хату* (ЛК III, с. 15).

Что зря́ 1. ‘Плохо (делать что-либо)’
*А любил он надевать на себя **что зря**...* (ЛК IV, с. 10).

Чува́л 3. ‘Большой мешок’
*Тогда мужик притащил три **чувала** проса, потом ступку и толкач и говорит...* (ЛК IV, с. 8).

Швы́тко 1. ‘Быстро’
*«Да что ж, барин, я всегда ездил, а ходить **швытко** не могу»* (ЛК IV, с. 17).